

Курт ВОННЕГУТ

СИРЕНЬ ТИТАНА

Роман

Перевод: Наталья Калинина

С каждым часом Солнечная система приближается на 43 тысячи миль к сферическому скоплению М-13 в созвездии Геркулеса, и тем не менее находятся бестолочи, утверждающие, что прогресса как такового не существует.

РЭНСОМ К. ФЕРН

Все действующие лица, места действия и события в этой книге не вымышленные. Лишь некоторые диалоги и рассуждения пришлось автору сочинить. Автор не пытался изменить имена и тем самым оградить от нападок невинных, поскольку Всемогущий Господь сам их ограждает, следуя давно заведенному небесному распорядку.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МЕЖДУ ТИГРИЦЕЙ И ТИМБУКТУ

По-моему, кто-то там, наверху, любит меня.

Малачи Констант

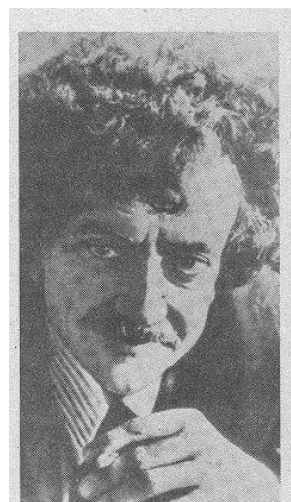
Теперь каждому известно, как найти смысл жизни в себе самом. Но человечество не всегда было столь находчивым. Еще какую-нибудь сотню лет назад мужчины и женщины не имели свободного доступа к тайникам собственной души.

Даже не знали ни одного из пятидесяти трех подступов к ней. Это было время буйного расцвета придуманных наспех религий.

Человечество, не видя смысла, заложенного в каждом представителе своего рода, заглядывало за пределы своего мироздания, без конца стремилось туда протолкнуться.

Проталкиваясь, оно пыталось понять, кто же все-таки сотворил мирозданье и для чего это сделал. Человечество то и дело забрасывало в космос лучших своих представителей — брало и зашвыривало. Все они попадали в бесцветное, бесконечное невесомое пространство.

Они летели в него, как камни. Эти несчастные представители человеческого рода находили там то, чего с избытком хватало на Земле, — все тот же бесконечный кошмар. Космос, эта беспредельность,

Американский писатель Курт Воннегут родился в 1922 году. Участник второй мировой войны. Советскому читателю знаком по романам «Механическое пианино» («Утопия»), «Война номер пять», «Колыбель для кошки» и др.

В романе «Сирень Титана» (1959 г.) автор, используя приемы научной фантастики, предупреждает о тех опасностях, которые таит в себе безудержный рост техники, не сопровождаемый нравственным и социальным прогрессом.

Рисунки А. Кашкуревича.

научил их совершать ненужные подвиги, ломать жалкую комедию и умирать бессмысленной смертью.

И, наконец, окружающее пространство потеряло для людей свою так называемую притягательную силу. Пришло время заняться исследованием внутреннего мира человека. Исследованием человеческой души, этой terra incognita.

Начался век добродетели и мудрости. Какими же были люди в те давние времена, люди, чьи души оставались потемками? Ниже описано непридуманное событие из истории Кошмарных веков, имевшее место между Второй Мировой войной и Третьей Великой депрессией.

Толпа... Она собралась по случаю материализации. Материализоваться должны были мужчина и его собака, а по-простому, появиться из ничего — две зыбкие тени, постепенно облагающиеся в такую же плоть, из какой состоят все живые мужчины и собаки.

Но толпе не суждено было увидеть материализацию. Материализация была событием сугубо личного плана и имела место на частной усадьбе, так что толпе самым решительным образом отказали в возможности насладиться зрелищем.

Материализация, как и современная цивилизованная процедура повешения, должна была произойти за высокими, глухими, надежно охраняемыми стенами. И толпа за этими стенами очень напоминала толпу, не допущенную на казнь.

Толпа понимала, что ей не суждено стать свидетелем происходящего за стеной, и, тем не менее, эти люди получали удовольствие, толкаясь поблизости, глаза на глухую кладку и представляя себе, что за ней происходит. Таинство материализации, подобно таинству повешения, опошлялось яркими картинками из волшебного фонаря нездорового во отражения, которые толпа проецировала на глухие каменные стены. Место действия: Ньюпорт, Род-Айленд, США, Земля, Солнечная система, Млечный Путь. Стенами обнесено поместье Рамфорда. За десять минут до предполагаемого начала материализации агенты полиции пустили слух, будто материализация произошла преждевременно, снаружи, и что человека и его собаку можно отчетливо увидеть в двух кварталах отсюда. Толпа галопом понеслась к перекрестку глазеть на чудо.

Толпа с ума сходила по чудесам. В хаосе толпы тащилась женщина, весившая триста фунтов. При ней были ее зуб, засахаренное яблоко и наспуленная девчушка шести лет. Она держала девчушку за руку и дергала ее из стороны в сторону, как воздушный шар на резинке. «Ванда Джун, — выговаривала она девчушке, — если ты не будешь себя хорошо вести, я больше никогда не возьму тебя на материализацию».

Материализация происходила уже в течение девяти лет — один раз через каждые пятьдесят девять дней. Самые ученые и благонадежные люди со всего мира слезно выклянчивали право присутствовать на материализации. Но какими бы словами ни излагали свои просьбы сии влиятельные мужи, им давали категорический отказ. Один и тот же, подписанный секретарем миссис Рамфорд:

«Миссис Уинстон Найлз Рамфорд просит уведомить Вас, что она не располагает возможностью послать приглашение, о котором Вы просите.

Она уверена, что Вы разделяете ее чувства относительно того, что феномен, который Вы пожелали наблюдать, есть не что иное, как семейная трагедия, а посему это едва ли подходящее зрелище для посторонних, хотя их любознательность и объясняется высокими мотивами».

Миссис Рамфорд и весь штат ее прислуги не отвечали ни на один из десятков тысяч задаваемых им вопросов. Миссис Рамфорд не чувствовала себя чересчур обремененной обязательствами информировать мир о событии, происходящем за стенами ее особняка. Она ограничивалась тем, что спустя двадцать четыре часа после каждой материализации выпускала специальный бюллетень. Бюллетень никогда не был длиннее сотни слов. Лакей опускал его в специальный стеклянный ящик, прикрученный болтами к стене возле единственного входа в поместье. Этот единственный вход в поместье, расположенный в западной стене, был Дверью Алисы в Страну Чудес: калитка высотой всего в четыре с половиной фута, окованная железом и снабженная внушительным йельским замком.

Широкие ворота в поместье заложили кирпичом. Все до единого бюллетени, появившиеся в стеклянном ящике у двери, были написаны сухо и казенно. В них содержались сведения, которые лишь навевали уныние на человека с проблеском любознательности. Здесь указывалось точное время материализации мужа миссис Рамфорд Уинстона и его собаки Казака, а также точное время их дематериализации. Состояние здоровья человека и его собаки неизменно характеризовалось словом «хорошее». В бюллетене вскользь упоминалось о том, что муж миссис Рамфорд может отчетливо видеть как прошлое, так и будущее, однако составители бюллетеней не считали нужным приводить примеры его видений того и другого рода.

Итак, толпу обманом завлекли в другое место, и таким образом взятый напрокат лимузин смог беспрепятственно подкатить к маленькой железной двери в западной стене. Из лимузина вышел стройный мужчина в щегольском костюме эпохи Эдуардов и предъявил какую-то бумагу полицейскому, стерегущему вход. Его лицо было скрыто темными очками и фальшивой бородой.

Полицейский кивнул, и мужчина отпер дверь ключом, который извлек из кармана. Он нырнул внутрь и с лязгом захлопнул за собой дверь. Лимузин отъехал. «Осторожно, собака!» – предостерегала надпись над маленькой железной дверью. Отблески летнего заката переливались в острых колючках битого стекла, вмурованных по верху стены.

Вошедший мужчина был первым человеком, приглашенным миссис Рамфорд на материализацию. Он не был великим ученым. Даже не имел хорошего образования. Его выставили из Вирджинского университета в середине первого года обучения. Это был Малачи Констант из Голливуда, Калифорния, самый богатый американец и самый заядлый распутник.

«Осторожно, собака!» – предостерегала надпись над маленькой железной дверью. Но за нею оказался только собачий скелет. Его украшал ошейник с длинными шипами, прикованный цепью к стене. Это был скелет огромной собаки – английского дога. Длинные клыки крепко

стиснуты. череп и челюсти образовывали ловко сочлененную, ныне безобидную, безотказно действующую модель аппарата для разрывания плоти. Челюсти лязгали вот так: клац. Когда-то в глазницах были зоркие глаза, над ними чуткие уши, плотоядный мозг, а ниже — недоверчивые ноздри. Повсюду проходили тросы мускулов, которые смыкали вгрызавшиеся в плоть челюсти.

Скелет был предметом символическим, своего рода декорацией, а также темой для разговора, подкидываемого женщиной, которая, можно сказать, ни с кем не разговаривала. Ни одна собака не сдохла на своем посту возле этой стены. Миссис Рамфорд купила кости у ветеринара, их отбелили, покрыли лаком и скрепили проволокой. Скелет служил для миссис Рамфорд одним из многочисленных поводов посудачить на тему того, какие скверные шутки сыграли с ней время и собственный муж.

Миссис Уинстон Найлз Рамфорд имела семнадцать миллионов долларов. У миссис Уинстон Найлз Рамфорд было самое высокое положение в обществе, которое возможно достичь в Соединенных Штатах Америки. Миссис Уинстон Найлз Рамфорд была здоровой, красивой и к тому же одаренной женщиной.

Она обладала поэтическим даром. Она опубликовала тоненькую книжку стихов без подписи, озаглавленную «Между тигрицей и Тимбукту». Книга была встречена весьма благосклонно.

Заглавие книги объяснялось так: в маленьких словариках все слова между «тигрица» и «Тимбукту» имеют отношение к тиканью часов.

Но хотя миссис Рамфорд и была хорошо обеспечена материально, она тем не менее совершала поступки, продиктованные заботой о будущем, как то: велела приковать к стене собачий скелет и заложить кирпичом ворота, а также позволить знаменитым английским садам превратиться в джунгли Новой Англии.

Мораль: деньги, положение в обществе, здоровье, красота и одаренность еще не все. Малачи Констант, самый богатый американец, запер за собой Дверь Алисы в Страну Чудес. Темные очки и фальшивую бороду он повесил на взбегавший по стене плющ

Быстро прошел мимо собачьего скелета, взглянув при этом на свои солнечные часы. Через семь минут живой дог по кличке Казак материализуется и очутится на свободе.

«Казак кусается,— предупредила в приглашении миссис Рамфорд,— так что, пожалуйста, будьте пунктуальны».

Констант улыбнулся, вспомнив, что его призывали к пунктуальности. Быть пунктуальным означало существовать в определенный момент времени только в данном месте, а также прибыть в определенное место вовремя. Констант существовал в определенном моменте времени только в данном месте, и он не мог себе представить, как можно существовать по-другому.

Среди всего прочего он надеялся уяснить еще и это: как можно существовать по-другому. Муж миссис Рамфорд существовал как-то иначе.

Уинстон Найлз Рамфорд направил свой собственный космический корабль прямо в середину не обозначенной на карте хроно-

синкластической инфандибулы на расстоянии двух дней полета от Марса. С ним была лишь его собака. Теперь Уинстон Найлз Рамфорд и его собака Казак представляли собой феномен волнового излучения, пульсирующего по искривленной спирали с одним концом на Солнце и другим на Бетельгей.

Земля должна была вот-вот разорвать эту спираль. Почти любое краткое объяснение слова «хроносин-кластическая инфандибула» непременно вызовет возмущение со стороны специалистов. Как бы там ни было, но, на мой взгляд, самое лучшее сжатое объяснение этого феномена дано доктором Сирилом Холлом в четырнадцатом томе «ДЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ЧУДЕС И РАЗВЛЕЧЕНИЙ». Ниже полностью приводится эта статья с любезного разрешения издателей:

«Хроно-синкластическая инфандибула». Представь себе, что твой папа самый умный человек на Земле, знает про все на свете, во всем и всегда прав и может доказать, что он прав. А теперь представь себе другого ребенка, который живет в своем уютненьком мире за миллион световых лет от тебя, и папа этого ребенка – самый умный человек в том далеком мире. Он такой же умный и точно так же во всем и всегда прав, как и твой папа. Оба ваши папы умные и оба во всем и всегда правы.

Но если бы они когда-нибудь встретились, то затеяли бы между собой жуткий спор, потому что ни в чем бы друг с другом не согласились. Конечно, ты можешь сказать, что твой папа прав, а папа того, другого ребенка, не прав, но ведь Вселенная наша ужас какая огромная. И в ней хватает места для ужаса скольких людей, которые хоть и правы каждый сам по себе, но друг с другом не согласны.

А оба ваши папы все равно правы, хоть и страшно спорят между собой, потому что на свете много-много всяких самых разных правд. Но во Вселенной существуют такие места, где один папа в конце концов поймет то, о чем ему толкует второй папа. Такие места находятся там, где разные-разные правды так же хорошо подогнаны друг к другу, как детали в солнечных часах твоего папы. Эти места мы называем хроно-синкластическими инфандибулами.

Надо полагать, Солнечная система кишит этими хроно-синкластическими инфандибулами. Одна такая огромная инфандибула, о существовании которой мы точно знаем, облюбовала себе местечко между Землей и Марсом. Мы знаем о ней потому, что в нее угодила одна земной человек со своей земной собакой.

Ты, конечно, подумаешь, как хорошо было бы попасть в эту хроно-синкластическую инфандибулу и узнать про все те разные-разные, но все равно настоящие правды. Да только это очень опасно. Тот бедный человек и его бедная собака разбросаны во все стороны, и не только в пространстве, но еще и во времени.

Хроно (хро-но) означает время. Синкластическая (син-кла-сти-ческая) – изогнутая в одну и ту же сторону и во всех направлениях, вроде корки апельсина. Инфандибула (ин-фан-ди-бу-ла) это то, что древние римляне, такие, как Юлий Цезарь и Нерон, называли воронкой. Если ты не знаешь, что такое воронка, попроси маму, чтобы она тебе ее показала».

Ключ от Двери Алисы в Страну Чудес пришел Константу вместе с приглашением. Он опустил его в отороченный мехом карман брюк и пошел по единственной тропинке, открывшейся его взору. Он шел в густой тени деревьев, верхушки которых окрасились тусклыми лучами заката в любимый цвет Мэксфилда Пэрриша.

Продвигаясь в сторону дома, Константин помахивал приглашением, ожидая, что его вот-вот окликнут. Приглашение написали фиолетовыми чернилами. Миссис Рамфорд было всего тридцать четыре года, однако почерк у нее был старушечий – колючий, с мелкими завитками. Она открыто презирала Константа, с которым даже не была знакома. От приглашения веяло, мягко выражаясь, отвращением, как будто его писали на грязном носовом платке.

«Во время своей последней материализации, – писала она, – мой муж настаивал на том, чтобы Вы присутствовали на следующей. Я была не в состоянии отговорить его от этой затеи, несмотря на ее очевидную порочность. Он настаивает, будто хорошо знаком с Вами, будто Вы с ним встречались на Титане, который, как мне растолковали, является Луной планеты Сатурн».

В приглашении не было почти ни одного предложения, в котором бы не фигурировал глагол «настаивать». Муж миссис Рамфорд настаивал на том, чтобы она поступала вопреки собственному мнению, а она в свою очередь настаивала на том, чтобы Малачи Константин вел себя по возможности как джентльмен, которым он не был.

Малачи Константин сроду не бывал на Титане. Насколько ему было известно, он вообще не бывал за пределами газовой оболочки, окружавшей его родную планету Землю. Определенно, ему предстояло узнать о себе нечто новое.

Тропинка петляла, поэтому ему не было видно, что делается впереди. Константин шел по этой влажной зеленой тропинке шириной с газонокосилку. По обе ее стороны вздымались буйные джунгли, в которые превратились английские сады.

Тропинка упиралась в бездействующий фонтан, и в этом месте человек, управлявший косилкой, проявил фантазию – так появилась развилка. Константин по своему желанию мог обойти фонтан с любой стороны. Он остановился на развилке, задрал голову. Фонтан тоже был плодом изумительной фантазии. Он состоял из множества каменных чаш всеуменьшающегося диаметра, расположенных на цилиндрической колонне высотой в сорок футов.

Неожиданно для себя Константин не свернул ни на одну из двух тропинок, а стал влезать на колонну. Он карабкался с чаши на чашу, решив, что сверху увидит, откуда пришел и куда лежит его дальнейший путь.

Стоя на вершине, в самой маленькой из причудливых чаш фонтана и топчась по остаткам птичьих гнезд, Малачи Константин мог окинуть взором все поместье, а также огромную часть Ньюпорта и залив Наррагансет. Он повернул свои часы навстречу солнечным лучам, давая им возможность подпитаться энергией, которая для солнечных часов была тем же самым, что деньги для жителей Земли.

Свежий бриз взъерошил иссиня-черные волосы Константа. Это был ладно скроенный мужчина: полутяжелого веса, смуглокожий, со светло-карими глазами, губами поэта и скулами кроманьонца. Ему шел тридцать второй год.

Он стоил три миллиарда долларов, доставшихся ему, в основном, по наследству. Его имя значило «правоверный посланник». Основную прибыль приносили ему спекуляции на бирже.

В период депрессий, наступавших обычно после злоупотреблении алкоголем, наркотиками и женщинами, Константин жаждал одного — послания, которое в силу своей возвышенности и значительности заслуживало того, чтобы он доставил его по месту назначения.

Под мышками куртки, сделанной по дизайну Константа, была предельно лаконичная надпись: «Посланник ждет». По всей вероятности Константин рассчитывал получить послание от Бога и передать его не менее выдающейся личности.

Констант снова посмотрел на свои солнечные часы. За две минуты ему нужно было спуститься вниз и добежать до дома, через две минуты материализуется Казак и кинется рвать чужих. Константин улыбнулся, представив, в какой восторг пришла бы миссис Рамфорд, если бы он, этот вульгарный выскочка мистер Константин из Голливуда, провел все время визита на верхушке фонтана, страшась неистовства породистой собаки. Наверное, миссис Рамфорд велела бы включить фонтан. Может, она следит за Константином?

Особняк Рамфордов был выстроен из мрамора и представлял собой увеличенную копию банкетного зала Уайт-холлского дворца в Лондоне. Подобно большинству монументальных строений Ньюпорта, особняк приходился дальним родственником зданиям почтовых контор и федеральных судов всей страны.

Особняк Рамфордов стал, безусловно, одной из самых впечатляющих попыток соединения материальных благ со времен великой пирамиды Хуфу. Что касается основательности, он был даже внушительней великой пирамиды, так как та, приближаясь к небу, сужалась и переходила в ничто. Особняк же оставался неизменным даже на подступах к небу. Переверни его вверх ногами — и он будет выглядеть точно так же.

Соединение материальных благ и эта основательность особняка выглядели смешными теперь, когда его бывший владелец, был не более материален, чем лунный свет, исключая один час в каждые пятьдесят девять дней.

Констант спустился с фонтана, ступая на края чаш, увеличивающихся книзу. Когда он очутился на земле, ему вдруг страшно захотелось, чтобы фонтан заработал. Он подумал о толпе за стеной, о том, как возликуют эти люди, если заработает фонтан. Они придут в неопишуемый восторг, увидев, как маленькие вазочки, усеявшие макушку, наполнят до краев вазочку пониже, а несколько этих вазочек следующую... и дальше в том же духе, сливаясь в рапсодию бурлящих струй, где каждая ваза поет свою веселую песню воды. А внизу под всеми этими вазами разверзлась пасть самого большого водоема,

сущего Вельзевула ваз — иссохший от жажды, ненасытный, ждущий первой благодатной капли...

Констант стоял ошеломленный видением действующего фонтана. Фонтан был какой-то галлюцинацией, а галлюцинации, вызванные, как правило, наркотиками, принадлежали к числу тех немногих развлечений, которыми еще можно было удивить Константа.

Быстро текло время. Констант не двигался. Неподалеку залаял дог. Лай был похож на удары колокола в огромный бронзовый гонг.

Констант очнулся от своих фонтанных грез. Лаять мог только Казак, космический пес. Казак материализовался. Казак учуял запах плебея.

Констант одним махом одолел расстояние до дома. Древний лакей в бриджах открыл дверь Малачи Константу из Голливуда. Лакей рыдал от радости. Он указывал пальцем на что-то, чего Констант не мог видеть. Лакей пытался объяснить, чем вызваны его радость и слезы, но не мог говорить. Ему парализовало челюсть. Констант лишь сумел разобрать: «Бит... бит... бит...»

На полу в вестибюле были выложены мозаикой знаки Зодиака, опоясавшие золотое Солнце.

Уинстон Найлз Рамфорд, материализовавшийся всего минуту назад, вошел в вестибюль и встал на Солнце. Он был куда выше и солидней Малачи Константа и первым навел его на мысль, что вполне вероятно, вовсе не он, Малачи Констант, пуп Земли. Уинстон Найлз Рамфорд протянул свою мягкую руку и по-приятельски пожал руку Малачи Константа, мурлыча при этом горловым тенором слова приветствия.

— Восхищен, восхищен, восхищен, мистер Констант, — твердил Рамфорд. — Как хорошо, что вы «приехали».

— Мне это доставило удовольствие, — сказал Малачи. — Говорят, вы самый везучий человек из когда-либо живших на Земле.

— Возможно, это слегка преувеличено, — сказал Констант.

— Но ведь вы не станете отрицать, что вам фантастически везло в бизнесе? — сказал Рамфорд.

Констант покачал головой.

— Да это невозможно отрицать.

— И чем вы объясняете это чудесное везение? — спросил Рамфорд.

— Кто его знает. — Констант пожал плечами. — По-моему, кто-то там, наверху, любит меня, — изрек он.

Рамфорд посмотрел на потолок.

— Какая очаровательная концепция: кто-то там, наверху, любит вас.

Константу, который во время этого разговора пожимал руку Рамфорда, его собственная вдруг показалась маленькой и похожей на клешню.

Ладонь у Рамфорда была мозолистая, но это были не грубые мозоли человека, обреченного до конца дней своих заниматься одной и той же работой. Это были безупречно гладкие мозоли, оставленные тысячами приятных занятий, которыми развлекает себя класс деятельных бездельников.

На какое-то мгновение Констант забыл, что человек, чью руку он теперь пожимал, был всего лишь одним вариантом, фрагментом

волнового феномена, простирающегося от Солнца до Бетельгейзе. Рукопожатие вернуло Константа к действительности – его руку слегка пощипывало от легких электрических разрядов.

Констант не чувствовал себя униженным из-за тона, каким было написано приглашение миссис Рамфорд на материализацию. Констант был мужчина, а миссис Рамфорд женщина, поэтому он знал, что при случае всегда сможет доказать свое неоспоримое превосходство.

Уинстон Найлз Рамфорд опять что-то собой представлял: в моральном, пространственном, социальном, сексуальном и электрическом смыслах. Уинстон Найлз Рамфорд так же ловко развенчал улыбкой и рукопожатием высокое мнение Константа о своей особе, как рабочий разбирает после ярмарки чертово колесо.

Констант, предложивший когда-то свои услуги Господу в качестве посланника, теперь ступал перед весьма осязаемым величием Рамфорда. Констант обшарил закоулки памяти, пытаясь обнаружить в прошлом доказательства собственного величия. Он рылся в своей памяти, как воришка в чужом бумажнике. Констант обнаружил, что его память забита измятыми передержанными снимками тех женщин, с которыми он спал, и бесполезными бумагами, свидетельствующими о том, что он владеет какими-то совсем уж никому не нужными заводами, характеристиками, приписываемыми ему добродетелей и деловых качеств как раз на три миллиарда долларов. Он даже отыскал серебряную медаль на красной ленте, пожалованную ему за второй результат в прыжках в высоту, в длину и в беге на соревнованиях студентов Вирджинского университета.

Улыбка Рамфорда расплывалась все шире и шире. Если и дальше продолжать сравнивать Константа с воришкой, обшаривающим чужой бумажник, то теперь ему даже пришлось распороть швы своей памяти, в надежде обнаружить где-нибудь потайное отделение с завалывшейся там ценной вещью. Потайного отделения не оказалось и ничего ценного тоже. Остались лишь какие-то ошметки памяти – рваные обтрепанные лоскуты.

Древний лакей с обожанием взирал на Рамфорда – это была карикатура на уродливую старуху, которая позирует рисующей мадонне. «Ха-азяин, – блял он. – Молодой хаа-зьяин».

– Знаете, а ведь я могу читать ваши мысли, – сказал Рамфорд.

– Не может быть, – смиренно изумился Констант.

– Для меня это проще простого. – У него заблестели глаза. – А вы ведь неплохой парень, особенно когда забываете, кто вы такой. – Он дотронулся до плеча Константа. Это был жест политического деятеля, вульгарный жест на потребу публике, принадлежащий человеку, который в своем узком кругу избегает всяческих прикосновений.

– Если на этой стадии нашего знакомства для вас и в самом деле важно хоть в чем-то испытать свое превосходство надо мной, подумайте вот о чем: вы способны произвести потомство, а я нет, – любезно подсказал он Константу, повернулся к нему своей широкой спиной и направился в глубь дома по анфиладе величественнейших покоев.

В одном из них он задержался, обратив внимание Константа на огромное, написанное маслом полотно, запечатлевшее маленькую девочку, которая держала поводья ослепительно белого пони.

На девочке была белая шляпка, белое крахмальное платьице, белые носки и белые туфельки. Такой чистой и холодной девочки Малачи Константу не довелось встретить за всю свою жизнь. На ее лице застыло какое-то странное выражение, и Константин решил, что она боится даже слегка запачкаться.

— Милая картинка, — отметил Константин.

— Не кажется ли вам, что самая страшная трагедия для этой девочки упасть в грязную лужу? — спросил Рамфорд.

Констант слабо улыбнулся.

— Моя жена в детстве, — отрывисто пояснил Рамфорд и вышел вон из комнаты.

По внутреннему коридору они дошли до комнатенки размером с большой чулан. В ней было десять футов в длину и шесть в ширину, а высота стен, как и во всех остальных комнатах особняка, достигала двадцати футов. Она напоминала печную трубу. Здесь стояли два кресла с подлокотниками.

— Архитектурный просчет, — сказал Рамфорд, закрывая дверь и глядя в потолок.

— Что такое? — не понял Константин.

— Эта комната. — Рамфорд изогнул правую руку в магическом жесте, дабы обозначить винтовую лестницу. — Это было одно из тех немногих желаний, которые в детстве владели всей моей душой: иметь эту комнатку.

Он кивнул на шестифутовые полки под стеклом. Они были сделаны изумительно. Над ними красовалась дощечка мореного дерева с надписью синим маслом: «МУЗЕЙ ШКИПЕРА».

«Музей шкипера» был музеем останков раковин, кораллов, костей, хрящей и хитонов, одним словом, тлен, прах и оболочки давно усопших душ. Большинство из экспонатов ребенок, скорее всего сам Шкипер, мог легко отыскать на пляжах и в лесах Ньюпорта. Некоторые из них стоили дорого — очевидно, их дарили увлеченному биологией ребенку взрослые. Главенствующее место среди этих подарков принадлежало мужскому скелету.

Здесь же были броня броненосца, чучело попугая и длинный спиралевидный рог нарвала, которому Шкипер дал забавное название: «Рог единорога».

— А кто этот Шкипер? — поинтересовался Константин.

— Я, — ответил Рамфорд.™ Был когда-то.

— А я и не знал, — сказал Константин.

— Разумеется, только в кругу своей семьи, — пояснил Рамфорд.

— Гмм,— изрек Констант.

Рамфорд уселся в одно из кресел, кивнул Константу на другое.

— Но ангелы тоже не могут, имейте это в виду,— сказал он.

— Чего не могут? — не понял Констант.

— Производить потомство.— Рамфорд угостил Константа сигаретой, свою вставил в длинный костяной мундштук.— Вы уж извините, но моей жене так не хотелось спускаться вниз и встречать вас,— сказал он.— Только она избегает не вас, а меня.

— Вас? — удивился Констант.

— Вот именно. Она не видела меня со времени моей первой материализации.— Он печально усмехнулся.— С нее было достаточно одного раза.

— Виноват... но я вас не понял,— сказал Констант.

— Ей не понравилось то будущее, которое я предсказал,— пояснил Рамфорд.— Она очень расстроилась, услышав то небольшое, что я успел сообщить о ее будущем. Больше она не желает слушать.— Он откинулся в кресле и глубоко вздохнул.— Понимаете, мистер Констант, убеждать людей в том, что они обитают в суровой-пресуровой Вселенной — работа неблагоприятная,— признался он.

— Она говорит, будто это вы заставили ее пригласить меня сюда,— сказал Констант.

— Я передал ей с лакеем записку,— пояснил Рамфорд.— Я бросил ей вызов, иначе она ни за что бы вас не пригласила. Запомните мои слова: единственная возможность заставить эту женщину что-либо сделать — сказать, что у нее не хватит на это духу. Конечно, этот метод нельзя назвать безотказным. К примеру, если я сейчас пошлю ей записку, где напишу, что она не осмелится посмотреть в лицо своему будущему, она ответит, тоже письменно, что я прав.

— Вы... вы действительно можете заглядывать в будущее? — спросил Констант. Мускулы на его лице напряглись, кожа пылала, ладони вспотели.

— Если строго следовать истине, то да,— ответил Рамфорд.— Когда я направил свой корабль в хроно-синкластическую инфандибулу, меня внезапно озарила мысль, что все то, что когда-то было, будет всегда, а то, что когда-то будет, всегда было.— Он снова усмехнулся. — Все это лишает предсказывание будущего его очарования, превращая его в простейшую, банальнейшую штуку.

— И вы сказали вашей жене обо всем, что произойдет с ней? — спросил Констант. Это был наводящий вопрос. Константа не интересовало, какое будущее ожидает жену Рамфорда — он жаждал услышать о своем будущем. Спросив о жене Рамфорда, он тем самым показал свою робость.

— Ну, положим, не обо всем. Она бы не дала сказать обо всем. То небольшое, что я сказал, отбило у нее охоту слушать дальше.

— П-понимзю,— кивнул Констант, вовсе ничего не понимая.

— Да, представьте себе. Я сказал, что вы с ней поженитесь на Марсе,— с готовностью сообщил Рамфорд.— Вернее сказать, не поженитесь... Вас слушат марсиане, как случают домашний скот.

Уинстон Найлз Рамфорд принадлежал к единственному в своем роде, исконно американскому классу общества. Класс этот был исконно американским по той простой причине, что вот уже по крайней мере два столетия замкнулся исключительно в самом себе, о чем, разумеется, знали лишь исключительно сведущие люди. Этот небольшой класс, к которому принадлежал Рамфорд, дал Америке десятую часть ее президентов, четвертую часть исследователей, треть губернаторов Атлантического побережья, половину штатных орнитологов, три четверти выдающихся яхтсменов и фактически всех строгих ценителей оперы. В этом классе не было лишь мошенников, за достопримечательным исключением мошенников политических. Политическое мошенничество служило средством получения кресла, и его никогда не переносили в частную жизнь. Получив кресло, почти все без исключения члены класса становились на удивление респектабельными.

Если бы Рамфорд обвинял марсиан в том, что они случают людей, как домашний скот, то уличил бы их всего-навсего в грехах, не чуждых и его классу. Мощь этого класса во многом зависела от умелого помещения капитала, но в еще большей степени от браков, в основе которых лежал вполне циничный расчет: выведение потомства определенных кровей.

Здоровые, очаровательные, умные дети служили пополнением коллекции.

Самое серьезное, хотя и довольно сухое исследование класса Рамфорда, конечно же, сделано Уолтхемом Киттриджем в его работе «Короли американской философии». Именно Киттридж доказал, что класс этот фактически представляет собой семейное дерево, верхние ветви которого стремятся расти назад, впиться в ствол кровного родства путем заключения браков между кузенами и кузинами. Кстати, Рамфорд и его жена были четвероюродными кузенами и ненавидели друг друга.

Когда Киттридж попытался изобразить класс Рамфорда графически, получился тугий округлый узел, получивший название «Кулак обезьяны».

Уолтхем Киттридж в работе «Короли американской философии» нередко затрудняется передать словами атмосферу, царящую внутри класса Рамфорда. Как и любой профессор колледжа, Киттридж пытается найти громкие слова и, не обнаружив подходящих, придумывает огромное количество новых, непереводаемых, слов.

Из всей этой киттриджской тарабарщины лишь один термин прижился в разговорной речи. Это термин «не неврастеническое мужество».

Именно этот род мужества побудил Уинстона Найлза Рамфорда отправиться в космос. Это было мужество в чистом виде, свободное не только от жажды славы и денег, но и от всяких внутренних импульсов, движущих неврастениками и сумасбродами.

Кстати, существует пара веских ходовых слов, которые могли бы прекрасно заменить всю тарабарщину Киттриджа. Это слова шик и отвага.

Когда Рамфорд первым из землян обзавелся собственным космическим кораблем, за который выложил пятьдесят восемь миллионов долларов из своего кармана, это был шик.

Когда земные правительства временно прекратили все космические исследования ввиду открытия хроно-синкла-стической инфандибулы, Рамфорд заявил, что летит на Марс — это был шик.

Когда Рамфорд заявил, что берет с собой огромную собаку, будто космический корабль всего-навсего роскошный спортивный автомобиль, а путешествие на Марс — прогулка по Коннектикутскому шоссе, — это был шик.

Когда еще никому не было известно, что случится, если космический корабль попадет в хроно-синкластическую инфандибулу, а Рамфорд взял курс прямо к ее центру — это была истинная отвага.

А теперь сравним Малачи Константа из Голливуда с Уинстоном Найлзом Рамфордом из Ньюпорта и Вечности. Все, за что брался Рамфорд, он делал с шиком, прославляя тем самым и себя, и весь род человеческий. Все, что делал Константин, он делал с претензией на шик: напористо, с шумом, по-ребячески, позоря и себя, и род человеческий.

Теперь Константин так и зашелся от мужества, но это было именно неврастеническое мужество. Все его мужественные поступки диктовались злобной ожесточенностью, а также детскими представлениями о постыдности страха.

Услышав от Рамфорда, что его случат на Марсе с женой Рамфорда, Константин отвернулся и принялся разглядывать экспонаты музея останков. Он крепко стиснул кулаки, и в них от напряжения запульсировала кровь.

Констант усердно прокашлялся. Потом приложил язык к небу и жиденько посвистел. В общем, вел себя как человек, который хочет утихомирить страшную боль. Он закрыл глаза и втянул сквозь зубы воздух.

— Так, так, так, мистер Рамфорд, — тихо произнес он. Открыл глаза. — На Марсе, говорите?

— На Марсе, — подтвердил Рамфорд, — хотя он, как и Меркурий, не является вашим основным местом назначения.

— Меркурий? — Константин неприлично прокаркал это красивое имя.

— Ваше основное место назначения — Титан, — сказал Рамфорд. — Но прежде чем туда попасть, вы побываете на Марсе, Меркурии и опять на Земле.

В связи с этим очень важно понять, на какой именно стадии истории исследования космоса Малачи Константин услышал новость о предстоящих ему посещениях Марса, Меркурия и Титана. Состояние умов на Земле в отношении исследования космоса напоминало состояние умов в Европе в отношении исследования Атлантики до экспедиции Христофора Колумба.

Однако существовали следующие существенные отличия: чудовища, стоявшие на пути космических исследователей, были не вымышленные, а всамделишные — громадные, бесчисленные, самые разнообразные, апокалиптические; даже скромная экспедиция могла разорить

большинство наций. Точно известно было следующее ни одна из этих экспедиций не принесет ее организаторам дохода.

Короче говоря, с точки зрения здравого смысла и самых последних научных данных, никаких доводов в пользу исследования космоса не существовало.

Давно канули в прошлое те времена, когда одна нация, запустив в пространство какой-нибудь тяжелый предмет, кичилась этим перед другой. Корпорация «Космические корабли Галактики», контрольный пакет акций которой принадлежал Малачи Константу, по сути дела, получила последний заказ на такую показуху — корабль в триста футов высотой и тридцать шесть в диаметре. Построить-то его построили, но приказа о запуске так и не получили.

Корабль назывался лаконично «Кит». В нем размещались жилые отсеки для пяти пассажиров.

К этой непредвиденной заминке привело открытие хроно-синкластической инфандибулы. Она была обнаружена путем математических расчетов при изучении схем полетов непилотируемых кораблей, посланных вперед людей.

С открытием хроно-синкластической инфандибулы перед человечеством встал вопрос: «Что заставляет тебя думать, что ты куда-то попадешь?»

Эта ситуация оказалась на руку американским проповедникам-фундаменталистам. Они раньше философов, историков и всех остальных ученых толково высказались по поводу этого неожиданного приостановленного наступления космической эры. Через два часа после того, как был отлажен на неопределенное время запуск «Кита», преподобный Бобби Дентон во время своего Крестового Похода в Защиту Любви в Велополе, штат Западная Вирджиния, уже вещал во всеуслышанье:

— «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот один народ и один у всех язык; и вот начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь языки всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле».

Бобби Дентон метнул в своих слушателей обжигающе влюбленный взгляд и принялся поджаривать всех скопом на угольях их прегрешений.

— А разве теперь не библейские времена? — вопрошал он. — Разве не выдвигали мы из стали и тщеславия нашего отвратительное сооружение гораздо выше Вавилонской башни древних? И разве не надеемся мы, как и те строители древних времен, попасть с ее помощью прямо на небеса? И разве не говорили нам много раз, что язык ученых интернационален? Все они пользуются одними и теми же латин-

скими и греческими словами для обозначения предметов и говорят на языке цифр». — Это последнее показалось Денто-ну особенно

убийственной уликой, и участники Крестового похода в Защиту Любви уныло согласились с ним, не совсем понимая что к чему.

— Так почему же нам роптать от удивления и обиды теперь, когда Господь говорит нам то, что он сказал людям, которые строили Вавилонскую башню: «Нет! Убирайтесь отсюда! Вы не попадете ни на небо, ни куда-либо еще с помощью этого. Рассеивайтесь, слышите? Перестаньте говорить друг с другом на языке науки! Не отстанете вы от того, что задумали сделать, если вы будете продолжать говорить друг с другом на языке науки, а я не хочу этого! Я, ваш Господь Бог всевышний, хочу, чтоб вы отстали, а посему перестаньте помышлять о непрочных башнях и ракетах, устремленных в небеса, а начинайте думать о том, как стать лучшими соседями, мужьями и женами, дочерьми и сыновьями! Не ищите спасения души в ракетах — ищите его в своих жилищах и церквях!»

Голос Бобби Дентона зазвучал сипло и приглушенно:

— Вы хотите полететь в хосмос? Бог уже дал вам самый чудесный корабль во всем космическом мироиздании! Да! Скорость? Вам нужна скорость? Космический корабль, который дал вам Бог, покрывает шестьдесят шесть тысяч миль в час и будет мчаться с той же скоростью целую вечность, если того пожелает Бог. Вам нужен космический корабль, обеспечивающий пассажиров удобствами? Он у вас есть! И на его борту помещается не один богач с собакой и не каких-то там пять-десять человек! Нет! Бог не скряга! Он дал вам корабль, который может поднять в небо миллиарды мужчин, женщин и детей! Да! И им. не нужно пристегиваться ремнями к креслам или надевать на голову круглые аквариумы. Нет! В космическом корабле Господа этого делать не нужно. Люди в космическом корабле Господа могут купаться в реках и прогуливаться на солнце, играть в бейсбол и кататься на коньках, а после воскресной службы и жаркого из цыплят всей семьей раскатывать в собственных автомобилях.

Бобби Дентон кивнул:

— Да! И если кто-то думает, что его Бог плохой, раз он расставляет в космосе всякие ловушки, чтобы мы туда не летали, пусть он вспомнит о том космическом корабле, который Бог нам уже дал. И нам не нужно покупать для него топливо, не нужно ломать голову над тем, какое топливо использовать. Нет! Обо всем этом заботится Бог.

И Бог научил нас, что нам нужно делать на этом чудесном космическом корабле. И написал он эти правила таким языком, чтобы все могли их понять. И чтобы их понять, не нужно быть ни великим физиком, ни великим химиком, ни Альбертом Эйнштейном. Нет! И правил этих не так уж и много. Мне рассказывали, что для того, чтобы запустить «Кита», пришлось бы провести одиннадцать тысяч всяких испытаний, и лишь после этого можно было бы сказать, что он готов к полету, а именно: закрыт ли тот клапан, открыт ли этот клапан, есть ли здесь контакт, полон ли тот бак... И так далее, и так далее, и так далее. Одиннадцать тысяч раз! Здесь же, на божьем космическом корабле, Бог предлагает нам лишь десять заданий для проверки, хотя летим мы с вами не в маленькое космическое путешествие к большим

ядовитым и мертвым камням, а в царство небесное! Подумайте об этом! Где бы вы хотели очутиться завтра: на Марсе или в царстве небесном?

А вы знаете, какие проверочные задания нужно выполнить, чтобы полететь на этом круглом зеленом космическом корабле Господа в царство небесное? Хотите услышать, как Бог отсчитывает время перед стартом?

Участники Крестового похода в Защиту Любви крикнули, что хотят.

— Десять! — сказал Бобби Дентон.— Жадете ли вы занять дом своего соседа, его слугу или служанку, быка или осла или какую-нибудь вещь своего соседа?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Девять! — сказал Бобби Дентон.— Клеветаете ли вы на своего соседа?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Восемь! — сказал Бобби Дентон.— Воруете ли вы?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Семь! — сказал Бобби Дентон.— Совершаете ли вы прелюбодеяния?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Шесть! — сказал Бобби Дентон.— Убиваете ли вы?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Пять! — сказал Бобби Дентон.— Читаете ли вы своих отца с матерью?

— Да! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Четыре! — сказал Бобби Дентон.— Помните ли вы о субботе и читаете ли вы ее?

— Да! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Три! — сказал Бобби Дентон.— Занимаетесь ли вы идолопоклонством?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Два! — сказал Бобби Дентон.— Упоминаете ли вы всуе имя Господа своего?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Один! — провозгласил Бобби Дентон.— Читаете ли вы других богов больше, чем своего единственного истинного Господа Бога?

— Нет! — крикнули участники Похода в Защиту Любви.

— Старт! — радостно завопил Бобби Дентон.— Наша цель — рай! Стартуем, дети мои! Аминь!..

— Ну что ж,— пробормотал Малачи Констант в этой » похожей на печную трубу комнате под лестницей в Нью-порте.— Похоже, наконец-то прибегнут к услугам посланника.

— Что вы сказали? — переспросил Рамфорд.

— Мое имя... оно означает правоверный посланник,—пояснил Констант.—Так что же это за послание?

— Прошу меня простить, но я ни о каком послании не знаю.— Рамфорд настороженно склонил голову набок.—Вам кто-то сказал о послании?

Констант воздел руки кверху.

— Ну, а с какой тогда стати я должен тащиться на этот Тритон?

— Титан,— поправил Рамфорд.

— Титан, Тритон, не все ли равно? За каким гадом мне туда лететь? — «Гад» было для Константа постное курсант-скб-скаутское ругательство. К нему прибегали космические курсанты из телешоу, когда метеорит срывал контрольную панель или выяснялось, что штурман на самом деле космический пират с планеты Зиркон. Константин встал. — Говорю вам не сходя с этого места: никуда я не полечу.

— Мне очень жаль это слышать, — сказал Рамфорд.

— Разве я должен сделать там что-то для вас? — спросил Константин.

— Нет, — ответил Рамфорд.

— Тогда почему вам жаль? Вам-то какое дело?

— Никакого, — сказал Рамфорд. — Просто мне жаль вас. Вы на самом деле кое-что потеряете.

— Например?

— Ну, начать с того, что такого восхитительного климата больше нигде не найти.

— Климата! — презрительно воскликнул Константин. — Это я, владелец домов в Голливуде, в долине Кашмира, в Акапулько, Манитобе, на Таити, Париже, на Бермудах, в Риме, Нью-Йорке и Кейптауне, я буду заниматься поисками восхитительного климата еще и за пределами Земли?

— Титан славится кое-чем еще, кроме климата, — сказал Рамфорд. — К примеру, его женщины — самые прелестные создания на всем пространстве между Солнцем и Бетельгейзе.

Констант загоготал во всю мочь.

— Женщины! Думаете, мне не хватает красивых женщин? Думаете, я стораю от неутоленной страсти и, чтобы сблизиться с какой-то там красоткой, полезу в ракету и помчусь сломя голову на одну из лун Сатурна? Да вы что, смеетесь надо мной? Да у меня были такие красотки, что любой мужчина от Солнца до вашего Бетельгейзе потеряет покой, если одна из них скажет ему просто «здрасьте».

Он достал бумажник и извлек из него фотографию самой последней покоренной им женщины. Здесь не могло возникнуть второго мнения — девушка на фотографии была умопомрачительно красива. Это была мисс Зона Канала, занявшая второе место на конкурсе «Мисс Вселенная», на самом же деле куда более красивая, чем победительница конкурса. Просто ее красота повергла жюри в замешательство.

Констант протянул фотографию Рамфорду.

— А у них на Титане есть что-нибудь в этом роде? — спросил он.

Рамфорд из вежливости взглянул на фотографию и вернул ее.

— Нет, — сказал он. — В этом роде на Титане нет ничего.

— О'кей, — Константин снова почувствовал себя хозяином собственной судьбы. — Климат, прекрасные женщины, ну, а что еще?

— Больше ничего, — тихо сказал Рамфорд и пожал плечами. — Да, еще произведения искусства, если вы, конечно, цените искусство.

— Я располагаю самой большой в мире частной коллекцией шедевров, — объявил Константин.

Эта знаменитая коллекция досталась Константу по наследству. Коллекция была собрана его отцом, точнее, агентами отца. Ее

раскидали по музеям всего мира, поставив предварительно на каждом шедевре клеймо, свидетельствующее о том, что данная вещь есть часть коллекции Константа. Это было сделано по рекомендации директора отдела по связям с общественностью «Выдающегося творения», официально зарегистрированной корпорации, занимающейся исключительно делами Константа. В ее задачу входило доказать всему миру, что некоторые миллиардеры очень полезны для общества, щедры и восприимчивы к красоте. Помимо всего прочего коллекция оказалась превосходнейшим помещением капитала.

— Значит, вы проявляете заботу об искусстве,— сказал Рамфорд.

Констант собрался было засунуть фотографию мисс Зоны Канала в свой бумажник, как вдруг понял, что у него в руке не одна, а две фотографии. Под фотографией мисс Зоны Канала оказалась еще одна. Он решил, что это фотография предшественницы мисс Зоны Канала, и подумал, что ее тоже можно показать Рамфорду, чтобы тот знал, какой божественной красоте он дал от ворот поворот.

— Вот... вот еще одна,— сказал Констант, протягивая Рамфорду второе фото.

Рамфорд и не подумал его взять. Он даже не взглянул на него. Он глядел Константу в глаза и лукаво улыбался.

Констант глянул на фото. На нем была запечатлена вовсе не предшественница мисс Зоны Канала. Это фото ему подсунул Рамфорд. Это было не обычное фото, хотя у него тоже была глянцева поверхность и белые поля.

Поля окаймляли мерцающие глубины, будто прямоугольное окно смотрело прямо в прозрачную поверхность кораллового залива. На дне залива были три женщины: белая, золотая и коричневая. Они глядели на Константа, умоляя его прийти к ним, наполнить их любовью.

Их красота в сравнении с красотой мисс Зоны Канала казалась сиянием солнца в сравнении с мерцанием светлячка.

Констант рухнул в кресло. Ему пришлось отвернуться от фотографии, чтобы не зарыдать.

— Если хотите, можете оставить ее себе,— предложил Рамфорд.— Она как раз по размеру бумажника.

Констант не знал, что ответить.

— Когда вы окажетесь на Титане, моя жена все еще будет с вами,— пояснил Рамфорд,— но она не станет вмешиваться, если вам захочется развлечься с этими тремя молодыми дамами. И ваш сын будет с вами, но будет придерживаться таких же широких взглядов, как и Беатрис.

— Сын? — удивился Констант. У него не было никакого сына.

— Да, прекрасный мальчик по имени Хроно,— пояснил Рамфорд.

— Хроно?

— Марсианское имя. Его родит на Марсе Беатрис. От вас.

— Беатрис? — бессмысленно повторил Констант.

— Моя жена.— Рамфорд сделался прозрачным. В его голосе появился металлический призыв, как в дешевом радиоприемнике.— Предметы, мой мальчик, летают туда-сюда, и с посланиями, и просто так,— говорил он.— Что вы хотите — хаос, ибо Вселенная еще находится в процессе

рождения. И вот этот самый великий процесс, снабжающий нас светом, теплом, энергией и швыряет человека с места на место.

— Пророчества, пророчества, пророчества...— Голос Рамфорда звучал задумчиво и приглушенно.— Может, я забыл вам сказать что-то еще? О-ооо, да, да, да!.. Этот ваш ребенок, мальчик по имени Хроно...

— Хроно найдет на Марсе металлический брусок, который назовет своим талисманом,— продолжал Рамфорд.— Мистер Констант, не спускайте глаз с этого талисмана. Невероятно важная штука.

Уинстон Найлз Рамфорд стал медленно растворяться в воздухе, начиная с кончиков пальцев и кончая усмешкой. Усмешка на какое-то мгновение задержалась в воздухе.

— До встречи на Титане,— сказала усмешка. И тоже исчезла.

— Все кончено, Монкрифф? — спросила у лакея миссис Уинстон Найлз Рамфорд, стоявшая на верхней площадке винтовой лестницы.

— Да, мэм, он исчез,— сказал лакей.— И собака тоже.

— А этот мистер Констант? — поинтересовалась миссис Рамфорд, Беатрис. Она была точно больная — шаталась из стороны в сторону, с усилием поднимала веки и свистела, словно ветер в макушках деревьев. На ней был длинный белый пеньюар, мягкие складки которого закручивались в спираль, направленную, как и лестница, против часовой стрелки. Шлейф пеньюара свисал с первого витка, делая Беатрис продолжением архитектурного ансамбля.

Но основную роль в этой экспозиции играла высокая прямая фигура Беатрис, Черты ее лица значения не имели. Если бы ее голову заменили пушечным ядром, это бы нисколько не нарушило величественной композиции.

Но у Беатрис было лицо, к тому же незаурядное. Это было лицо индейского воина с выступающими вперед зубами. Однако человек, отмечавший это сходство, тут же спешил добавить, что у нее великолепная внешность. Ее лицо, как и лицо Малачи Константа, было единственным в своем роде — неожиданные вариации на знакомую тему, наводящие на мысль, что и этот тип красоты очень привлекателен. Но то, что сделала со своим лицом Беатрис, могла сделать любая дурнушка. Она прикрыла его маской величавой интеллигентности, одобренной пикантным налетом стервозности.

— Да, этот мистер Констант все еще здесь,— отозвался снизу Констант. Он стоял на самом виду, опершись о свод арки, которая вела в вестибюль. Но занимал столь низкое место в этой композиции и был так придавлен архитектурными излишествами, что казался почти незаметным.

— О! — воскликнула Беатрис.— Здравствуйте.— Это было банальное, не выражающее никаких чувств, приветствие.

— Здравствуйте,— отозвался Констант.

— Я могу взывать лишь к вашему врожденному чувству порядочности, обращаясь с просьбой не предавать гласности подробности вашей встречи с моим мужем,— произнесла Беатрис.— Я прекрасно понимаю, как велико искушение сделать это.

— Да, я мог бы выгодно продать свой рассказ,— подхватил Константин,— выкупить закладную усадьбы и стать всемирно известной личностью. Смог бы даже пить за одним столом с великими и почти великими мира сего и выступать перед коронованными особами Европы.

— Я прошу прощения, что не в состоянии оценить сарказм и прочие искрящиеся остроумием проявления вашего бесспорно блистательного ума, мистер Константин. Я заболеваю после каждого визита мужа.

— Но вы теперь не видите с ним, не так ли? — сказал Константин.

— Мы виделись в его первую материализацию, и мне достаточно этого, чтобы хворать до конца своих дней,— сказала Беатрис.

— А мне он очень понравился,— возразил Константин.

— Подчас даже психически нездоровые люди источают некоторое очарование,— парировала Беатрис.

— Психически нездоровые?

— Неужели вы, мистер Константин, человек достаточно светский, считаете здоровым человека, предсказывающего какую-то белиберду?

— Я не вижу ничего нелепого в предсказании, что человек, имеющий доступ к самому большому в истории космическому кораблю, полетит в космос.

Новость о том, что у Константа есть доступ к космическому кораблю, напугала Беатрис. Так напугала, что она отступила на шаг назад и теперь уже не составляла одно целое с винтовой лестницей. Этот единственный маленький шаг сделал ее тем, чем она была на самом деле — одинокой испуганной женщиной, затерянной в огромном доме.

— Выходит, у вас есть космический корабль, не так ли? — спросила она.

— Компания, принадлежащая мне, имеет на своем попечении космический корабль,— уточнил Константин.— Вам приходилось когда-нибудь слышать о «Ките»?

— Да,— кивнула Беатрис.

— Моя компания продала его правительству. Но, по-моему, его нынешние владельцы придут в восторг, если кто-нибудь купит его из расчета пять центов за каждый вложенный доллар.

— Удачи вам в ваших предприятиях,— сказала Беатрис. Константин поклонился.

— А вам в ваших,— сказал он в ответ. Он молча повернулся и направился к выходу. Шагая в вестибюле по сияющим знакам Зодиака, Константин ощущал спиной, что винтовая лестница теперь спускается вниз, а не поднимается вверх. Константин стал изначальной точкой в водовороте судеб. Выйдя за дверь, он с наслаждением почувствовал, что уносит с собой потускневший апломб особняка Рамфордов.

Поскольку судьбой было предначертано, что они с Беатрис встретятся вновь, чтобы произвести на свет сына по имени Хроно, Константин не собирался ухаживать за этой женщиной и помогать ее расположению. Он решил, что ему нужно заниматься своими делами, а надменной Беатрис так или иначе придется пасть в его объятия, как это делает обычная шлюха.

Он ухмыльнулся, надевая темные очки и фальшивую бороду, и вышел через маленькую железную дверь в стене.

Его ждал лимузин. И толпа. Полицейские расчистили проход к дверце лимузина. Константин припустил по нему рысью. Проход сомкнулся за ним, точно волны Красного моря за детьми Израиля. Отдельные вопли слились в общий вопль негодования и обиды. Толпа, которой ничего не обещали, чувствовала себя обманутой, ничего не получив.

Мужчины и подростки принялись раскачивать лимузин Константа. Шофер включил зажигание, и машина поплыла сквозь коре неистовствующей плоти.

Какой-то лысый мужчина сделал попытку покушения на жизнь Константа, хватив сосиской в булке по окну; он раздавил булку, сломал сосиску, и на стекле расплылась отвратительная клякса из горчицы и приправ.

— У-лю-лю! — вопила хорошенькая молодая женщина, показывая Константу то, чего, вероятно, еще не показывала ни одному мужчине. Она показывала ему, что два верхних резца у нее вставные. Она вытащила их из своих гнезд. Она выла, как ведьма.

Какой-то мальчишка взобрался на капот, загородив шоферу обзор, снял дворники и швырнул их в толпу. Потребовалось три четверти часа, чтобы выплыть из этого моря. По его краям собрались не полоумные, а, можно сказать, вполне нормальные люди.

— Рассказывай же! — требовал от Константа какой-то мужчина. Он был вовсе не свиреп, а просто хорошо откормлен.

— Мы ведь тоже имеем право знать! — крикнула какая-то женщина. Она показала Константу двух своих чудесных ребятишек.

— Мы имеем право знать, что вокруг нас происходит! — крикнула другая.

Необузданность в те времена проявлялась во всем, даже в науке и теологии — это были поиски разгадки смысла жизни при помощи самого образа жизни.

Шофер, увидев, наконец, перед собой свободную дорогу, нажал до упора на педаль газа. Лимузин, урча, понесся вдаль.

Промелькнул огромный щит. «ПРИВЕДЕМ НА ВОСКРЕСНУЮ СЛУЖБУ В НАШУ ЦЕРКОВЬ ДРУГА!» — призывал он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СБОР В УБОРНОЙ

Порой мне кажется, что наличие в нашем организме вещества, способного мыслить и чувствовать, есть не что иное, как грубый просчет природы, как причина различного рода неудобств. Однако, если подходить ко всему с одной и той же меркой, то, по-моему, камни, горы и луны можно обвинить в чрезмерной флегматичности.

Уинстон Найлз Рамфорд

Лимузин, с жужжанием рассекая воздух, неся какое-то время на север, потом свернул на гравийную дорогу и вышел на условленное randevу со стоящим на лугу вертолетом.

Этот маневр был произведен для того, чтобы уйти от всякой слежки — ни одна душа не должна была знать о том, кем на самом деле является этот очкастый и бородатый гость рамфордовского поместья.

Ни одна душа не знала о том, куда отправился Константин.

Ни шофер, ни пилот не знали, кто на самом деле их пассажир, Константин представился обоим мистер Иона К. Роули.

— Мистер Роули, сэр... — окликнул шофер Константа, когда тот выходил из лимузина.

— В чем дело?

— Вы не испугались, сэр? — спросил шофер.

— Испугался? Чего? — Константин искренне недоумевал.

— Как чего? — недоверчиво сказал шофер. — Да этих психов, которые хотели нас линчевать.

Констант улыбнулся и покачал головой. Ни разу за все это время ему и в голову не пришло, что его могут изувечить или убить.

— А вам не кажется, что страх в таком деле плохой помощник? — заметил он и тут же поймал себя на том, что воспользовался словарем Рамфорда, даже услышал призыв рабамфордовского аристократического горлового тенора.

— Да у тебя, парень, как видно, есть свой ангел-хранитель, раз тебя ничем не прошибешь, — с восхищением отметил шофер.

Фраза произвела на Константа впечатление, поскольку как нельзя лучше объясняла его хладнокровие в гуще беснующейся толпы. Сперва он воспринял ее как поэтическое толкование своего состояния. Но человек, у которого есть

свой ангел-хранитель, определенно испытывал бы то же самое, что и...

— Да, сэр! Вас явно что-то оберегает, — заключил шофер.

И тут Константа осенило: ведь все именно так и есть.

До этого внезапного прозрения Константин рассматривал свое приключение в Ньюпорте как очередную галлюцинацию, вызванную наркотиками. Очередной кутеж с пейот-лем — отчетливая, полная новизны забавная галлюцинация и только.

Маленькая дверь... Она явилась ему будто в полусне... Потом этот сухой фонтан... Огромная картина одетой во все белое девочки-

недотроги с белоснежным пони... Трубообразная комната под винтовой лестницей... Фотография трех сирен с Титана... Предсказания Рамфорда... Растерянность Беатрис Рамфорд, стоящей на лестнице...

Малачи Константа прошиб холодный пот. Задержались веки, подкосились колени. Наконец-то до него дошло, что все это произошло с ним на самом деле. И хладнокровие в гуще толпы он сохранял только потому, что знал – ему не суждено погибнуть на Земле.

Его и в самом деле что-то оберегало.

И это что-то берегло его шкуру, чтоб...

Констант задрожал, сосчитав по пальцам все достопримечательные места маршрута, предсказанного ему Рамфордом.

Марс.

Потом Меркурий.

Потом снова Земля.

Потом Титан.

Так как маршрут обрывался на Титане, там, вероятно и предстояло умереть Малачи Константу. Ему предстояло умереть там!

Почему же тогда так веселился Рамфорд?

Констант втиснулся в вертолет, и эта огромная, дрожащая в воздухе птица закачалась под его тяжестью.

– Вы Роули? – спросил пилот.

– Он самый, – ответил Константин.

– У вас необычное имя, мистер Роули, – заметил пилот.

– Что вы сказали? – противным до тошноты тоном спросил Константин. Он смотрел сквозь пластмассовый купол кабины, смотрел в вечернее небо. И думал: кто-то смотрит на него оттуда и видит все, что он делает? И если этот

кто-то хочет от него каких-то услуг в каком-то месте, интересно узнать, как он сможет заставить его их выполнить? О Господи, но ведь там так холодно и уныло!

– Я сказал, у вас необычное имя, – повторил пилот.

– Какое еще имя? – Константин не мог вспомнить то глупое имя, каким обозвал себя в целях маскировки.

– Иона, – напомнил пилот.

Через пятьдесят девять дней Уинстон Найлз и его преданная собака Казак материализовались снова. За эти пятьдесят девять дней на Земле произошло много перемен.

Во-первых, Малачи Константин продал все принадлежавшие ему акции корпорации «Космические корабли Галактики», на попечении которой находился космический гигант «Кит». Он сделал это, чтобы оборвать даже ничтожную ниточку, связывающую его с единственным из всех известных ему средств попасть на Марс. Вырученную сумму Константин вложил в «Луннодымчатый табак».

Во-вторых, Беатрис Рамфорд избавилась от целой кипы ценных бумаг и приобрела на вырученные деньги акции «Космических кораблей Галактики», рассчитывая таким образом приобрести право решающего голоса в судьбе «Кита».

В-третьих, Малачи Константин пристрастился посылать Беатрис Рамфорд оскорбительные письма, надеясь навсегда вызвать к себе отвращение

со стороны этой женщины. Достаточно взглянуть на одно из них, чтобы составить представление об остальных. Последнее послание было написано на почтовой бумаге с грифом «Выдающееся творение», — корпорации, занимающейся исключительно улаживанием финансовых дел Константа, и имело следующее содержание:

«Привет тебе из солнечной Калифорнии, космическая цыпочка! Сплю и вижу, что трахаю такую первоклассную дамочку, как ты, при свете двух марсианских лун. Ты дамочка того самого сорта, которого я никогда еще не пробовал, но держу пари, самого отменного! Привет и поцелуи помрежу!

Мэл». В-четвертых, Беатрис запаслась ампулой цианистого калия — средства куда более надежного, чем змея Клеопатры. Беатрис намеревалась проглотить ампулу в том случае, если они с Малачи Константом окажутся хотя бы в одном временном поясе.

В-пятых, резко упали цены на бирже, и Беатрис Рамфорд оказалась в числе разоренных. Она приобрела акции «Космических кораблей Галактики» по цене от 151,5 до 169 долларов за штуку. За десять торговых сессий они упали до шести долларов и застыли на этом уровне. Поскольку Беатрис покупала их под гарантийный задаток плюс наличные, она потеряла все, вплоть до дома в Ньюпорте. Остались лишь наряды, доброе имя да законченное образование.

В-шестых, Малачи Констант на третий день по возвращении в Голливуд закатил пирушку, которая лишь теперь, спустя пятьдесят шесть дней, пошла на убыль.

В-седьмых, один молодой человек с настоящей бородой по имени Мартин Корадубиан заявил, что тем бородатым инкогнито, приглашенным в поместье Рамфордов на материализацию, был он. Корадубиан проживал в Бостоне, занимался починкой солнечных часов и был обаятельнейшим лгуном.

Один журнал купил его статью за три тысячи долларов. Уинстон Найлз Рамфорд якобы сообщил ему, что произойдет в десятиmillionном году нашей эры.

Если верить Корадубиану» в десятиmillionном году произойдет грандиозная чистка жилищ. Все зафиксированные на бумаге сведения, охватывающие период, начиная от смерти Христа до одномиллионного года нашей эры, будут собраны в кучи и сожжены. Это произойдет из-за того, что музеи и архивы начнут теснить с лица Земли все живое.

По Корадубиану, весь миллионный период, которому был посвящен сожженный хлам, будет резюмирован в исторических книгах всего одним предложением: «После смерти Христа начался период перестройки, который продолжался ровно один миллион л е т.»

Уинстон Найлз Рамфорд рассмеялся и отложил в сторону статью Корадубиана. Рамфорд обожал всякие остроумные фальшивки. «Год десятиmillionный — грандиозный год фейерверков, парадов и всемирных ярмарок, — процитировал он. — Веселое время расправы над монументами старины и извлечения из земных недр капсул времени».

Рамфорд разговаривал не с самим собой. В «Музее шкипера» был еще один человек. С ним была Беатрис Рамфорд. Беатрис сидела в кресле с

подлокотниками лицом к мужу. Она пришла в эту комнату, чтобы просить у мужа помощи в дни великих невзгод.

Рамфорд вежливо уклонился от этого разговора. Беатрис, похожая на призрак в своем белом пеньюаре, стала серой, как свинец.

— До чего же оптимистичное животное человек, — весело воскликнул Рамфорд. — Воображает себе, будто его род протянет десяток миллионов лет. А ведь люди устроены куда хуже черепах. — Он пожал плечами. — А ты что думаешь по этому поводу?

— По поводу чего? — переспросила Беатрис.

— Сколько просуществует человеческий род.

Сквозь стиснутые зубы Беатрис вырвался полустон-полувздок, прозвучавший на такой долгой и высокой ноте, что человеческое ухо лишь с трудом могло его уловить. Зловещий: как вой падающей бомбы.

За ним последовал взрыв. Беатрис опрокинула кресло и, схватив скелет, швырнула его в угол. Она ураганом пронеслась по полкам «Музея шкипера», сорвала со стен экспона-

и растоптала их. Рамфорд был поражен.

— Боже праведный... Что это ты вдруг? — пробормотал он.

— Неужели ты ничего не знаешь? — завизжала Беатрис. — Неужели и тебе нужно все объяснять?! Прочитай мои мысли!

Рамфорд сжал ладонями виски, расширил глаза.

— Помехи, одни помехи, — сказал он.

— А что, по-твоему, должно быть, кроме помех? — орала Беатрис. — Я с минуты на минуту окажусь на улице без гроша в кармане, а мой муж как ни в чем не бывало забавляется и еще загадывает мне загадки!

— Это была не простая загадка, — возразил Рамфорд. — Я спросил, сколько, по-твоему, просуществует человеческий род. Мне казалось, это может отвлечь тебя от собственных проблем.

— Черт бы побрал человеческий род! — воскликнула Беатрис.

— Но ведь ты тоже к нему принадлежишь, — напомнил Рамфорд.

— Тогда пусть лучше я превращусь в шимпанзе! — заявила Беатрис. — Да разве муж шимпанзе будет стоять в стороне и спокойно смотреть, как у его жены отбирают все кокосовые орехи?! И ни один шимпанзе не захочет превратить свою жену в шлюху для какого-то Малачи Константа из Голливуда!

Выпалив эти страшные слова, Беатрис немного остыла. Она устало тряхнула головой.

— Итак, мэтр, сколько же, по-вашему, просуществует человеческий род?

— Мне это не известно.

— А я полагала, вам известно буквально все, — язвительно заметила Беатрис. — Стоит только заглянуть в будущее.

— Я заглядываю в будущее и вижу, что к тому времени, когда исчезнет человеческий род, меня уже не будет в Солнечной системе, — сказал Рамфорд.

Возле бассейна Константа в Голливуде, Калифорния, в кабине из горного хрусталя надрывались колокольчики синего телефона. Любое человеческое существо, впавшее в животное состояние, представляет

собой плачевное зрелище. В особенности существо, обладающее преимуществами перед другими.

Малачи Константин валялся в широком сточном желобе своего почковидного бассейна и спал сном пропойцы. В желобе собралось на четверть дюйма тепловатой воды. На Константе были парадные брюки сине-зеленого цвета и смокинг из золотой парчи. Одежда промокла насквозь.

Он был один. Когда-то поверхность бассейна укрывал зыбкий покров гардений. Однако свежий утренний бриз согнал цветы к одному краю, точно одеяло, сбитое к изножью кровати. Завернув одеяло, ветер открыл дно, устланное осколками битого стекла, вишнями, завитками лимонной кожуры, шишечками пейотла, дольками апельсина, маринованными оливками, протухшим луком, телевизором, шприцем для подкожных впрыскиваний и обломками белого рояля. Поверхность воды пестрела окурками сигар и сигарет, некоторые из них содержали марихуану.

Бассейн скорее смахивал на адскую купель, чем на спортивное сооружение. Одна рука Константа свесилась в бассейн. Из-под воды поблескивали солнечные часы. Часы остановились.

Телефонные колокольчики захлебывались звоном. Константин лишь пробурчал что-то невнятное. Колокольчики смолкли. Через двадцать секунд затрезвонили с новой силой.

Констант испустил стон, сел. Из дома донесся четкий деловитый звук — стук высоких каблучков по кафельному полу. Оттуда вышла очарователь-

ная рыжеватая блондинка и направилась к телефонной кабине, походя окинув Константа взглядом, полным надменного презрения.

Она жевала резинку.

— Да? — сказала блондинка в трубку. — О, это снова вы. Да, он проснулся. Эй! — пронзительно окликнула она Константа. Ее голос напоминал крик дрозда. — Эй ты, космический кадет!

— М-м-м? — отозвался Константин.

— Этот тип, ну, президент твоей компании, хочет с тобой поговорить.

— Какой компании?

— Вы какой компании президент? — спросила в трубку блондинка. Ответ не замедлил прийти, — «Выдающееся творение», — передала она. — Рэнсом К. Ферн из «Выдающегося творения».

— Скажи ему... скажи, я сам позвоню, — проблеял Константин.

Женщина передала его слова Ферну и получила ответ для передачи Константу:

— Он говорит, что уходит от тебя.

Теперь Константин стоял, качаясь из стороны в сторону, и тер руками лицо.

— Уходит? — тупо повторил он. — Старина Рэнсом К. Ферн уходит?

— Да, — подтвердила женщина и желчно расхохоталась. — Он говорит, что тебе отныне не по карману платить ему жалованье. Он говорит, ты должен приехать и поговорить с ним, пока он не ушел домой. — Она снова расхохоталась. — Он говорит, ты разорился.

Тем временем в Ньюпорте истерика Беатрис Рамфорд привлекла внимание Монкриффа.

— Вы мне кричали, мэм? — спросил он, стоя на пороге «Музея шкипера».

— Скорей визжала, Монкрифф.

— Ей ничего не нужно, благодарю вас, — сказал лакею Рамфорд. — Просто мы вступили с миссис Рамфорд в горячую дискуссию.

— Какое ты имеешь право говорить, что мне ничего не нужно? — накинулась Беатрис на Рамфорда. — Я начинаю понимать, что ты вовсе не такой уж и всеведущий, каким прикидываешься. Представь себе, кое-что мне очень даже нужно. Много что нужно.

— Мэм? — услужливо подал голос лакей.

— Пожалуйста, впустите собаку, — распорядилась Беатрис. — Я хочу приласкать ее, пока она не исчезла. Мне интересно, убивает ли эта хроно-синкластическая инфанди-була чувство любви в собаке или же только в людях.

Лакей поклонился и вышел.

— Ты мило изобразила все перед слугой, — сказал Рамфорд.

— Если говорить в целом, то мой вклад в величие семьи был весомей твоего, — парировала Беатрис.

Рамфорд повесил голову.

— Я в чем-то не оправдал твоих ожиданий? Ты это хочешь сказать?

— В чем-то? Да во всем!

— И что я должен был для тебя сделать?

— Ты мог, по крайней мере, предупредить меня, что надвигается крах на бирже! — выкрикнула Беатрис. — Мог бы уберечь меня от того, сквозь что мне предстоит пройти теперь.

Рамфорд шарил руками в воздухе в тщетной надежде отыскать хоть какое-нибудь оправдание.

— Ну, так что же? — теребила его Беатрис.

— И почему вместе мы не попали в эту хроно-синкла-стическую инфандибулу? — сокрушался Рамфорд. — Тогда бы ты сразу поняла, в чем дело. Я могу только сказать тебе, что моя неспособность предупредить тебя о крахе на бирже имеет тот же характер неизбежности, что и движение кометы Галлея. Следовательно, бушевать по этому поводу так же бессмысленно, как и по поводу появления этой кометы.

~ Выходит, ты безвольный человек и не испытываешь никакой ответственности за мою судьбу, — сказала Беатрис. — Мне очень жаль прибегать к подобным формулировкам, но это суцая правда.

Рамфорд покачал головой.

— Правда, но, Господи, очень уж пунктуальная правда.

Он снова углубился в чтение журнала. Тот сам раскрылся на развороте, где была помещена цветная реклама сигарет «Лунная дымка». Табачная фирма «Лунная дымка» — акционерное общество с ограниченной ответственностью — была одним из последних приобретений Малачи Константа.

«Блаженство на дне бездно», — гласила реклама. Здесь же была помещена фотография трех сирен Титана: белокожей девицы, девицы с

золотистой кожей и девицы с кожей шоколадного цвета. Пальцы златокожей девицы на

ее левой груди были растопырены, что позволило художнику вложить между ними сигарету «Лунная дымка». Дымок от ее сигареты струился прямо перед лицом шоколадной и белокожей девиц, и создавалось впечатление, что их смазанные пространством похотливые взоры жадно следят за ментоловой струйкой.

Рамфорд знал, что Констант во что бы то ни стало постарается надругаться над фотографией, используя ее в коммерческих целях. То же самое проделал однажды и отец Константа, поняв, что ему ни за какие деньги не светит приобрести леонардовскую «Мону Лизу». Старик наказал эту Мону Лизу, используя ее знаменитую улыбку для рекламирования суппозиторий. Так прибирали к рукам красоту в обществе свободного предпринимательства.

Рамфорд фыркнул – он обычно издавал его, когда чувствовал, что попадает во власть сострадания. Сострадание, которое постепенно захватывало его, предназначалось Малачи Константу, – тому в настоящий момент приходилось куда хуже, чем Беатрис.

– Ты все сказал в свое оправдание? – спросила Беатрис, став за спинку его кресла. Ее руки были сложены на груди, и Рамфорд, читавший ее мысли, знал, что острые торчащие локти ей самой напоминают клинки матадора.

– Что ты сказала?

– Выходит, это молчание, это твое стремление закрыться журналом я могу расценивать как несогласие? – вопрошала Беатрис.

– Несогласие – какое пунктуальное слово, если так можно выразиться. Я говорю тебе что-то, ты со мной не соглашаешься, потом я с тобой не соглашаюсь, а тут приходит кто-то третий, кто не соглашается с нами обоими. – Он передернул плечами. – Какой-то кошмар, в котором все друг с другом не соглашаются.

– Не мог бы ты сообщить мне сведения, с помощью которых я бы вернула потерянное и приобрела сверх этого? – спросила Беатрис. – И если в тебе есть хоть капля жалости ко мне, скажи, каким образом этому Малачи Константу из Голливуда удастся заманить меня на Марс. Тогда я, быть может, смогу его перехитрить.

– А знаешь, что мне пришло в голову? – размышлял вслух Рамфорд. – Для пунктуального человека жизнь – это те же русские горки. – Рамфорд повернулся к ней лицом, чтобы она видела, что он умывает руки. – С тобой случится все на свете! Конечно, я мог бы проследить с тобой вместе весь твой путь по этим горкам и снабдить тебя запиской, в

которой бы говорилось о каждом спуске и повороте, обо всех привидениях, стерегущих тебя в туннеле. Но это ничуть тебе не поможет.

– Это почему же?

– Потому что тебе так или иначе придется прокатиться на этих горках. Не я их придумал, не я их запускаю и не мне решать, кому кататься на них, а кому нет. Мне известно только одно – что они собой представляют.

— И Малачи Констант тоже одна из этих горок? — спросила Беатрис.

— Нет,— ответил Рамфорд.

— А может, ты скажешь, при каких обстоятельствах произойдет наше сближение, и я попытаюсь их всех пережить?

— Что ж, если тебе так уж хочется...— Рамфорд пожал плечами.— Слушай же. В этот самый момент президент Соединенных Штатов провозглашает начало Новой Космической Эры, что является одной из мер по борьбе с безработицей. Миллиарды долларов будут выброшены на строительство беспилотных космических кораблей с единственной целью занять безработных. Открытие Новой Космической Эры будет ознаменовано в следующий вторник запуском «К и т а» — его в мою честь переименуют в «Р а м ф о р д а». В нем разместят подопытных обезьян, которых запустят в сторону Марса. И ты, и Констант примете участие в этой торжественной церемонии. Ты поднимешься на борт космического корабля с предусмотренной ритуалом инспекцией и в результате ошибочного нажатия на кнопку отправишься в компании с обезьянами к месту назначения.

На этом месте стоит прервать рассказ Рамфорда и оговориться, что это небылица — лишь один из немногих примеров, когда Уиистон Рамфорд снисходил до лжи.

Вот что было правдой в рассказе Рамфорда: «Кита» и в самом деле переименуют и запустят во вторник, а президент Соединенных Штатов провозгласит в тот момент начало Новой Космической Эры.

Некоторые высказывания президента будут отмечены печатью вторичности, однако примечательно то, что слову «прогресс» он придаст особый аромат, произнося его как «прогерсс». Еще он снабдит специфическим ароматом слова «забор» и «сборный», произнося их как «сбор» и «с уборной».

«Кое-кто нынче поговаривает, будто американская экономика находится в упадке,— будет распинаться президент,— но я, честно говоря, не могу понять, как у людей

поворачивается язык говорить подобные вещи, ибо в настоящий момент возможности прогерсса на всех направлениях гораздо шире, чем когда бы то ни было за всю историю человечества.

Но существует одно направление, где мы можем достичь небывалого прогресса — это великий космический путь. Космос однажды дал нам отпор, но не в характере американца принимать «нет» за ответ, когда дело касается прогерсса.

Люди слабые духом каждый день приходят ко мне в Белый Дом со своими воплями и стенаниями. «О, господин президент,— сетуют они,— все склады забиты автомобилями, аэропланами, кухонными машинами и разными другими товарами. О, господин президент,— сетуют они,— теперь никому не нужно, чтобы работали фабрики, потому что у каждого есть по две, по три и даже по четыре штуки всего что угодно».

Особенно мне запомнился один человек, который делает сбор с уборной — человек этот слегка затоварился и не мог думать ни о чем другом, кроме как об этом сборе с уборной, который лежал у него на

складе. И я сказал этому человеку: «Через каких-нибудь двадцать лет население земного шара удвоится, и все эти родившиеся миллиарды людей не смогут обойтись без вашего сбора с уборной, так что можете продолжать делать свои сборы. А пока забудьте обо всех этих сборах с уборных на складе и думайте о прогрессе в области космических полетов.

Я сказал ему, говорю вам и скажу каждому: «Космос способен переварить произведенное триллионом планет каждая размером с Землю. Мы можем строить и запускать бесконечное множество ракет и все равно не в состоянии забить космическое пространство до отказа и узнать о космосе все, что нужно о нем знать».

А те же самые люди, которые так любят поплакаться и посетовать, скажут: «Господин президент, а как же быть с хроно-синкластической инфандибулой, как быть с тем, как быть с этим?» И я им отвечаю: «Если бы люди слушали таких, как вы, ни о каком прогрессе не могло быть и речи. Не было бы даже телефона. К тому же, скажу я им, вам и каждому, мы не собираемся сажать в эти ракеты людей. Мы будем сажать в них низшие существа...»

И так далее в том же роде. Малачи Констант из Голливуда, Калифорния, вышел из телефонной кабины горного хрусталя трезвым, как стеклышко. Ему казалось, что вместо глаз ему вставили тлеющие угли. Изо рта несло конским навозом.

Он был уверен, что видит эту прекрасную блондинку впервые в жизни. Он задал ей один из тех вопросов, которые задают в минуту глубоких потрясений. «А где остальные?» – спросил он у нее.

– Ты всех их выставил за дверь, – сказала женщина.

– Я? – изумился Констант.

– Да. Значит, у тебя осталась дырка от бублика?

Констант лишь слабо кивнул. В результате попойки длиной в пятьдесят шесть дней он достиг, можно сказать, крайней точки. Он задался целью стать недостойным любой, самой ничтожной судьбы, не способным ни на какую миссию и слишком больным для всяких поездок. В этом ему сопутствовал ошеломляющий успех.

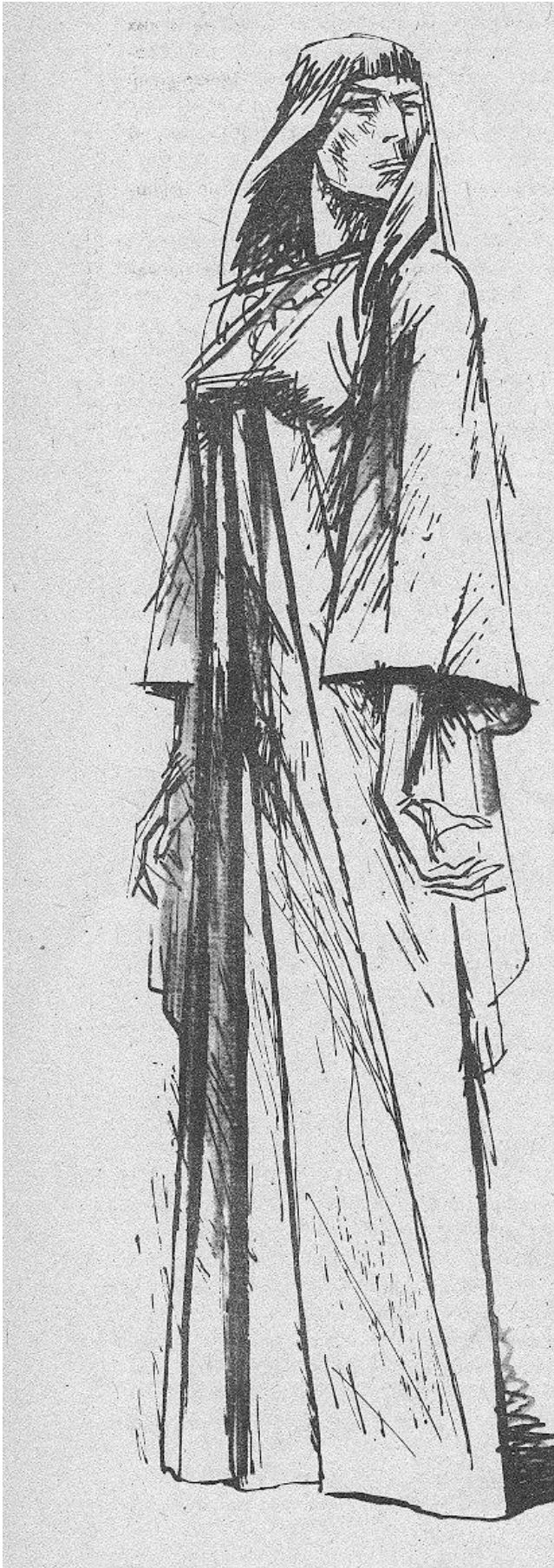
– О, это было потрясающее зрелище, – вспоминала блондинка. – Ты веселился не меньше остальных, помогая спихнуть в бассейн рояль. Когда он в конце концов туда упал, с тобой случилась жуткая истерика.

– Истерика, – эхохл отозвался Констант. Это уже было что-то новое.

– Ты заявил, что у тебя было безрадостное детство, и всех заставил слушать про то, что ты пережил, – вспоминала женщина. – Твой отец, сказал ты, ни разу в жизни не бросил тебе мячика. Из того, что ты говорил, половины никто не понял, но из того, что поняли, все было про разные мячики.

– Потом ты завел треп о матери. Ты сказал, что если даже она и была шлюхой, ты гордишься тем, что являешься сыном шлюхи и пообещал подарить нефтяную скважину каждой женщине, которая пожмет тебе руку и скажет во всеуслышанье: «Я шлюха, как и твоя мать».

– И что было после? – спросил Констант.

— Ты подарил по скважине каждой из присутствовавших женщин. Потом ты зашелся в истерике, вытащил меня за руку на середину и заявил, что я единственное существо во всей Солнечной системе, которому можно доверять. Ты сказал, что все остальные только и ждут, когда ты заснешь, чтобы захватить тебя в ракету и услать на Марс. Потом ты выгнал всех до единого. В том числе и слуг.

После мы слетали с тобой в Мехико-сити, расписались там и вернулись, а теперь выясняется, что у тебя нету даже ночного горшка, чтобы пописать, и окошка, чтобы его опорожнить.

Ступай-ка лучше в свою контору и выясни, что там за чертовщина, а то мой дружок гангстер тебя пришьет, если я скажу ему, что ты меня паршиво содержишь.

Черт побери, да мое детство было не хуже твоего,— вспоминала блондинка.— Моя мать была шлюха, а отца я вообще в глаза не видела, к тому же мы жили бедно. У тебя хоть миллиарды были...

В Ньюпорте тем временем Беатрис Рамфорд повернулась к мужу спиной. Она стояла на пороге «Музея шкипера», устремив взгляд в коридор. Из дальнего конца донесся голос лакея, который стоял у двери и звал Казака, космического пса.

— Мне тоже кое-что известно о русских горках,— сказала Беатрис.

— Это хорошо,— машинально ответил Рамфорд.

— Когда мне было десять лет, отец вдруг решил, что мне доставит удовольствие катание на русских горках. То лето мы проводили на мысе Код. И вот мы

отправились в парк развлечений и отдыха на реке Фол.

Отец купил два билета на русские горки — он тоже хотел со мной прокатиться.

Я взглянула на эти русские горки, и они показались мне такими примитивными, такими грязными и ненадежными, что я категорически отказалась кататься. И отец не смог меня заставить, хоть и был председателем совета Центральной железной дороги города Нью-Йорка...

— Мы повернулись и поехали домой,— с гордостью рассказывала Беатрис. Ее глаза блестели. Она энергично и коротко кивала головой.— Вот как надо обращаться с этими горками.

Беатрис шагнула прочь из «Музея шкипера» и направилась в вестибюль навстречу Казаку.

Она спиной ощутила исходящее от мужа электричество.

— Би, если я на самом деле кажусь безучастным к твоей судьбе, то это лишь потому, что мне известно, каким счастливым будет конец,— сказал Рамфорд.— И если я мирюсь с тем, что тебя спарят с Константом, то вовсе не потому, что я жесток, а оттого что питаю надежду, что он будет тебе лучшим мужем, нежели был, либо когда-нибудь буду я.

— Би, торопи тот час, когда тебе впервые в жизни суждено будет влюбиться по-настоящему,— поучал Рамфорд.— Торопи тот час, когда утонченными будут не только твои манеры, но и душа. Торопи тот час, когда у тебя не останется ничего, кроме достоинства, ума и нежности, дарован-

ных Господом, и ты из них, только из них одних, сотворишь нечто изысканное.

Голос Рамфорда звякнул, как жестянка из-под консервов. Рамфорд медленно растворился в воздухе.

— Господи, ты боишься каких-то русских горок... А ты подумала о том, на каких горках вертит меня? Попав в один прекрасный день на Титан, ты поймешь, как безжалостно мной воспользовались, поймешь, кто воспользовался и какой ничтожный конец меня ожидает.

В дом влетел Казак, шлепая своими отвислыми губами. Его задние ноги занесло на скользком полу. Он попытался развернуться под прямым углом и подбежать к Беатрис, но мышцы больше не слушались его. Казак стал полупрозрачным. Он медленно съезжался и отчаянно шипел, как мячик для пинг-понга на раскаленной сковородке.

Потом он исчез. Беатрис чувствовала спиной, что муж тоже исчез.

— Казак,— медленно позвала она. И хотела щелкнуть пальцами, чтобы привлечь внимание собаки. Но ее пальцы были слишком слабы, чтобы издать звук.— Хорошая собачка,— прошептала она.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ПРЕДПОЧИТАЮ ОБЪЕДИНЕННЫ «БЛИНЫ-ОБЪЕДЕНЬЕ»

Принято считать, будто в этой стране не существует монаршей власти, но хочешь, я научу тебя, сын, как стать королем Соединенных Штатов Америки? Нырни в дырку уборной и вылезти оттуда, благоухая, как роза.

Ноэл Констант

Лос-Анджелесская корпорация «Выдающееся творение», ведущая финансовые дела Малачи Константа, была основана его папашей. Штаб-квартирой ей служило тридцатиодноэтажное здание. Хотя «Выдающемуся творению» и принадлежало все здание целиком, само оно расположилось на трех его последних этажах, остальные помещения сдавались в аренду контролируемым корпорациям.

Среди арендаторов были: «Космические корабли Галактики», «Луннодымчатый табак», «Бензин Фанданго», «Монорельсовые дороги Леннокса», «Скорожарка», «Девиде-оз-

доровительная фармакология», «Сера Льюиса и Марвина», «Электроника Дюпри», «Пьезоэлектрик Универсаль», «Беспредельный психокинез», «Компаньоны Эда Мура», «Металлорежущие станки Максмора», «Лаки и краски Уилкинсо-на», «Воспарение по-американски», «Быстротек», «Рубашки короля О'Досуг», «Символ чрезвычайного бедствия», «Калифорнийское общество страхования жизни».

Здание «Выдающегося творения» представляло собой изящную двенадцатигранную призму с окнами в каждой из граней. Вверху стекла окон были сине-зеленого цвета, а у основания – розового. По замыслу архитектора эти двенадцать сторон символизировали собой двенадцать великих религий мира. Пока еще никто не попросил архитектора их перечислить.

И слава Богу – ему бы это оказалось не под силу. На крыше здания была специальная посадочная площадка для вертолетов. Зыбкая тень от вертолета Константа, нависшего над посадочной площадкой, казалась сенью крыл Светлого Ангела Смерти. Дело в том, что биржа прогорела.

К тому же жесточайший крах потерпели предприятия Малачи Константа, потянувшие за собой все остальное. Констант сам управлял своим вертолетом – минувшей ночью от него сбежал весь штат прислуги – и делал это плохо. Он резко посадил вертолет на крышу, отчего содрогнулось все здание.

Констант прилетел для совещания с Рэнсомом К. Фер-ном, президентом «Выдающегося творения». Ферн ждал Константа на тридцать первом этаже, представлявшем собой комнату необъятных размеров, которая называлась кабинетом Константа.

Похоже, эту комнату обставили привидения: здесь вся мебель была без ножек, она удерживалась на нужной высоте магнитным полем. И столы, и конторка, и бар, и кушетки – все будто плавало в густой, вязкой массе. Кресла, наклонив спинки, плавали в массе пожиже. Но самый жуткий страх внушали карандаши и блокноты, разбросанные по

всему воздушному пространству комнаты, чтобы ими мог воспользоваться каждый, кому вздумается что-то написать.

Ковер был похож на зеленую лужайку для гольфа — он и был сделан из настоящей травы, живой и сочной, как на хорошей лужайке.

С палубы вертолета Малачи Константин нырнул на специальном лифте в свой кабинет. Дверь лифта распахнулась с легким шелестом, и Константин испуганно уставился на безногую мебель, на парящие в воздухе карандаши и блокноты. Он не появлялся в своем кабинете восемь недель. За это время сменили всю обстановку.

Рэнсом К. Ферн, престарелый президент «Выдающегося творения», стоял у окна, начинающегося от самого пола и доходящего до потолка, и взирал на город. На нем были неизменная черная фетровая шляпа и черное приталенное пальто с бархатным воротником. Из-под левой подмышки торчала неизменная бамбуковая трость. Он был все так же тощ.

«Будто двух пацанов поставили друг на дружку, — бывало, говорил о Ферне папаша Малачи Константа. — Рэнсом К. Ферн вроде верблюда, который проел оба своих горба, а теперь проедает и все остальное, кроме волос и зрачков».

Согласно данным, опубликованным Бюро внутренних финансов, Ферн был самым высокооплачиваемым служащим в стране. Он получал миллион долларв в год чистоганом, не считая премий за выигрыши на бирже и прожиточного минимума.

Ферн поступил на службу в «Выдающееся творение» двадцатидвухлетним юношей. Теперь ему было шестьдесят.

— Кто... кто-то поменял здесь всю мебель, — сказал Константин.

— Да, — кивнул Ферн, не отрывая взгляда от города. — Кто-то.

— Вы? — поинтересовался Константин. Ферн сперва фыркнул, потом ответил:

— Я полагаю, нам необходимо демонстрировать свою лояльность к кое-каким товарам собственного производства.

— Я... я сроду не видел ничего подобного, — блял Константин. — Без ножек... парит в воздухе...

— Магнетизм, как вы понимаете, — сказал Ферн.

— Ну... ну... теперь, когда я к ней пригляделся, она мне очень даже нравится. Так что, эти штуки производит одна из наших компаний?

— Компания «Воспарение по-американски», — сказал Ферн. — Вы велели ее купить, что мы и сделали.

Рэнсом К. Ферн отвернулся от окна. Его физиономия представляла собой неуживчивое сочетание молодости со старостью. В ней не было ни единой черточки, оставленной промежуточными годами, ни малейшего намека на то, что этот мужчина когда-то перешагнул через тридцатилетие, сорокалетие и пятидесятилетие. Здесь оставили свои отпе-

чатки лишь ранняя юность и преклонные года. Как будто семнадцатилетнего мальчика высушили потоком горячего воздуха.

Ферн прочитывал в день по две книги. Аристотель, по общему мнению, был последним из людей, знавшим все культурное наследие

своего народа. Ферн предпринял впечатляющую попытку сравниться в эрудиции с Аристотелем и потерпел в этом сокрушительную неудачу.

Интеллектуальная гора поднатужилась и произвела на свет философскую мышь (Ферн первым признался в том, что он мышь), вдобавок еще и шелудивую. Вот как Ферн выражал свои философские взгляды:

«Ты подходишь к человеку и спрашиваешь у него: «Как дела, Джо?» А он тебе отвечает: «Превосходно, превосходно, лучше некуда». А стоит копнуть поглубже, как оказывается, что дела его хуже некуда. Ты стараешься ему помочь, и обоим становится от этого мерзко. Так вот, вся соль состоит в том, что помощь – это те же сапоги всмятку».

Эта философия не повергала Ферна в грусть. Даже не навела его на размышления. Но делала осторожным до малодушия. К тому же она помогала в деле, так как давала все основания считать, что человек, с которым имеешь дело, слабее и уязвимее, чем кажется с виду.

Людям с крепкими желудками разглагольствования Ферна казались даже забавными. Его статус управляющего корпорацией Ноэла Константа, а впоследствии Малачи, способствовал тому, что почти все его изречения находили страшно забавными – уж кто-кто, а он превосходил Константов, во всех отношениях, кроме одного, самого существенного: Константам, этим невежественным, вульгарным и наглым выскочкам, на каждом шагу улыбалась слепая фортуна.

Уточним: до сегодняшнего дня улыбалась Малачи Константу еще предстояло перевернуть тот факт, что эта фортуна повернулась к нему задом окончательно и бесповоротно. Все это еще было впереди, хотя Ферн и сообщил ему эту страшную новость по телефону.

– Фу ты, чем больше я смотрю на эту мебель, тем больше она мне нравится, – признался Констант. – Небось нарасхват идет, как продукция корпорации «Блины-объе-денье»?

Когда Малачи Констант говорил о деле, в выражении его лица проскальзывало что-то трогательное, но в то же время и отталкивающее – в этом он очень смахивал на своего родителя. Папаша Ноэл Констант тоже был полным профаном в деле, и капелька обаяния, присущая Константам, мгновенно улетучивалась, стоило им напустить на себя вид, будто успех целиком зависит от их смекалки.

Миллиардер, полный оптимизма, напористости и коварства, являет собою зрелище до некоторой степени непристойное.

– Если хотите знать, это весьма разумное помещение капитала, – продолжал Констант. – Я имею в виду компанию, которая производит вот такую мебель.

– Я б скорей поместил его в объединение «Блины-объе-денье», – возразил Ферн. – Я б поместил его в корпорацию «Блины-объе-денье». – Это было любимое высказывание Ферна. Кто бы ни приходил к нему за советом, куда поместить капитал, чтобы за шесть недель он возрос вдвое, Ферн на полном серьезе советовал вложить его в это несуществующее предприятие. Некоторые и в самом деле пытались последовать его совету.

– Сидеть на кушетке «Воспарения по-американски» труднее, чем стоять в каноэ из березовой коры, – сухо пояснил Ферн. – Попробуйте

плюхнуться в одно из этих так называемых кресел, и вас грохнет о стену, как камень, пущенный из рогатки. Присядьте на краешек вашей конторки, и вас закружит по комнате в вальсе, точно вы оказались в объятьях одного из братьев Райт в «Китти Хок».

Констант слегка прикоснулся к своей конторке. Ее нервно передернуло.

— Что ж, просто-напросто они еще не успели устранить все неполадки,— отметил он.

— Что верно, то верно,— согласился Ферн.

И тут Констант впервые за всю свою жизнь сделал следующее заявление:

— Человеку иной раз свойственно ошибаться...

— Иной раз? — Брови Ферна поползли вверх.— Все три минувшие месяца вы только то и делали, что ошибались, в чем, я бы сказал, несказанно преуспели. Вам удалось пустить по ветру плоды вдохновенных предсказаний почти четырех десятилетий.— Рэнсом К. Ферн схватил парящий в воздухе карандаш и разломил его на две части.— «Выдающегося творения» больше не существует. Кроме нас с вами в этом здании не осталось ни одной живой души. Все бывшие служащие получили расчет и отправились по своим домам.

Он поклонился и направился к двери.

— Связь подключена напрямую, так что все внешние звонки будут поступать прямо к вам. Когда же вы, мистер Констант, сэр, будете уходить, не забудьте погасить свет и запереть входную дверь.

Пожалуй, теперь самое время рассказать историю возникновения «Выдающегося творения», официально зарегистрированной корпорации. Все началось с янки-коммивояжера, торговавшего латунной кухонной утварью. Этим янки был Ноэл Констант, уроженец Нью-Бедфорда, Массачусетс. Он доводился Малайи родным отцом.

В свою очередь отцом Ноэла был Сильванус Констант, наладчик ткацких станков на Нью-Бедфордской прядильной фабрике округа Наттавина, принадлежащей «Великой республиканской шерстяной компании». Этот сущий анархист ни разу не имел неприятностей из-за своих убеждений, если, конечно, не считать стычек с собственной супругой.

Через незаконнорожденного отпрыска их род восходил к Бенджамину Константу, который был наполеоновским трибуном с 1799 по 1801 годы, а также любовником Анны Луизы Жермены Нежер, баронессы де Сталь-Голштейн, супруги тогдашнего шведского посла во Франции.

Все это, однако, не имеет прямого отношения к тому, что однажды ночью в Лос-Анджелесе Ноэлу Константу взбрело в голову сделаться биржевым дельцом. Ему в то время было тридцать девять, он был одинок, непривлекателен ни в физическом, ни в моральном отношении, к тому же неудачник. Эта идея взбрела ему в голову, когда он сидел один-одинешенек на своей узкой кровати в комнате 223 отеля «Уилбурхэмптон».

Даже у самой задрипанной компании, штат которой состоял из одного служащего, даже на первых порах не бывает столь скромной штаб-квартиры. Комната 223 отеля «Уилбурхэмптон» имела одиннадцать футов

в длину и восемь в ширину, в ней не было ни телефона, ни письменного стола.

Зато были кровать, комод о трех ящиках, на дне которых валялись старые газеты, а в нижнем даже Библия Ги-деоновского издания. На дно среднего ящика была постлан газетный лист с курсом биржевых цен четырнадцатилетней давности.

Загадка: может ли выжить человек, запертый на ключ в комнате с календарем? Ответ: он ест листочки календаря и запивает их водицей из ключа.

Теперь мы, можно сказать, вплотную подошли к истории возникновения «Выдающегося творения», Материал, при помощи которого Ноэл Констант сколотил свое состояние, едва ли питательней календарных листков и водицы из дверного ключа.

«Выдающееся творение» было создано при помощи ручки, чековой книжки, казенных конвертов размером с чековую книжку, Библии Гидеоновского издания и банковского счета в восемь тысяч двести двенадцать долларов.

Этот счет являлся долей Ноэла Константа в имуществе, оставленном папашей-анархистом. Имущество состояло в основном из облигаций государственного займа.

Программу капиталовложений Ноэл Констант разработал собственноручно. Она являла собой саму простоту. Его единственным консультантом отныне и навсегда являлась Библия.

Люди, изучавшие систему капиталовложений Ноэла Константа, сделали вывод, что этот человек либо был гениальным, либо располагал безотказно действующей сетью промышленного шпионажа. Он каждый раз делал ставку на самый, как позднее выяснилось, выдающийся состав биржевых исполнителей всего за несколько дней или даже часов до начала спектакля. За двенадцать месяцев Констант, практически не выходя из 223 комнаты отеля «Уилбурхэм-птон», увеличил свое состояние до миллиона двухсот пятидесяти тысяч.

Ноэлу Константу не нужен был ни гений, ни шпионы. Его система проста до идиотизма, и поэтому не каждый в состоянии ее понять. Она недоступна пониманию тех людей, которые для собственного спокойствия вынуждены верить в то, что невероятное богатство может быть сколочено лишь ценой невероятных творческих усилий.

Вот какую систему выработал Ноэл Констант. В один прекрасный день он раскрыл Библию Гидеоновского издания, которая оказалась в его комнате, и начал с первой фразы.

Вероятно, кое-кто помнит, что первая фраза «Книги бытия» гласит: «В начале сотворил Бог небо и землю». Ноэл Констант переписал это предложение на бумажку большими буквами, поставил точки после каждой буквы, потом разделил буквы на пары, интерпретировав предложение следующим образом: «В.Н. АЛ. А.Л. Е.С. О.Т. В.О. Р.И. Л.Б. О.Г. Н.Е. Б.О. И.З. Е.М. Л.Ю».

Далее он выбрал компании, названия которых начинались с этих букв, и купил их акции, придерживаясь на первых порах правила покупать акции одной компании, вкладывая в них все свои сбережения, и как только стоимость этих акций удваивалась, тут же их продавал.

Первый свой вклад он сделал во «Вселенский Нитрат». За сим последовал вклад в «Авиамото Чейзлота», «Аэродинамические лебедки», «Еврейские Стратодирижабли», «Оклахома Техико», «Возвышенные обелиски», «Ринго Ингальятор», «Лейко Бижутерия», «Огнетушители Гермеса», «Нитролаки Евразии», «Бисульфаты О'Нейла», «Интернациональ Зеркаль», «Ерундаль Миндаль», «Лакомки Юга».

Его программа на следующие двенадцать месяцев была такова: снова «Авиамото Чейзлота», «Аэродинамические Лебедки», «Европейские Стратодирижабли», «Оклахома Технике», «Возвышенные обелиски», «Ринго Ингальятор», «Лейко Бижутерия», «Огнетушители Гермеса». В третий раз он купил «Авиамото Чейзлота» — не часть, а всю компанию целиком, что называется, с потрохами.

Спустя два дня компания заключила с правительством долгосрочный контракт на поставку межконтинентальных баллистических ракет, благодаря которому ее капитал подскочил, по самым скромным подсчетам, до пятидесяти девяти миллионов долларов. Ноэл Констант купил эту компанию за двадцать два миллиона.

Единственное административное указание, сделанное им в отношении компании, содержалось в приказе, изложенном на открытке с видом отеля «Уилбурхэмpton». Открытка была адресована президенту компании с указанием изменить ее название на «Космические корабли Галактики», поскольку она уже давным-давно производила не всякие там авиамото и не по заказу Чейзлота.

Как бы ни был мал сей экзерсис в области управления, он тем не менее имел немаловажное значение, ибо свидетельствовал о том, что наконец-то Констант стал проявлять интерес к тому, чем владел. И хотя стоимость акций его компании подскочила в цене более чем в два раза, он не стал продавать их все целиком, а продал всего сорок девять процентов.

С тех пор Констант и шагу не ступал без Библии Гидеоновского издания, однако львиную долю акций тех фирм, к которым питал симпатию, придерживал.

За первые два года, проведенные в комнате 223 отеля «Уилбурхэмpton», Ноэл Констант принимал у себя всего одного посетителя. Этот посетитель не подозревал, что Кон-

стант богат. Посетителем была горничная по имени Флоренс Уайхилл, которая за одну и ту же ничтожную плату проводила с Ноэлом одну из десяти ночей.

Флоренс, как и все остальные служащие «Уилбурхэм-тона», верила рассказам Константа, будто он торгует марками. Ноэл Констант не отличался особой чистоплотностью, поэтому не составляло особого труда, поверить, что ему по долгу службы приходится иметь дело с растительным клеем.

О том, как он богат, знали лишь служащие Бюро департамента налогов и августейшей фирмы бухгалтерского учета «Кло и Хиггинс». По прошествии двух лет Ноэл Констант принял у себя в 223 комнате второго посетителя.

Им оказался тощий голубоглазый юнец двадцати двух лет с настороженным взглядом. Он сразу же приковал к себе внимание Ноэла

Константа, заявив с порога, что является служащим Бюро департамента налогов Соединенных Штатов.

Констант пригласил молодого человека в комнату и кивком указал на кровать. Сам остался стоять.

— Они прислали ко мне ребенка, а? — удивился Ноэл Констант.

Посетитель нисколько не оскорбился. Эту насмешку он обратил в собственную выгоду, дав себе убийственную характеристику.

— Ребенка с каменным сердцем и реакцией мангусты, мистер Констант,— внес он некоторые уточнения.— К тому же я получил образование в Гарвардской школе бизнеса.

— Очень может быть,— согласился Констант,— Но я боюсь, что вы не представляете для меня ни малейшей опасности. Я не задолжал правительству ни цента.

Желторотый посетитель кивнул.

— Знаю. Я нашел все в безупречном порядке.

Юнец окинул взглядом комнату. Его не удивило ее убогое убранство. Он был слишком практичен, чтобы усмотреть в этом что-то необычное.

— Я изучил сводки ваших подоходных налогов за последние два года,— сказал он,— и пришел к выводу, что вы самый везучий человек из всех, когда-либо живших на Земле.

— Везучий? — переспросил Констант.

— На мой взгляд, да. А вы считаете по-другому? Скажите-ка мне, а что производит компания «Аэродинамические лебедки?»

— «Аэродинамические лебедки»? — тупо переспросил Ноэл Констант.

— За два месяца вы приобрели пятьдесят три процента ее акций,— сказал юный посетитель.

— Ну... лебедки... Это такие штуковины для подъема всяких тяжестей,— промямлил Ноэл Констант.— А также различных подобных вещей.

Юный посетитель улыбнулся как-то по-кошачьи.

— Довожу до вашего сведения, что «Аэродинамические лебедки» — название, во время минувшей войны присвоенное правительством сверхсекретной лаборатории, работающей над совершенствованием подводных подслушивающих устройств. После войны компания была продана частному предпринимателю, но ее название осталось прежним, поскольку она так и продолжала выпускать сверхсекретную продукцию, единственным заказчиком коей оставалось правительство...

Может, вы скажете мне, что дало вам основание посчитать выгодным вложить деньги в «Омаха вулканизация»? — не унимался молодой человек.— Неужто вы думаете, будто эта компания производит проволочные коробки с ручкой для поджаривания воздушной кукурузы?

— Разве я и в этом обязан отчитываться перед Бюро подоходных налогов? — вскипел Ноэл Констант.— Неужели для того, чтобы иметь право на свои деньги, я должен подробно описывать, чем занимается каждая моя компания?

— Я задаю эти вопросы из чистого любопытства. Судя по вашей реакции, вы не имеете ни малейшего представления о том, что производит «Омаха вулканизация». Вы считаете, что «Омаха вулканизация» ничего не производит, а лишь владеет неким

исключительным правом на производство оборудования для изготовления покрышек.

— Может, лучше перейдем к делам Бюро подоходных налогов? — резко оборвал юнца Ноэл Констант.

— Я больше не представляю это бюро, — пояснил тот. — Сегодня утром я оставил свою работу с окладом в сто четырнадцать долларов в неделю с тем, чтобы поступить на работу с окладом в две тысячи долларов в неделю.

— Это у кого же? — удивился Констант.

— У вас, — ответил юнец. Он встал, протянул руку. — Меня зовут Рэнсом К. Ферн, — представился он. — Один профессор из Гарвардской школы бизнеса утверждал, что я толковый малый, но для того, чтобы разбогатеть, обязательно должен найти своего парня. Он не объяснил, что подразумевает при этом конкретно. Сказал только, что рано или поздно я сам это пойму. Я спросил у него, как мне искать этого парня, и он предложил поработать с годик в Бюро подоходных налогов.

Когда я, мистер Констант, ознакомился с вашими налоговыми декларациями, меня вдруг осенило, что именно имел в виду мой профессор. Я расчетлив, дотошен, но не очень-то везуч. Значит, мне требуется найти человека, которому необыкновенно везет в жизни, и вот я его нашел.

— С какой стати я буду платить вам две тысячи долларов в неделю? — возмутился Ноэл Констант. — Перед вами все мое оборудование и весь мой штат служащих, а уж вам-то известно, чего я достиг с их помощью.

— Да, но сейчас я приведу вам пример того, как вы, имея возможность сделать двести миллионов, сделали всего пятьдесят два. Вам ничего не известно о предпринимательском и налоговом законодательстве или хотя бы о здравом смысле.

Затем Ферн доказал Ноэлу Константу, отцу Малачи, истинность своих слов, ознакомив его с проектом корпорации, носящей название «Выдающееся творение». Это была превосходная машина, позволяющая обходить законодательные акты без малейшего на конфликта даже с муниципальными органами власти.

Этот монумент лицемерию и мошенничеству произвел на Ноэла Константа столь сильное впечатление, что он захотел купить акции вышеназванной корпорации, даже не обращаясь за советом к своей Библии.

— Мистер Констант, сэр, неужели вы ничего не поняли? — воскликнул Ферн. — Ведь «Выдающееся творение» — вы сами, вы председатель правления, а я президент.

— Мистер Констант, — продолжал он, — в настоящий момент Бюро подоходных налогов уследить за вами так же легко, как за человеком, торгующим на углу яблоками и грушами. Но представляете себе, как трудно им придется, если помещение вашего офиса забить по самую крышу бюрократами от производства, людьми, которые все теряют, заполняют не те бланки, сами изобретают новые и требуют все в пяти экземплярах, людьми, которые понимают не больше трети из того, что им говорят, имеют привычку давать путанные ответы с тем, чтобы

выиграть время на размышления, приходят к решению лишь в тех случаях, когда на них оказывают нажим свыше, а затем замечают следы; людьми, которые совершенно неумышленно делают ошибки в сложении и вычитании, а, почувствовав одиночество, устраивают собрания. Едва поняв, что их невзлюбили,

строчат докладные, людьми, которые никогда и ничего не выбрасывают, если только это не чревато увольнением. Да единственный бюрократ от производства, если он в достаточной степени суетлив и нервозен, способен накатать тонну никому не нужных бумажек, тем самым обеспечив Бюро подоходных налогов на целый год работой. В помещении «Выдающегося творения» у нас будут восседать тысячи таких бюрократов. Мы с вами займем два верхних этажа, так что вы сможете продолжать следить за ходом дел издали, как делаете это сейчас.

Юный Ферн огляделся по сторонам.

— Кстати, а как вы следите за ходом дел? Ставите пометки горелой спичкой на полях телефонного справочника?

— Я их ставлю в уме, — сказал Ноэл Констант.

— Хочу указать вам еще на одно преимущество, — не унимался Ферн, — В один прекрасный день фортуна от вас отвернется, и вот тогда вам позарез потребуются расчетливейший и дотошнейший управляющий делами, иначе вы загремите под фанфары.

— Я вас беру, — заявил Ноэл Констант, отец Малачи.

— Итак, где мы воздвигнем наше здание? — с ходу перешел к делу Ферн.

— Мне принадлежит этот отель, а отелю — участок земли на той стороне улицы, — сказал Ноэл Констант. Он погрозил указательным пальцем, кривым, как коленчатый вал. — Запомните следующее...

— Да, сэр? — подхватил Ферн.

— Я никуда не собираюсь переселяться. Я остаюсь на этом самом месте.

Те, кого интересует более подробная история «Выдающегося творения», могут зайти в ближайшую публичную библиотеку и спросить либо романтическое произведение Лэви-ны Уотерс «Чересчур дерзновенная мечта?», либо сухое педантичное исследование Краутера Гомбурга «Первобытные системы».

Работа мисс Уотерс представляется весьма путаной, если подходить к ней с точки зрения исследования сути бизнеса. Однако, она содержит довольно-таки подробное описание того, как горничная флоренс Уайтхилл обнаружила, что понесла от Ноэла Константа, и каким образом ей стало известно, что Констант мульти-мульти-миллионер.

Ноэл Констант в конце концов женился на горничной, подарил ей особняк и банковский счет в миллион долларов. Он наказал, если родится мальчик, назвать его Малачи, а если девочка — Пруденс. Он попросил флоренс, чтобы она, как и раньше, заходила к нему в 223 комнату отеля «Уилбурхэмптон» раз в десять дней, только не брала с собой ребенка.

Напротив, книга Гомбурга, первоклассная с точки зрения сути исследования бизнеса, проигрывает из-за выдвинутого автором тезиса, будто «Выдающееся творение» явилось проявлением комплекса неполноценности в любви. Однако с каждой страницей читателю становится все ясней, что сам автор никем не любим и не способен любить сам,

Между прочим, ни мисс Уотерс, ни Гомбург так и не раскрыли тайну системы капиталовложений, разработанной Ноэлом Константом. Рэнсом К. Ферн тоже не раскрыл, как ни старался.

Ноэл Констант доверил тайну единственному человеку на Земле – своему сыну Малачи. Это произошло в день совершеннолетия Малачи. День рождения отец и сын отмечали вдвоем в 223 комнате отеля «Уилбурхэмптон». Это была первая встреча отца с сыном.

Малачи пришел к Ноэлу по его приглашению. Уж так устроен человек, что юному Малачи больше запомнилось убранство комнаты, нежели секрет, как делать миллионы и даже миллиарды долларов.

Ведь секрет этот был настолько прост, что тут в общем-то и нечего было запоминать. Вся сложность состояла в том, как подхватить молодому Малачи факел «Выдающегося творения», когда Ноэл его уронит. Молодому Малачи нужно было спросить у Рэнсома К. Ферна хронологический список капиталовложений «Выдающегося творения» и определить, до какого места в Библии дошел папаша Ноэл.

Из всех деталей убранства комнаты 223 молодого Малачи особенно заинтересовала его собственная фотография – трехлетний карапуз на берегу океана, прелестный, веселый и жизнерадостный.

Фотография была приколотая кнопкой к стене. Это была единственная картинка во всей комнате.

Старый Ноэл, увидев, что молодой Малачи разглядывает фото, покраснел и, будучи полным невеждой в области отношений между отцами и сыновьями, в конце концов смешался окончательно. Он порылся в памяти, отыскивая там хоть какие-нибудь теплые слова, но почти ничего не нашел.

– Мой отец дал мне за всю жизнь всего два совета, – сказал он, но лишь один из них выдержал проверку временем. Вот эти советы: «Не трогай своего капитала» и «Не держи в спальне бутылку со спиртным». – Старик не знал, куда деваться от неловкости. – До свидания, – отрывисто бросил он сыну.

– До свидания? – удивленно переспросил молодой Малачи и направился к двери.

– Не держи в спальне бутылку со спиртным, – сказал ему вдогонку старик и отвернулся.

– Слушаюсь, сэр, – ответил молодой Малачи. – До свидания, сэр. – Он вышел.

Это была первая и последняя встреча Малачи Константа с родителем.

После этого тот прожил еще пять лет, и Библия его ни разу не подвела.

Ноэл Констант умер, дойдя до конца следующей фразы: «И создал Бог два светила великие: светило большее для управления днем, и светило меньшее для управления ночью, и звезды».

Его последним приобретением были акции корпорации «Дезодоранты группы «Ы» по семнадцать долларов за штуку.

Сын начал с того места, где кончил отец, но в 223 комнату отеля «Уилбурхэмптон» переезжать не стал.

В течение последующих пяти лет ему сопутствовала такая же баснословная удача, как в свое время отцу.

И вдруг «Выдающегося творения» не стало.

Малачи Констант стоял на травяном ковре в своем кабинете, обставленном парящей в воздухе мебелью, и никак не мог взять в толк, что фортуна повернулась к нему задом.

— Ничего не осталось? — едва слышно переспросил он и даже выдал улыбку, предназначавшуюся Рэнсому К. Ферну.— Ну, будет, старина, ведь хоть что-то должно же было остаться...

— В десять утра мне самому так казалось,— признался ферн.— Я поздравлял себя с тем, что укрепил «Выдающееся творение» на случай возможного удара. Депрессию мы пережили вполне сносно, ваши ошибки тоже.

В десять пятнадцать меня навестил один юрист, который, очевидно, присутствовал на вашей вчерашней попойке. Похоже, прошлой ночью вы занимались раздариванием нефтяных скважин, а у юриста хватило ума оформить бумаги, которые имеют силу, если на них стоит ваша подпись. Вы на всех этих бумагах расписались. За прошлую ночь вы раздали пятьсот тридцать одну действующую скважину, стерев таким образом с лица земли «Фанданго нефть».

— В одиннадцать,[™] продолжал ферн,— президент Соединенных Штатов заявил, что корпорация «Космические корабли Галактики», которая была вами продана, получила по случаю Новой Космической Эры заказ на три миллиарда долларов.

— В одиннадцать тридцать,— не унимался ферн,— мне вручили номер журнала «Американского Медицинского Общества», помеченный нашим директором отдела по связям с общественностью грифом «К. В. С». Эти три буквы, как вам было бы известно, проведи вы хоть несколько часов в своем кабинете, означают: «К вашему сведению». Я раскрыл заложенную страницу и узнал, к моему сведению, что «Лунная дымка» являются не одной из причин, а основной причиной появления стерильности у мужчин и женщин, курящих эти сигареты. Этот факт был обнаружен не человеком, а компьютером. Каждый раз, когда в машину закладывали информацию о курении этих сигарет, она страшно возбуждалась, но никто не мог понять почему. Машина явно пыталась сообщить своим операторам что-то важное. Она тужилась изо всех сил, и в конце концов ей удалось заставить операторов задать ей требуемый вопрос.

— Вопрос этот касался связи между курением сигарет «Лунная дымка» и деторождением. Эта связь состоит в следующем: люди, которые курили сигареты «Лунная дымка», никогда не смогут иметь детей,— сказал ферн.— Разумеется, всякие сутенеры, потаскушки и нью-йоркцы будут лишь благодарны за это освобождение от биологической зависимости. Однако, по мнению юридического отдела «Выдающегося творения», выработанному еще до того, как этот отдел

прекратил свое существование, несколько миллионов людей могут со стопроцентной гарантией успеха предъявить вам судебный иск на том основании, что сигареты «Лунная дымка» лишили их весьма ценного свойства. Вот уж воистину «Блаженство на дне бездны».

— В стране наберется примерно десять миллионов бывших курильщиков сигарет «Лунная дымка», теперь полностью стерильных, — сказал Ферн. — Если хотя бы один из десяти предъявит вам иск о возмещении убытков, скажем, на самую скромную сумму в пять тысяч долларов, то общий счет, предъявленный вам, составит пять миллиардов долларов плюс судебные издержки. У вас же этих пяти миллиардов нет. После краха на бирже и приобретения вами такой компании, как «Воспарение по-американски», вы не стоите и пяти миллионов долларов.

— Табак «Лунная дымка» — это вы, — сказал Ферн. —

«Выдающееся творение» — тоже вы. Против всего, что связано с вами, может быть возбуждено уголовное дело, которое вы явно проиграете. И хотя пострадавшим, скорее всего, не удастся выкопать саму репку, они все-таки затопчут грядку.

Ферн снова поклонился:

— Сейчас я выполняю свой последний служебный долг, а именно: довожу до вашего сведения, что ваш покойный родитель оставил вам письмо, которое по его указанию должно быть вручено адресату лишь в том случае, если ему изменит удача. Мне было велено положить это письмо под подушку в комнате 223 отеля «Уилбурхэмптон». Час назад я его туда положил.

А теперь, как покорный и верный слуга корпорации, прошу вас об одном маленьком одолжении. Если это письмо проливает немного света на то, в чем состоит смысл жизни, буду весьма признателен. Позвоните мне домой.

Рапсом К. Ферн отдал честь, приложив к фетровой шляпе набалдашник своей трости.

— Прощайте, мистер Выдающееся Творение-младший. рощайте.

Отель «Уилбурхэмптон», старомодное трехэтажное сооружение в стиле Тюдоров, находился напротив здания «Выдающегося творения» и был так же уместен здесь, как смятая постель у ног архангела Гавриила. Оштукатуренный фасад отеля был обшит сосновыми дощечками, имитирующими деревянно-кирпичную конструкцию. Хребет кровли сломали, копируя строения великой эпохи. Края крыши нависали над верхним этажом наподобие пучков соломы. Окна были крохотные, в виде ромбиков.

Небольшой коктейль-холл именовался «Комнатой сплетен». В настоящий момент в «Комнате сплетен» были трое — бармен и двое посетителей. Посетители, тощая дама и ее дородный спутник, выглядели совершенно ветхими. В «Уил-бурхэмптоне» их видели впервые, но впечатление было такое, что в «Комнате сплетен» они провели целую вечность. Их защитная окраска совершенна и напоминала фасад отеля: смесь дерева с кирпичом, сломанный хребет, сверху соломенная крыша, из-под которой выглядывают крохотные оконца.

Посетители представились вышедшими на пенсию педагогами из какого-то высшего учебного заведения на Среднем Западе. Толстяк назвался Джорджем М. Хельмхольцем, капельмейстером в отставке. Тощая старуха – Робертой Уайли, бывшей преподавательницей алгебры.

Утешение в алкоголе и цинизме эта парочка определенно нашла для себя лишь на склоне лет. Они не просили повторить заказ, а спрашивали, что в той бутылке, что в этой, что такое «Золотистый пунш», «Еленина роща», шипучка «Веселая вдова».

Бармен определил, что эти посетители не алкоголики. Он был знаком с подобным типом людей и любил его: перед ним сидели два престарелых персонажа из субботнего приложения к «Ивнинг пост».

Когда они не задавали вопросов насчет разных напитков, они ничем не отличались от миллионов завсегдатаев американских баров, в первый день Новой Космической Эры. Так же уверенно восседали на высоких табуретах, уставившись на батарею бутылок перед собой. Их губы находились в постоянном движении, занятые неуместными усмешками, гримасами и ухмылками.

Концепция евангелиста Бобби Дентона о Земле, как о космическом корабле Господа, была вполне применима, особенно к завсегдатаям питейных заведений. Хельмхольц и мисс Уайли вели себя как первый и второй пилоты во время сверхбесцельного космического путешествия, которому нет ни конца, ни края. Нетрудно было поверить, что это путешествие они начали в бодром состоянии духа, полные энергии и основательно подготовленные технически, и что бутылки, стоящие перед ними, – это приборы, за которыми они следят уже многие и многие годы.

Нетрудно было поверить, что с каждым прожитым днем этот космический мальчик и эта космическая девочка опускались, так сказать, с микроскопической скоростью, пока не превратились в то, чем были теперь – стыд и срам пан-галактической космической службы.

Две пуговицы на ширинке брюк Хельмхольца были расстегнуты. На его левом ухе засохли остатки крема для бритья. К тому же он надел разные носки.

Мисс Уайли, эта маленькая пришибленного вида старушенция с худой вытянутой физиономией, носила черный курчавый парик, который, судя по всему, не один день провисел на двери в хлеву.

– Я знаю, для чего президент объявил Новую Космическую Эру: хочет попробовать, не поможет ли это изменить картину безработицы, – рассуждал бармен.

– У-гу, – одновременно буркнули Хельмхольц и мисс Уайли.

Лишь наблюдательный и подозрительный человек смог бы уловить нотку фальши в поведении этой парочки: и Хельмхольца, и мисс Уайли уж слишком интересовало время. Для людей, которым в общем-то нечего делать и особенно некуда податься, они уж слишком часто смотрели на часы – мисс Уайли на свои мужские наружные, мистер Хельмхольц на золотые, карманные.

Ни Хельмхольц, ни мисс Уайли не были учителями. Это были спецы по маскараду, причем оба мужского пола, первоклассные агенты

марсианской армии, глаза и уши марсианского отряда вербовщиков, которые болтались в летающих блюдах на высоте в две сотни миль.

Малачи Констант знать не знал, что они поджидали именно его.

Хельмхольц и мисс Уайли не заговорили с Константином, когда он вошел в «Уилбурхэмптон». Они и виду не подали, что ждут его. А когда Константин шел через вестибюль к лифту, даже не удостоили его взглядом.

Вместо этого они в который раз взглянули на свои часы, а наблюдательный и подозрительный человек непременно бы заметил, что мисс Уайли даже нажала кнопку, пуская в ход дергающуюся стрелку секундомера.

Ни Хельмхольц, ни мисс Уайли не собирались применять к Малачи Константу насилие. Еще ни разу в своей жизни они не применяли насилие, но тем не менее завербовали на Марс четырнадцать тысяч человек.

Обычно они прикидывались гражданскими инженерами и предлагали не слишком везучим мужчинам и женщинам работу над секретным правительственным проектом в отдаленной части света сроком на три года, за которую сулили девять долларов в час, питание, жилье и подъемные. Хельмхольц и мисс Уайли остряли по поводу того, что они никогда не оговаривали, чье правительство финансирует этот проект, и ни один рекрут не додумался об этом спросить.

Девяноста девяти процентам рекрутов по прибытии на Марс вводили в состояние амнезии. Специалисты-психиатры вычищали их память, а марсианские хирурги вставляли в черепа радиоантенны, чтобы рекрутами можно было управлять по радио. Рекрутам давали самые нелепые имена и зачисляли на завод, в стройбригаду, в административный аппарат, в марсианскую армию.

Сей участи избегали лишь те, кто пылко заявлял о своей готовности героически служить Марсу без всякой предварительной настройки. Эти немногие счастливчики были допущены в круг тайного командования.

К этому кругу принадлежали и агенты Хельмхольц и мисс Уайли. Они сами распоряжались своей памятью и ими не управляли по радио. Эта парочка и так обожала свою работу.

— А что это за сливовица? — спросил у бармена Хельмхольц, косясь на запыленную бутылку в нижнем ряду. Он только допил терновый джин с газировкой и лимоном.

— А я и не знал, что ока у нас осталась, — сказал бармен. Он поставил бутылку на стойку и наклонил ее набок, чтобы прочитать этикетку. — Сливовый бренди, — сказал он.

— Что ж, можно попробовать и его, — заявил Хельмхольц.

В комнате 223 отеля «Уилбурхэмптон» никто не жил со дня смерти Ноэла Константа. Она была как бы мемориальной.

Малачи Константин не был в этой комнате с самого дня смерти своего отца. Он закрыл за собой дверь и нашарил под подушкой письмо. Кроме белья здесь с тех пор ничего не меняли. На стене висела все та же фотография маленького Малачи на океанском берегу.

Письмо гласило:

«Дорогой сын, с тобой случилось что-то серьезное и страшное, иначе бы ты не читал это письмо. Я пишу его для того, чтобы сказать тебе: успокойся и не думай о страшном, а лучше оглядись по сторонам и разберись, по какой такой замечательной причине мы с тобой вдруг разбогатели, а потом потеряли все свои денежки. Может, хоть ты сумеешь разглядеть, не творится ли вокруг что-нибудь разэдакое, или же все гниет, как и при мне?

Если я был не очень хорошим отцом и вообще не очень хорошим человеком, то только потому, что стал, считай, мертвым еще задолго до того, как умер по-настоящему. Никто меня не любил, мне не больно везло в деле, я не мог найти занятия по душе, и мне осточертело торговать кастрюльками и сковородками, а по вечерам смотреть телевизор. Вот я и стал, считай, мертвым и пробыл им слишком долго, чтобы воскреснуть.

Так оно было к тому времени, когда я затеял это дело с Библией, что было потом, тебе известно. Похоже, кому-то

или чему-то захотелось, чтобы я завладел всей планетой, хоть я и был, считай, мертвецом. Я глядел в оба, чтобы не проглядеть какого-нибудь знамения, которое бы вразумило меня, но никакого такого знамения не было. А я делался все богаче и богаче.

Но тут твоя мать прислала твое фото на пляже и твой взгляд с этого фото заставил подумать: а уж не ради ли тебя затеяли весь этот спектакль с растущими сборами? Я решил, что так и умру, не докопавшись до смысла, но, может быть, хоть тебе станет понятно, что такое творится. Ведь даже человеку, можно сказать, полуживому, очень не по нутру жить неизвестно ради чего.

Я велел Рэнсому К. Ферну отдать тебе это письмо лишь в том случае, если от тебя отвернется фортуна, потому что человек никогда ни о чем не задумывается и ничего вокруг не замечает, покуда ему везет. Уж так все устроено.

Так что, мальчик, оглядись по сторонам. И если ты разорился и к тебе подошли с каким-то невероятным предложением, мой тебе совет — соглашайся. Пока у тебя есть настроение, воспользуйся им, чтобы хоть в чем-то разобраться. Я же за всю свою жизнь разобрался только в одном: есть на свете люди везучие, а есть невезучие, а почему оно так, не знает даже выпускник Гарвардской школы бизнеса.

Искренне Ваш... твой папа».

В дверь комнаты 223 постучали.

Дверь открылась прежде, чем Константин успел ответить.

На пороге стояли Хельмхольц и мисс Уайли. Они вошли в самый нужный момент — начальство уведомило их с точностью до секунды, когда Малачи Константин кончит читать письмо. Им были даны четкие указания, что говорить.

Мисс Уайли сняла парик и оказалась тощим мужчиной. Хельмхольц нахмурил брови и превратился в волевого начальника.

— Мистер Константин, — заговорил Хельмхольц, — я пришел, чтобы сообщить вам, что планета Марс не просто обитаема, а что на ней существует деятельное и развитое в военном и индустриальном отношении большое сообщество. Члены этого сообщества были

переправлены на Марс с Земли с помощью летающих блюд. Мы готовы тут же предложить вам звание подполковника марсианской армии.

Ваше положение на Земле безнадежно. Ваша жена скотина. К тому же наша разведка донесла, что здесь, на Земле, вас не только разорят вчистую, возбудив против вас

многочисленные гражданские иски, но еще и засадят в тюрьму за преступную халатность. Кроме жалованья и привилегий куда выше тех, которыми пользуются подполковники земных армий, мы гарантируем, что отныне на вас не будет распространяться ни один из земных законов, а также предоставим возможность узнать новую интересную планету и взглянуть на вашу родную Землю с неожиданной и абсолютно беспристрастной точки зрения.

— Если вы принимаете предложение, — сказала мисс Уайли, — поднимите левую руку и повторяйте за мной...

На следующий день в центре Моджейвской пустоши был обнаружен пустой вертолет Малачи Константа. От него вели следы, обрывавшиеся через сорок футов.

Как будто Малачи Констант прошел эти сорок футов по песку и растворился в воздухе. На следующий день, то есть во вторник, космический корабль, некогда называвшийся «Китом», был переименован в «Рамфорда» и подготовлен к старту.

Отделенная от космодрома тысячами миль, Беатрис Рамфорд с самодовольным видом следила по телевизору за этой церемонией. Она все еще жила в Ньюпорте. «Рамфорд» должен был стартовать ровно через минуту, и если судьба собиралась забросить Беатрис Рамфорд на борт космического корабля, ей следовало пошевелиться.

Беатрис чувствовала себя великолепно. За последнее время она утвердилась во многих лестных для себя мнениях. Прежде всего в том, что является хозяйкой своей судьбы, то есть может сказать «нет», когда ей вздумается и настоять на своем. Она поверила, что запугивания ее му-жа-всезнайки не что иное, как Бюро погоды Соединенных Штатов.

К тому же Беатрис разработала план, который дает ей возможность прожить в умеренном достатке, да еще и воздать должное муженьку. Когда он материализуется в следующий раз, все поместье будет кишеть зеваками. Беатрис рассчитывала брать по пять долларов с носа за вход в Дверь Алисы в Страну Чудес.

Это были не пустые мечты. Она обсудила их с двумя представителями залогодержателей поместья, и они восприняли ее предложение с энтузиазмом.

В настоящий момент они сидели рядом с ней и следили по телевизору за приготовлениями «Рамфорда» к старту. Телевизор стоял в той самой комнате, где висел портрет Беатрис, безукоризненно чистой маленькой девочки в белом платье, держащей поводья своего белоснежного пони. Беатрис улыбнулась, глядя на портрет. Маленькой девочке все-таки предстояло слегка запачкаться.

Диктор телевидения начал отсчет перед стартом. В это время мысли Беатрис поржали, точно птички. Она не могла усидеть на месте от возбуждения. Ее беспокойство происходило от счастья, а вовсе не от

тревоги или ожидания. Ей было глубоко безразлично, взлетит «Рамфорд» или нет.

Напротив, оба ее посетителя были вроде бы не на шутку поглощены запуском, они, можно сказать, молились за то, чтобы он прошел успешно. Это были мужчина и женщина: некий мистер Джордж М. Хельмхольц и его секретарша, мисс Роберта Уайли. Эта мисс Уайли, с виду пришибленная старушенция, на деле оказалась проворной и смысленной особой.

Ракета, взревев, взмыла ввысь. Запуск прошел превосходно.

Хельмхольц откинулся на спинку кресла и издал вздох облегчения. Улыбнулся и воодушевленно хлопнул ладонями по своим жирным ляжкам.

— Черт побери! — воскликнул он. — Я горжусь тем, что я американец и живу в такое время.

— Не хотите ли что-нибудь выпить? — спросила Беатрис.

— Большое вам спасибо, но я не смею сочетать дело с удовольствием, — ответил Хельмхольц.

— А разве с делом не покончено? — удивилась Беатрис. — Разве мы с вами не все обсудили?

— Понимаете... мы с мисс Уайли надеялись произвести инвентаризацию основных строений, — сказал Хельмхольц. — Но, боюсь, для этого уже слишком темно. У вас нет там прожектора?

Беатрис покачала головой:

— Нет, к сожалению.

— Может, хотя бы найдется мощный фонарь? — предположил Хельмхольц.

— Фонарь есть, но, на мой взгляд, нам совсем не обязательно туда идти, — сказала Беатрис. — Я сама могу описать вам все эти строения. — Она позвонила лакею и велела ему принести фонарь. — Вон там помещение для игры в теннис, оранжерея, коттедж садовника, который использовали как привратницкую, гаражи, флигель для гостей, ма-

стерская, водолечебница, собачья будка и старая водонапорная башня.

— Какое из этих строений новое? — спросил Хельмхольц.

— Новое? — переспросила Беатрис.

— Металлическое, — подсказала мисс Уайли.

— Металлическое? Никакого металлического строения здесь нет, — сказала Беатрис. — Может быть, это блестит какая-нибудь выгоревшая кровля? — Она нахмурила брови. — А вам сказали, будто здесь есть металлическое строение?

— Мы сами его видели, когда входили, — сказал Хельмхольц.

— Прямо возле тропинки, в том подлеске у фонтана, — подсказала мисс Уайли.

— Просто ума не приложу, что это может быть, — гадала Беатрис.

— Может, выйдем и взглянем? — предложил Хельмхольц.

— Да, разумеется, — кивнула Беатрис и встала. Троица прошла через вестибюль, топчась по знакам Зодиака на полу, и вышла в напоенный ароматами мрак. Впереди них танцевал луч фонарика.

— Мне и в самом деле не терпится выяснить, что вы имеете в виду,— сказала Беатрис.

— Оно похоже на сборное строение из алюминия,— сказала мисс Уайли.

— Или на цистерну для воды в форме гриба,— добавил Хельмхольц,— только лежит прямо на земле.

— Неужели?! — воскликнула Беатрис.

— А вы знаете, что это такое? — спросила мисс Уайли.

— Нет,— ответила Беатрис.

— Я вынуждена перейти на шепот,— игриво сказала мисс Уайли,— не то у кого-нибудь определенно возникнет желание упрятать меня в сумасшедший дом.— Она рупором приложила к губам ладони и зашептала прямо на ухо Беатрис.— Это — летающее блюдо!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ АРЕНДА ТЕНТА

*Аренда тента, тента, тента.
Барабанная дробь на Марсе*

Люди маршировали на плацу под звуки барабана. Барабан сообщал для них следующее:

Аренда тента, тента, тента; Аренда тента! Аренда тента! Аренда, аренда тента! Аренда тента, тента, тента!

Это была пехотная дивизия в десять тысяч человек, построенная на квадратном плацу естественного происхождения – из чистого железа шириною в милю. Внезапно солдаты застыли на оранжевой ржавой поверхности по стойке «смирно». Они пружинно вздрагивали, как будто сами были из железа, эти офицеры и солдаты, облаченные в грубые униформы лишайникового цвета – цвета покрытой инеем зелени.

Марширующие приняли положение «смирно» в полной тишине. Ни звуковой, ни зрительной команды подано не было. В этом как бы присутствовало нечто сверхъестественное: все, как один, вдруг взяли и замерли по стойке «смирно», будто представляли собой монолитный организм.

Третьим во втором расчете первого взвода второй роты третьего батальона второго полка Первой марсианской пехотной штурмовой дивизии был рядовой, три года назад разжалованный из подполковников. На Марсе он уже был восемь лет.

Человек, с которого в современной армии срывают погоны, уже слишком стар для рядового, и его товарищи по оружию, свыкнувшись с тем, что он больше не офицер, из уважения к его ревматизму, слепоте и одышке, прозовут его либо Дедом, либо Кротом, либо Дутиком.

Третьего солдата во втором расчете первого взвода второй роты третьего батальона второго полка Первой марсианской пехотной штурмовой дивизии прозвали Дутиком. Дутику уже сравнялось сорок. Это был ладно скроенный мужчина полутяжелого веса, смуглокожий, с чувственным ртом, светло-кариими глазами и скулами кроманьонца.

Анекдот о Дутике:

Однажды взвод Дутика принимал душ, и Генри Брэкмен, командир взвода, попросил сержанта соседнего полка вы-

брать лучшего из его солдат. Сержант без колебаний выбрал Дутика, потому что тот выделялся на фоне юнцов своей крепкой осанкой и казался бывалым солдатом. Брэкмен воздел глаза к небу.

– Иисусе, ты так считаешь, да? Это же наш взводный м . . . к.

– Хохмишь? – не поверил гость.

– Черт побери, да никакая это не хохма. Ты только приглядишься к нему: уже десять минут торчит под душем, а к мылу так и не притронулся. Дутик! Проснись, Дутик!

Дутик вздрогнул под теплым моросящим дождичком душа и вернулся к действительности. Он посмотрел на Брэкмена с выражением унылого равнодушия.

– Возьми мыло, Дутик! – скомандовал Брэкмен. – Черт побери, да возьми же наконец мыло!..

Теперь Дутик, как и все остальные, замер по стойке «смирно» на ржавом плацу.

В середине квадратной впадины высился каменным столб с укрепленными в нем железными кольцами. В кольца были продеты гремящие цепи — они обвивали рыжеволосого солдата. Это был видный парень, но, судя по всему, неудачливый солдат, потому что с него содрали все бляхи и знаки отличия, пояс, галстук и даже белоснежные портянки.

Остальные солдаты, в том числе и Дутик, были разукрашены в пух и прах. И вид являли вполне удачливых.

С человеком у столба должно было случиться что-то ужасное, то, чего он всей душой стремился избежать, но не мог из-за цепей.

И увидеть это предстояло всем солдатам.

Этому событию придавалось огромное значение.

Даже человек у столба замер вместе с остальными по стойке «смирно» — он был хорошо вымуштрованным солдатом и знал, как себя вести в соответствующей ситуации.

Вдруг все десять тысяч солдат приняли положение «вольно», хотя и в этот раз никто не отдавал команды ни голосом, ни жестом.

Человек у столба тоже принял это положение.

Потом шеренги разомкнулись, будто солдатам была дана команда «расслабиться». Они расслабились опять-таки в полном молчании, не шаркая ногами. Солдатам разрешалось пораскинуть мозгами, оглядеться по сторонам и передать с помощью взглядов информацию. (Можно подумать, у них была какая-то информация и было кому эту информацию передавать).

Человек у столба, натянув цепи, поднял голову, чтобы увидеть, какой высоты столб. Как будто от высоты столба и материала, из которого он состоял, зависела теперь его жизнь.

Столб был высотой в пять футов, шесть и пять тридцать вторых дюйма, не считая основания в двенадцать футов два и одну восьмую дюйма, углубленного в железную плиту. Диаметр столба составлял два фута пять и одиннадцать тридцать вторых дюйма. Столб состоял из кварца, щелочи, полевого шпата, слюды с примесью турмалина и амфибола. Кое-что о человеке у столба: он находился на расстоянии ста сорока двух миллионов, ста сорока шести тысяч девятисот одиннадцати миль от Солнца и на помощь ему никто не спешил.

Рыжеволосый парень у столба не издал ни звука — солдатам в положении «вольно» издавать их не разрешалось. Однако взглядом передавал во все стороны информацию о том, что ему хочется вопить от страха. Он передавал ее каждому, с кем встречался глазами. В особенности стремился передать одному солдату — своему лучшему другу Дути-ку,— и все время искал его взглядом.

Он не мог отыскать лица Дутика.

Но если бы даже и отыскал, все равно не смог бы прочитать в нем даже проблеска разума или сострадания. Дутик только что вышел из базового госпиталя, где его лечили от психического заболевания, и его разум был, если так можно выразиться, девственен. Дутик не признал в человеке у столба своего лучшего друга. Дутик теперь

никого не узнавал. Он даже не знал бы, что его зовут Дутиком и что он солдат, если бы ему не сообщили этого при выписке из госпиталя.

На построение он попал прямо оттуда.

В госпитале твердили бесчисленное число раз, что он самый лучший солдат в самом лучшем расчете самого лучшего взвода самой лучшей роты самого лучшего батальона самого лучшего полка самой лучшей дивизии самой лучшей армии.

Дутик скумекал, что этим нужно гордиться.

В госпитале сказали, что он был больным мальчиком, но теперь выздоровел окончательно.

Очевидно, этому следовало радоваться.

В госпитале сказали, как зовут его сержанта, что такое сержант и какими знаками различаются чины, звания и рода войск.

Врачи так тщательно вычистили дутиковскую память, что им пришлось заново учить его владеть руками и ногами и растолковывать, что такое суточный порцион дыха-

ния, СПД, или, как его называли в народе, «шарики», что он должен каждые шесть часов принимать по одному шарик, иначе умрет от удушья. Это были кислородные пилюли, поскольку в марсианской атмосфере отсутствовал кислород.

Врачам пришлось объяснить Дутику, что в его череп вмонтирована радиоантенна, которая причинит ему боль, если он сделает то, чего не подобает делать образцовому солдату. Антенна к тому же будет отдавать приказы и посылать барабанную дробь, под которую нужно маршировать. Дутику сказали, что такие антенны есть у всех: у докторов, нянь и даже у четырех усеянных звездами генералов. В этой армии, сказали Дутику, порядки очень демократичные.

Дутик скумекал, что это говорит в пользу армии.

В госпитале Дутику продемонстрировали, какую боль причинит ему антенна, если он сделает что-то не так.

Боль была нестерпимой.

Дутику пришлось согласиться с тем, что солдат, который уклоняется от выполнения своего долга, не в своем уме.

В госпитале довели до его сведения, что самое главное правило состоит в безоговорочном и незамедлительном подчинении прямому приказу.

Теперь, стоя на железном плацу, Дутик думал о том, что многое ему предстоит постигать заново, поскольку в госпитале сообщили далеко не все из того, что солдату нужно знать о жизни.

Антенна в затылке отдала распоряжение принять положение «смирно», и его мозг опустел. Потом она распорядилась расслабиться, за сим последовала команда «смирно», приказ салютовать винтовкой и снова «вольно».

Его мыслительный процесс возобновился, и он еще разок бегло осмотрелся по сторонам.

«Такова наша жизнь — бесконечные пробелы в мозгу и какие-то мимолетные впечатления, а время от времени ужасные вспышки боли — расплата за какой-либо проступок», — заключил Дутик, исходя из собственного опыта.

По фиолетовому небу над головой неслась маленькая низкая луна. Дутик подумал, что луна движется слишком быстро, но почему он так решил — сказать не мог. Просто это казалось ему неправильным. И небо, подумал он, должно быть не фиолетовым, а синим.

И еще Дутик мерз и жаждал согреться. Этот вечный холод казался таким же неправильным и несправедливым, как и торопливая луна, и фиолетовое небо над головой.

Командир дутиковской дивизии отдал какой-то приказ командиру дутиковского полка. Командир дутиковского полка передал его командиру дутиковского батальона. Командир дутиковского батальона — командиру дутиковской роты. Командир дутиковской роты — командиру дутиковского взвода, коим был сержант Брэкмен.

Брэкмен подошел к Дутику и отдал приказ направиться строевым шагом к столбу и задушить прикованного к нему человека.

Брэкмен сказал Дутику, что это прямой приказ.

Следовательно, Дутик повиновался.

Он направился строевым шагом к столбу. Маршировал в такт сухой металлической музыке барабана. На самом деле эта барабанная дробь звучала лишь в его голове и исходила от антенны:

Аренда тента, тента, тента; Аренда тента! Аренда тента, тента, тента. Аренда, аренда тента! Аренда тента!

Подойдя к человеку у столба, Дутик на какую-то долю секунды заколебался — рыжеволосый казался таким несчастным. Но тут же почувствовал крохотный предостерегающий укол в голове, точно первый оборот бормашины.

Дутик охватил пальцами горло рыжеволосого, и боль мгновенно прекратилась. Но он не стал их сжимать, потому что человек силился что-то сказать. Сначала Дутика озадачила его немота, но потом до него дошло, что и этому солдату мешает говорить антенна.

Превозмогая ужасную боль, человек у столба победил воздействие антенны и заговорил сбивчиво и быстро: «Дутик... Дутик... Дутик... — Борьба давалась ему трудно, поэтому он много раз повторил его имя. — Синий камень, Дутик... Двенадцатый барак. Письмо...»

Мозг Дутика снова просверлила предупреждающая боль, и он принялся послушно душить человека у столба, сжимал ему горло до тех пор, пока лицо несчастного не сделалось багровым и не вывалился язык.

Дутик отошел на шаг назад, принял положение «смирно», сделал четкое «кругом» и вернулся на свое место в шеренге, подгоняемый звучащей в голове барабанной дробью:

Аренда тента, тента, тента; Аренда тента! Аренда тента, тента, тента. Аренда тента!

Аренда, аренда тента!

Сержант Брэкмен кивнул Дутику и одобрительно подмигнул.

И снова все десять тысяч солдат застыли по стойке «смирно».

Страшно поверить, но мертвый человек у столба, гремя цепями, тоже сделал попытку принять положение «смирно». Ему это не удалось — он не смог действовать как образцовый солдат, но не потому, что этого не хотел, а потому, что был мертв.

Огромный строй распался. Солдаты с тупым видом покидали плац, повинувшись барабанной дробью, звучащей в их головах. Посторонний не смог бы ничего услышать, кроме тяжелой поступи.

Посторонний ни за что бы не понял, кто же в конце концов командует этим парадом, ибо даже генералы двигались, как марионетки, в такт идиотским словам:

Аренда тента, тента, тента; Аренда тента, тента, тента. Аренда тента! Аренда тента! Аренда, аренда тента!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОГО ГЕРОЯ

Мы можем сделать центр человеческой памяти практически таким же стерильным, как только что извлеченный из автоклава скальпель. Однако в нем тотчас же начинают скапливаться крупницы нового опыш. Крупницы эти в свою очередь образуют модели, не всегда подходящие для образа мышления военного. К несчастью, эта проблема повторного загрязнения представляется нам неразрешимой.

*Доктор Морис Н. Касл, директор
Психиатрического центра. Марс.*

Дутик застыл в строю перед гранитным баракom, тысячекратно повторенным в перспективе, которая терялась в бесконечности железной равнины. Перед каждым десятым баракom возвышался флагшток со знаменем, хлопающим на студенom ветру.

Все знамена были разные.

Знамя, которое парило точно ангел-хранитель над зоной дутиковской роты, было развеселенькое: красные полосы вперемежку с белыми и целая куча белых звездочек на синем поле. Это был государственный флаг земного государства Соединенные Штаты Америки.

На следующем флагштоке реял красный стяг Союза Советских Социалистических Республик.

А дальше ветер полоскал изумительный зелено-оранжево-желто-коричневый стяг, на котором был изображен лев со шпагой. Это был флаг Цейлона.

За ним шел флаг Японии — красный шар на белом фоне.

Знамена обозначали страны, на которые должны были напасть марсианские соединения, когда начнется война между Марсом и Землей.

Дутик увидел эти знамена лишь тогда, когда антенна позволила ему опустить плечи и расслабить мышцы, одним словом, дала команду «разойтись». Он таращился на длинную череду баракoв и флагштоков. У барака, перед которым он стоял, на двери были нарисованы маслом огромные цифры: «576».

Какая-то часть дутиковского существа нашла в этих цифрах нечто очаровательное и заставила взглянуться в них. Но тут он вспомнил экзекуцию, вспомнил, что рыжеволосый, которого он задушил, сказал что-то про синий камень и двенадцатый барак.

Дутик чистил свою винтовку в бараке 576 и находил это занятие весьма приятным. Более того, он обнаружил, что еще не забыл, как разбирать оружие. По крайней мере, хоть этот участок памяти не стерли в госпитале. Он порадовался, испытывая при этом тайную надежду, что, может статься, уцелели и какие-нибудь другие участки. Как ни странно, эта надежда доставила ему удовольствие.

Дутик драил ствол. Это был одиннадцатимиллиметровый однозарядный немецкий маузер, тот самый тип винтовки, который пользовался высокой репутацией у испанской стороны во времена испано-

американской войны на Земле. Все винтовки в марсианской армии были примерно того же возраста. Марсианские агенты, втихаря обтяпывающие на Земле свои делишки, располагали возможностью скупать буквально за гроши огромные партии маузеров, британских энфилдов и американских спрингфилдов.

Соседи Дутика тоже драили свои винтовки. Масло пахло хорошо, промасленная ветошь, которую заталкивали в ствол, тормозила ход шомпола, что было интересно. Почти все трудились молча.

Экзекуции никто вроде бы не придавал особого значения. Если она и была воспринята однокашниками Дутика как урок, этот урок был усвоен так же легко, как обыкновенная пища.

Участие Дутика в экзекуции прокомментировал лишь сержант Брэкмен.

— Ты сделал все как надо, Дутик,— отметил он.

— Спасибо,— буркнул Дутик.

— Этот парень сделал все как надо, верно? — обратился Брэкмен к дутиковским однополчанам.

Последовало несколько кивков, однако у Дутика создалось впечатление, что его однополчане кивнут в ответ на любой утвердительный вопрос и покачают головами в ответ на отрицательный.

Дутик извлек из ствола шомпол и ветошь и подставил под открытый затвор большой палец. Солнечный лучик заиграл на его покрытом маслом ногте. С ногтя он попал в канал ствола. Приблизив глаз к стволу, Дутик зачарованно любовался открывшейся взору красоте. Он мог часами наслаждаться видом безупречной спирали нарезки, мечтая о вожденной Земле, круглые ворота в которую открывались по ту сторону канала. Розовая кожа под его масляным ногтем превращала этот дальний конец в настоящий рай. Когда-нибудь он доберется до него.

Наверное, там тепло, думал Дутик, и луна всего одна — полная, величавая, неторопливая. В памяти Дутика возникло что-то еще, навеянное этим розовым раем, и он поразился отчетливости своего видения. В этом раю жили три прекрасные женщины, и Дутик точно знал, как они выглядят! Одна была белой, другая золотой и третья коричневой. В видении Дутика золотая девушка курила сигарету. Дутик еще больше удивился, обнаружив, что знает, какой сорт сигарет курила эта девушка.

Она курила сигареты «Лунная дымка».

— Расхваливайте «Лунную дымку»,— громко произнес Дутик. Эти слова были приятны на вкус, в них было что-то осязаемое, зримое.

— Что? — вскинулся молодой цветной солдат, чистивший винтовку по соседству с Дутиком.— Что ты сказал, Дутик? — Солдату было двадцать три года. Его имя было вышито желтыми нитками на черной полоске над левым нагрудным карманом.

Солдата звали Боуз.

Поскольку в марсианской армии подозрения не возбранялись, Боуз был как раз тем человеком, к которому можно было кое в чем заподозрить. Этот рядовой первой категории носил мундир предписанного уставом лишайникового цвета, но из более тонкой ткани, да и сидел он на нем куда лучше, чем мундиры его однополчан, включая сержанта Брэкмена.

У всех остальных мундиры были сшиты на скорую руку толстыми кривыми стежками и принимали приличный вид лишь тогда, когда их обладатели стояли по стойке «смирно». В любом другом положении солдат ощущал, что мундир на нем висит и хрустит, будто бумажный.

На Боузе мундир сидел как влитой. Стежки были мелкие и едва заметные. Но самое поразительное заключалось в том, что ботинки Боуза отливали густым рубиновым блеском. Такого блеска не мог добиться ни один солдат, как ди полировал он свою обувь. В отличие от всех остальных в этой зоне, ботинки Боуза были сшиты из натуральной земной кожи.

— Ты велел что-то расхваливать, Дутик? — спросил Боуз.

— Наводняйте рынок «Лунной дымкой», сбывайте эти сигареты, — бормотал Дутик. Слова эти для него ничего не значили, и произносил он их только потому, что они сами рвались наружу. — Продавайте их! — призывал Дутик.

Боуз усмехнулся мрачно и самодовольно.

— Говоришь, продавать их? О'кей, Дутик, будем продавать. — Он наморщил лоб. — Так что мы с тобой будем продавать, а, Дутик? — Зрачки его глаз сделались маслянистыми и кололи, как жала.

Это маслянистое мерцание жалящих зрачков вселило в Дутика мрачные предчувствия.

Дутик отвел свой взгляд и встретился с глазами кое-кого из однополчан — у них они были потухшими. Даже у сержанта Брэкмена.

Боуз продолжал жалить Дутика взглядом, Дутик чувствовал, что Боуз хочет, чтобы он глядел ему в глаза. Его зрачки резали, как алмаз.

— Ты меня не помнишь, Дутик? — спросил Боуз. Вопрос встревожил Дутика. Почему-то ему казалось важным не помнить Боуза. И он радовался тому, что и в самом деле его не помнил/

— Я — Боуз, Дутик. Я — Боуз. Дутик кивнул.

— Здравствуй, — буркнул он.

— И ты здравствуй. Я не сделал тебе ничего плохого. — Боуз качал головой. — Ты ничего про меня не помнишь, Дутик?

— Нет, — ответил тот, а между тем его так и подзуживало напрячься и вспомнить кое-что о Боузе. Он шикнул на свою память. — Виноват, но моя голова совсем пустая.

— Ты и я — напарники, — поощрял его Боуз. — Дутик и Боуз.

— Гм.

— Дутик, ты помнишь, что значит быть напарником? — приставал Боуз.

— Нет, — ответил Дутик.

— У каждого солдата в каждом расчете есть свой напарник, — сказал Боуз. — Напарники делят один окоп, держатся вместе во время атаки, прикрывают собой друг друга. Если один из напарников терпит поражение в рукопашной, второй подкрадывается и всаживает в спину врага нож.

— Гм, — изрек Дутик.

— Как-то забавно получается: одно человек забывает в госпитале, а другое помнит, что бы там с ним ни делали, — рассуждал Боуз. — Мы с

тобой... да мы же целый год тренировались как напарники. И ты меня забыл. А говоришь про какие-то сигареты. Что за сигареты, Дутик?

— Я... я забыл.

— Постарайся вспомнить,— приказал Боуз.— Ты ведь только что про них говорил.— Он нахмурил брови и сощурил глаза, вроде бы помогая Дутику вспомнить.— Да неужели тебе не интересно выяснить, что может вспомнить человек, побывавший в госпитале? Постарайся вспомнить все, что можешь.

В манерах Боуза было что-то женоподобное — он напоминал сюсюкающего педика, кокетливо поглаживающего по подбородку любовника.

Но Дутик ему нравился, и это сразу бросалось в глаза.

У Дутика возникло жуткое ощущение, будто они с Боузом единственные живые люди в этом каменном бараке, остальные же просто роботы со стеклянными глазами, к тому же не очень хорошо сделанные роботы. Сержант Брэк-мен, так называемое начальство, был просто старый мешок, полный перьев.

— Давай, Дутик, послушаем все, что ты сможешь вспомнить,— вкрадчиво уговаривал Боуз.— Ну, давай же, старина, постарайся вспомнить все-все...

Прежде чем Дутик успел о чем-либо подумать, его голову пронзила такая же боль, как во время экзекуции. Это был не предупреждающий укол. Боуз равнодушно наблюдал за своим напарником, а боль в голове Дутика становилась все более жгучей и нестерпимой.

Дутик встал, выронил винтовку, схватился за голову, пошатнулся, испустил вопль и потерял сознание.

Дутик пришел в себя на полу барака. Его напарник Боуз тер ему мокрой тряпкой виски.

Вокруг них кружком стояли однополчане. Их взгляды оставались пустыми и безучастными. Они считали, что Дутик совершил какой-то недостойный солдата проступок, за что и понес заслуженное наказание. Ведь существуют же просто-таки непростительные для военного человека вещи, как-то: встать во весь рост на фоне неба, чистить заряженное оружие, чихать в карауле, скрывать от командира венерическую болезнь, отказаться выполнять прямой приказ, проспать подъем, напиток в расчете, держать в своем солдатском сундучке книгу либо боевую гранату или же, наконец, спрашивать, кто придумал армию и зачем...

И лишь один Боуз сожалел о том, что произошло с Дутиком.

— Это я, Дутик, во всем виноват,— твердил он. Через толпу протолкался сержант Брэкмен и склонился над Дутиком и Боузом.

— Что он натворил, Боуз? — спросил Брэкмен.

— Это я его подначил, сержант,— сознался Боуз.— Велел ему припомнить, что может, из прошлого. Мне и в голову не пришло, что это у него может получиться.

— И надо же додуматься подначивать парня, который едва из госпиталя пришел,— хрипло буркнул Брэкмен.

— Виноват, виноват.— Боуза переполняло раскаяние.— Мой напарник... Да будь я проклят!

— Дутик, разве тебя не предупреждали в госпитале насчет воспоминаний? — спросил Брэкмен.

Дутик неуверенно покачал головой.

— Может, и предупреждали,— сказал он.— Там мне много чего наговорили.

— Дутик, самый страшный грех — вспоминать свое прошлое,— поучал Брэкмен.— Ведь именно из-за того тебя и поместили в госпиталь, что ты слишком много помнил.— Он сложил чашечкой кисти рук с короткими пальцами, как бы заключая в них ту неразрешимую проблему, которую представлял собой Дутик.— Ну и ну. Ты столько всего помнил, что как солдат гроша ломаного не стоил.

Дутик сел на полу, прижал к груди руки и обнаружил, что мундир мокрый от слез.

Нет, он вовсе не собирался вспоминать прошлое, он чувствовал подсознательно — так делать нельзя, а боль все равно его пронзила. Но он не сказал этого из страха, что она вернется.

Он простонал и смахнул с ресниц остатки слез. Отныне он будет делать лишь одно: подчиняться приказам

— Что касается тебя, Боуз... Прямо не знаю, что с тобой делать,— гадал вслух Брэкмен.— Может недельный наряд в отхожем месте отучит тебя грубо шутить с товарищем, который только вышел из госпиталя?..

Что-то смутное тревожило память Дутика, подсказывало ему: следи внимательно за выражением лица Брэкмена и Боуза. Почему-то это казалось ему важным.

— Недельный, сержант?— переспросил Боуз.

— Да, черт побери,— ответил Брэкмен. Он вздрогнул и закрыл глаза. По-видимому, его слегка уколола антенна.

— Целую неделю, а, серж? — с невинным видом спросил Боуз.

— Один день,— сказал Брэкмен, и это прозвучало скорее как вопрос, а не угроза. И снова Брэкмена передернуло от боли.

— И когда мне начинать, а, серж? — спросил Боуз. Брэкмен махнул короткопалой рукой.

— Ладно, черт с тобой.— Он наклонил голову, словно пытаясь облегчить боль, если та вернется, и затравленно озирался по сторонам.— И чтобы мне больше никаких шуток, черт вас побери,— сдавленно буркнул он, поспешил в свою комнату в конце барака и с шумом захлопнул за собой дверь.

Неожиданно в барак заглянул с проверкой командир роты, некий капитан Арнольд Берг.

Первым его увидел Боуз. Он сделал то, что полагается сделать в подобной ситуации любому солдату. Крикнул: «смирр-на!», хотя у него не было даже сержантского звания. Одно из чудачеств военных заключается в том, что низший рядовой чин может дать команду «смирно» себе равным и даже сержантам, если первым обнаружит присутствие офицера в любом строении, имеющем крышу, расположенном вне зоны боевых действий.

Антенны военнослужащих сработали мгновенно: выпрямили их спины, втянули животы, напрягли ягодицы и отключились. Дутик вскочил с пола и застыл как вкопанный.

И лишь один-единственный человек не спешил принять положение «смирно». Им был Боуз. Когда он все-таки его принял, то сделал это вызывающе небрежно и неохотно.

Капитан Берг, найдя поведение Боуза глубоко оскорбительным, хотел было поставить ему это на вид. Но едва открыл рот, как его переносицу пронзила острая боль.

Капитан закрыл рот, не издав ни звука. Под мрачным взглядом Боуза он быстро принял положение «смирно», сделал «кругом», услышал у себя в голове барабанную дробь и, подчиняясь ее ритму, зашагал из барака.

Когда капитан ушел, Боуз не отдал команду «вольно», отя это и было в его компетенции: в переднем правом аркане брэк находился

пульт управления, который мог аставить его однополчан делать буквально все что угодно. ульт был размером с фляжку. Как и фляжка, пульт плотно прилегал к телу. Боуз носил его на своем жестком выпирающем бедре.

На пульте было шесть кнопок и четыре рычага. Манипулируя ими, Боуз мог управлять всеми, кому в череп вмонтировали антенну. Он мог наказать болью любой силы, мог заставить принять положение «смирно», услышать барабанную дробь, маршировать, останавливаться, становиться в строй, расходиться, отдавать честь, наступать, отступать, прыгать, преодолевать барьеры, бежать вприпрыжку...

У самого Боуза не было никакой антенны.

«Что хочу, то и делаю» – вот до какой степени неограниченной была свобода воли Боуза.

Боуз был одним из настоящих командиров Марсианской армии. Он командовал одной десятой частью тех вооруженных сил, которые должны были напасть на Соединенные Штаты Америки, как только начнется война. Далее шли соединения, готовившие нападение на Россию, Швейцарию, Японию, Австралию, Мексику, Китай, Непал, Уругвай...

Насколько было известно Боузу, во всей армии насчитывалось восемьсот настоящих командиров, но ни один из них не носил звания выше сержантского. Номинальный командующий Марсианской армией генерал всех родов войск М. Пульсифер на самом деле состоял под неусыпным контролем своего ординарца капрала Берта Райта. Капрал Райт, образцовый ординарец, пичкал генерала аспирином от вечных головных болей,,

Преимущества системы скрытого командования вполне очевидны. Случись в Марсианской армии мятеж, он бы затронул не тех, кого следовало бы. В военное же время враг мог истребить весь офицерский состав без малейшего ущерба для армии.

– Семьсот девяносто девять, – поправил себя вслух Боуз. Один из восьмисот настоящих командиров был теперь мертв, – его задушил у столба Дутик. Задушенным был рядовой Кремень Стивенсон, бывший командир Британского

ударного соединения. Попытки Дутика разобраться в происходящем произвели на Кремня такое впечатление, что он, сам того не желая, стал помогать ему думать.

За это Стивенсон был приговорен к высшей мере унижения – ему под череп вмонтировали антенну, заставили промаршировать к столбу строевым шагом и там дожидаться смерти от своего протеза.

Боуз так и оставил своих однополчан стоять по стойке «смирно», и они трепетали под его взглядом, безмолвные и бесчувственные. Он подошел к койке Дутика и прямо в своих больших блестящих ботинках бухнулся на коричневое одеяло. Заложил руки за голову и потянулся, выгнув тело дугой.

– Ууууу, – не то простонал, не то зевнул Боуз. – Ууууу. Так вот, ребятки, ребятки, ребятки, – повторял он,

стараясь изгнать из головы всякие мысли. – Черт побери, значит, вот так, ребятки. – Это был бессмысленный набор слов. Боузу уже успели наскучить его игрушки. «А не заставить ли их подраться друг

с другом?» — подумал он, но тут же одернул себя, понимая, что если об этом станет известно, его ждет то же самое, что заслужил Кремень Стивенсон.

— Ууууу, так вот... ребятки. Значит, так вот, ребятки, — лениво повторял Боуз. — Черт побери, вот так оно, ребятки. Я придумал. И вам, ребятки, придется с этим согласиться. Старина Боуз, сказали бы вы, на высоте. — Он скатился с койки, встал на четвереньки и с грациозностью пантеры поднялся на ноги. Его улыбка была ослепительна. Он вовсю наслаждался своей удачно сложившейся судьбой. — А у вас, ребятки, дела обстоят не так уж и плохо, — говорил он неподвижно стоящим однополчанам. — Если вы думаете, что вам живется несладко, взгляните, как мы обходимся с генералами. — Он крякнул и зашелся от смеха. В позапрошлую ночь мы, настоящие командиры, значит, заспорили между собой, кто из генералов быстрее всех пробежит. Подняли с постелей двадцать три голозадых генерала, выстроили их, как скаковых лошадей, заключили денежные пари, а после заставили их бежать такой рысью, будто за ними сам черт гонится. Так вот, генерал Стувер, он первым пришел, за ним генерал Харрисон, а после приплелся Мо-шер. На следующее утро ни один из генералов не мог ни согнуться, ни разогнуться. И никто из них не помнит, что делал ночью.

Боуз снова загоготал и закудаhtал, но тут его осенило, что удачно сложившаяся судьба со стороны будет казаться

еще удачней, если он поведет себя серьезно и даст понять окружающим, что на его долю выпала громадная ответственность и он польщен, что ему ее доверили. Боуз напустил на себя благоразумный вид, засунул за пояс большие пальцы и с притворной серьезностью огляделся по сторонам.

— Но это вовсе не игра, — изрек он, подошел вразвалку к Дутику и оглядел его с головы до пят. — Дутик, дружище, а ты знаешь, сколько я о тебе передумал, переволновался за тебя... — Боуз раскачивался взад-вперед. — Ты постарайся и все вспомнишь, правда? Знаешь, сколько раз тебя забирали в госпиталь чистить память? Семь раз! Семь раз, Дутик! А знаешь, сколько раз посылают в госпиталь человека, чтобы стереть ему всю память? Один! Один раз, Дутик! — Боуз щелкнул под носом у Дутика пальцами. — И этого бывает вполне достаточно. Всего один раз — и человек больше ни о чем не вспоминает. — Он изумленно покачал головой. — Другой человек, но только не ты, Дутик.

Дутик вздрогнул.

— Я слишком долго держу тебя по стойке «смирно», да, Дутик? — Боуз скрипнул зубами.

Он не мог отказать себе в удовольствии время от времени поизмываться над Дутиком.

Во-первых, когда-то Дутик имел на Земле буквально все, Боуз же не имел ничего.

Во-вторых, Боуз отчаянно зависел от Дутика, точнее зависел бы, достигни они Земли. Боуз был сиротой, которого завербовали на Марс

четырнадцатилетним мальчишкой, поэтому у него не было ни малейшего представления о том, как развлекаются на Земле.

Он рассчитывал, что Дутик покажет ему, как это делается.

— Хочешь знать, кто ты, откуда и кем был когда-то? — спрашивал Боуз Дутика. Тот стоял по стойке «смирно», его голова была пуста и он не мог извлечь никакого смысла из того, что говорил Боуз. А Боуз говорил вовсе не для Дутика. Боуз для самого себя расхваливал напарника, который всегда будет с ним рядом, как только они очутятся на Земле.

— Парень, ты был самым везучим человеком из всех живших на Земле, — говорил Боуз, сверля Дутика сердитым взглядом. — Там, на Земле, парень, ты был королем!

Как и все сведения, почерпнутые на Марсе, сведения Боуза относительно Дутика были весьма расплывчатыми. Боуз даже не знал, откуда он их почерпнул. А почерпнул он их из общей атмосферы армейского быта.

Боуз был слишком добросовестным солдатом и потому лишних вопросов не задавал, так что смутное смутным и осталось.

Кстати, солдату и полагается ни о чем не иметь слишком четкого представления.

Так что по-настоящему Боуз о Дутике не знал ничего — только то, что тот когда-то был очень везучим. Поэтому он и оседлал эту тему.

— А это значит, что у тебя было все, что хочешь, ты мог делать все, что заблагорассудится, поехать куда потянет, — расписывал Боуз.

И чем больше Боуз расписывал дивное везение, сопутствовавшее Дутику на Земле, тем больше его терзало другое диво — суеверное убеждение в том, что для него самого на Земле удачи не будет.

Теперь Боуз прибегнул к трем магическим словам, которые, по его мнению, описывали максимум удовольствий, доступных человеку на Земле: «Голливудские ночные клубы». Он — сроду не видел Голливуда, сроду не бывал в ночных клубах.

— Парень, ты целыми днями и ночами шатался по Голливудским ночным клубам, — говорил он Дутику.

— Парень, — говорил он ничего не понимающему Дутику, — у тебя на Земле было все для того, чтобы жить как надо и ты, черт побери, знал, как это делается.

— Парень, — говорил Боуз Дутику, стараясь скрыть от него жалкую аморфность своих стремлений, — мы пойдем с тобой в роскошные местечки, закажем там всякие роскошные штучки, будем трепаться с роскошными людьми, в общем, закутим вовсю. — Он схватил Дутика за плечо и встряхнул его. — Напарники, мы с тобой — напарники. Парень, да мы с тобой будем знаменитой парочкой, будем шататься по роскошным заведениям и заниматься всякими прелестями. «Вот идет везучий старина Дутик и его напарник Боуз!» — сказал Боуз, надеясь, что это самое будут говорить им вслед земляне, когда они их победят. — «А вот и они, счастливые, как два голубочка!..» — Боуз загоготал и раскудахтался, представив себе эту счастливую парочку птичек. Внезапно его улыбка поблекла.

Она никогда не держалась подолгу. Боуза точило изнутри жуткое беспокойство – он боялся потерять свою должность. Он так и не понял, как ему удалось получить такую должность со всеми ее великими привилегиями. Он даже не знал, кто дал ему эту шикарную должность.

Боуз не знал, кто командовал настоящими командирами. Он никогда ни от кого не получал приказа. Как и все настоящие командиры, в своих представлениях о жизни Боуз основывался на так называемых светских сплетнях – светские сплетни были в ходу в среде настоящих командиров.

Как только командиры собирались вместе по ночам за пивом и крекерами с сыром, тут же начинались эти светские сплетни. Сплетничали о порче продуктов на складах, о том, как было бы здорово, если бы солдаты во время занятий джиу-джитсу получали настоящие ранения и входили в азарт, еще о том, что солдаты имеют подлую манеру пропускать дырки, шнуруя свои краги. Боуз, передавая сплетни дальше, не имел ни малейшего представления, откуда они берут начало, но все его представления о жизни зиждились именно на них.

Об экзекуции над Кремнем Стивенсоном сообщили именно таким образом. Ни с того, ни с сего это событие стало основной темой светских сплетен.

Ни с того, ни с сего настоящие командиры вдруг взяли Кремня под арест. Боуз нащупал в кармане пульт управления, но касаться кнопок не стал. Он занял свое место среди управляемых им людей, добровольно замер по стойке «смирно», нажал кнопку и расслабился вместе с ними.

Ему очень хотелось глотнуть чего-нибудь крепкого. К тому же он имел право пить, когда ему захочется. Для настоящих командиров регулярно доставляли с Земли спиртное всевозможных видов и сортов, причем в неограниченном количестве. Офицеры тоже имели право пить сколько угодно, правда, в их распоряжении ничего хорошего не было. Офицеры пили омерзительный зеленый ликер местного производства из перебродивших личинок.

Но Боуз вообще никогда не пил. Во-первых, из опасения, что алкоголь дурно повлияет на его способности. Во-вторых, из страха, что можех забыться и предложит выпить простому солдату.

Командиру, предложившему выпить простому солдату, грозил смертный приговор.

– Да, Господи!.. – сказал Боуз, вплетая свой голос в общий гвалт.

Через десять минут сержант Брэкмен объявил отдых, во время которого всем до единого полагалось выйти на открытое пространство и играть в немецкий бэтбол, основной вид спорта в Марсианской армии.

Дутик тайком от всех улизнул.

Он прокрался к двенадцатому бараку, чтобы поискать под синим камнем письмо, то самое, о котором сказала его рыжеволосая жертва.

Баракы в той зоне были пустыми. Не было и флагов, над их крышами, простиралось только бесконечное пространство. В этих пустых бараках

когда-то размещался Марсианский Великолепный десантно-диверсантский батальон. Месяц назад среди ночи десантники вдруг исчезли. Они сели в ракеты, закрыв лица и укоротив собачьи поводки, чтобы они не звякали, и отбыли в никому не известном направлении.

Марсианские Великолепные десанты-диверсанты были специалистами по умерщвлению часовых с помощью петель из рояльных струн.

Этим неизвестным направлением стала земная Луна. Десанты должны были начать войну на ней. Большой синий камень валялся перед котельной двенадцатого барака. Это была бирюза. Бирюза на Марсе встречается очень часто. Бирюза, которую нашел Дутик, представляла собой камень-плитняк шириной в фут.

Дутик взглянул под камень и обнаружил алюминиевый цилиндр с завинчивающейся крышкой. Внутри цилиндра оказалось очень длинное письмо, написанное карандашом.

Дутик не знал, кто написал это письмо. И не мог догадаться, поскольку знал всего три имени: сержант Брэкмен, Боуз и Дутик. Он зашел в котельную и прикрыл за собой дверь. Он был возбужден, но не знал почему. Он стал читать при свете, проникавшем сквозь запыленные окна.

«Дорогой Дутик» — так начиналось письмо.

«Дорогой Дутик. Одному Богу известно, как немного я знаю, но кое-что знаю наверняка. В конце письма ты найдешь список вопросов, на которые во что бы то ни стало должен ответить. Это важные вопросы. Над ними я думал больше, чем над ответами, которые у меня уже есть. Вот первое из того, что я знаю наверняка:

1. Если вопросы бессмысленные, то и ответы на них тоже будут бессмысленные».

Все, что автор письма знал наверняка, было последовательно изложено под номерами, чтобы показать весь мучительно долгий ход познания. Писавший знал наверняка сто шестьдесят восемь вещей. Поначалу их было сто восемьдесят пять, но потом он зачеркнул семнадцать.

«2. Я — так называемый живой организм.

3. Я нахожусь на так называемом Марсе.

4. Я являюсь частью какого-то организма, называемого армией.

5. Эта армия существует для того, чтобы убивать другие так называемые живые организмы на так называемой Земле».

Ни один из первых восьмидесяти одного пунктов не был зачеркнут.

Боуз был разоблачен и исключен автором письма из игры.

«46. Следи за Боузом, Дутик. Он не тот, за кого себя выдает.

47. У Боуза в правом кармане есть что-то такое, отчего у людей возникает боль в голове, если они делают то, что не нравится Боузу.

48. У некоторых других людей тоже есть это. По виду тебе не понять, у кого оно есть, а у кого нет, так что веди себя осторожно со всеми.

...71. Дутик, дружище, почти все из того, что я знаю наверняка, я почерпнул, преодолевая боль, которая идет от антенны. Как только я начинаю вертеть головой и что-то такое высматривать, начинается боль, но я все равно продолжаю вертеть, потому что обязательно

должен увидеть что-то такое, что мне не полагается видеть. Как только я задаю себе вопрос и начинается эта боль, я знаю, что задаю правильный вопрос. Тогда я разбиваю вопрос на составные части. Когда получаю ответ на каждую, складываю их вместе и выясняю большой вопрос.

72. Чем сильнее боль, которую я привыкаю выносить, тем больше я узнаю. Сейчас ты боишься боли, Дутик, но ты ничего не узнаешь, если не будешь навлекать на себя эту боль. И чем больше ты узнаешь, тем радостнее станет тебе превозмогать эту боль».

Дутик ненадолго отложил письмо в сторону. Он готов был заплакать, потому что понимал, что недостойн того доверия, которое возлагал на него автор этого героического письма. Дутик знал, что он не в состоянии превозмочь и малую толику той боли, которую превозмогал автор письма, что он не в состоянии так жадно стремиться к познанию.

Даже та крохотная боль, которую причинили ему в госпитале для наглядности, оказалась мучительной. Дутик судорожно хватил воздуха, как рыба, вытщенная на берег, вспомнив боль, которую причинил ему в бараке Боуз. Лучше умереть, чем еще раз ее испытать.

Его глаза увлажнились. Горло свело от подступивших рыданий.

Бедный Дутик не хотел больше никаких неприятностей. Какие бы сведения он ни узнал из этого письма, сведения, добытые благодаря мужеству другого человека, он воспользуется ими лишь для того, чтобы избежать в дальнейшем боли.

«Правда ли, что одни люди могут терпеть большую боль, чем другие?» – думал Дутик. Он считал, что все дело именно в этом. Он с грустью подумал о том, что уж слишком чувствителен. Не желая никакого вреда таинственному автору письма, Дутик, однако же, хотел, чтобы тот хотя бы раз в жизни почувствовал боль так, как чувствует ее он.

А может, письмо адресовано кому-то другому?

Дутик не имел возможности подвергнуть сомнению содержащиеся в письме сведения. Он воспринял их все целиком, жадно, безоговорочно. А вместе с ними и мировоззрение автора. Потом погрузился в постижение философии.

В философию были вкраплены сплетни, история, астрономия, биология, теология, география, психология, медицина и даже анекдоты.

Вот взятые наугад примеры:

Сплетня: «22. Генерал Бордерс никогда не просыхает. Он так напивается, что не может как следует зашнуровать ботинки. Офицеры так же одурманены и так же несчастны, как и все остальные. Ты тоже когда-то был офицером, Дутик, и у тебя под началом был целый батальон».

История: «26. Все марсиане на самом деле прилетели с Земли. Они решили, что на Марсе им будет лучше. Никто из них не помнит, что плохого было на Земле».

Астрономия: «11. Все в небе раз в сутки оборачивается вокруг Марса».

Биология: «58. Новые люди происходят от женщин, когда мужчины и женщины поспят вместе. На Марсе, наверное, новые люди происходят не от женщин, потому что здесь мужчины и женщины спят в разных местах».

Теология: «15. Все-таки то, что происходит вокруг нас, имеет какой-то смысл».

География: «16. Марс круглый. Единственный город на нем называется Фебом. Никто не знает, почему он называется Фебом».

Психология: «103. Дутик, все беды от тупых ублюдков, которые слишком тупы, чтобы поверить в существование такого понятия, как сообразительность»

Медицина: «73. Когда в этом месте, называемом Марсом, Человеку вычищают память, ее вычищают не полностью, а только основную часть. Кое-что остается. Здесь ходит анекдот о том, как кому-то целиком вычистили память. Бедняга, которому это сделали, не мог ни ходить, ни разговаривать, в общем, ничего не мог делать. Его лишь смогли обучить словарю из основной тысячи слов и дать какую-то работу в военном отделе информации».

Небольшой рассказ. «89. Дутик, твой лучший друг — Кремень Стивенсон. Кремень большой, сильный, жизнерадостный человек, он выпивает в день по кварте виски. У Кремня нету в голове антенны, поэтому он помнит все, что с ним случилось в жизни. Он притворяется, будто служит в разведке, на самом же деле он один из настоящих командиров. Он командует по радио ротой пехотинцев-штурмовиков, которые собираются вторгнуться в местность на Земле, называемую Англией. Кремень сам из Англии. Ему нравится служить в Марсианской армии, потому что, по его словам, здесь от смеха можно животики надорвать. Кремень без конца смеется. Он прослышал про тебя, Дутик, про то, какой ты оказался невезучий, и пришел в твой барак, чтобы посмотреть на тебя. Он прикинулся твоим другом, чтобы послушать твои рассказы. Прошло немного времени, и ты, Дутик, поверил ему и поведал свои тайные соображения насчет того, что творится на Марсе. Кремень стал было над тобой смеяться, но потом понял — ты выкопал такое, о чем он сам ни черта не знает. Он не мог этого пережить, ведь ему полагалось знать все, а тебе вообще ничего. И тут ты задал Кремню много больших вопросов, на которые хотел получить ответы, а Кремень знал ответы лишь примерно на половину из них. Кремень вернулся в свой барак, а вопросы, на которые он не смог ответить, все вертелись и вертелись в его голове. В ту ночь он так и не смог заснуть, хотя и пил беспрестанно. Он понимал, что его кто-то использует, но не представлял, кто бы это мог быть. Ведь он даже не знал, для чего существует Марсианская армия. Не знал, зачем Марсу нужно нападать на Землю. И чем больше он вспоминал Землю, тем отчетливей понимал, что Марсианскую армию ждет на Земле та же участь, что и снежный

ком в адском пекле. Ведь нападение на Землю — это фюрменное самоубийство. Кремень все ломал голову, с кем бы ему поговорить на эту тему, но кроме тебя, Дутик, у него не было ни души. Тогда примерно за час до рассвета Кремень встал с постели, пошатываясь,

пробрался в твой, Дутик, барак и разбудил тебя. Он рассказал все, что знал о Марсе. Сказал, что отныне будет сообщать каждую мелочь, которую узнает, а тебе надлежало сообщать ему каждую мелочь, которую ты узнаешь. Вы договорились время от времени встречаться где-нибудь подальше от чужих глаз и сводить все узнанное вами воедино. Кремень сказал, что ты его самый лучший друг. Он сказал, что у него никого нет на всем Марсе. Хотя обычно его рот не закрывался от смеха, тут вдруг Кремень заплакал и чуть не разбудил людей около твоей койки. Он велел тебе следить за Боузом, вернулся в свой барак и заснул сном младенца».

Содержащийся в письме небольшой рассказ был доказательством того, что группа, состоящая из Кремня Стивенсона и Дутика, с успехом вела тайные наблюдения. С этого места почти все, что автор письма знал наверняка, начиналось с вводных слов вроде «Кремень говорит...», «Ты обнаружил...» и «Как-то мы с Кремнем напились в тире до чертиков и сделали вывод, что...»

Самым важным из всех выводов двух этих сумасбродов было то, что на самом деле всем заправлял здоровенный с виду доброжелательный мужчина, говорящий горловым тенором. При нем всегда была огромная собака. Согласно письму, этот человек и его собака примерно раз в каждые сто дней появлялись для совещаний с истинными командирами.

В письме не называлось имя (автор сам его не знал), но это был Уинстон Найлз Рамфорд с космическим псом Казаком. И на Марсе они появлялись вовсе не когда им вздумается; затянутые в хроно-синкластическую инфандибулу, Рамфорд с Казаком, подобно комете Галлея, двигались четко по графику. Они появлялись на Марсе раз в каждые сто одиннадцать дней.

В письме к Дутику говорилось (пункт 155), что, по словам Кремня, этот здоровенный мужчина с собакой, явившись на совещание, завоевывает симпатии всех до единого. Он очаровательный малый, и когда совещание кончается, каждый стремится думать точно так, как думает он. Любая идея, возникающая у кого-то другого, исходит от него. Он просто улыбается, улыбается и проделывает рулады своим мелодичным голосом, а у людей возникают новые идеи.

Потом же все присутствующие на этом совещании выдают эти идеи за свои. Он помешан на игре, называемой немецким бэтболом. Никто не знает, как зовут этого мужчину. Он смеется, когда у него об этом спрашивают. Обычно он одет в форму парашютиста-десантника военно-морской пехоты, но настоящие командиры парашютным десантом военно-морской пехоты клянутся, что видят его только на секретных совещаниях.

«156. Дутик, старина,— говорилось в письме к Дутику,— каждый раз, когда вы с Кремнем узнаете что-нибудь новое, дописывай к этому письму. Прячь его хорошенько. А когда меняешь тайник, обязательно докладывай об этом Кремню. Тогда, даже если тебя отправят в госпиталь на чистку памяти, Кремень сможет сказать тебе, куда пойти, чтобы снова заполнить свою память.

157. Дутик, а знаешь, почему ты все еще держишься? Ты держишься только потому, что у тебя есть подружка и ребенок. Почти ни у кого

на Марсе их нет. Твою подружку зовут Би. Она инструктор школы дыхания Шлиемана в Фебе. Твоего сына зовут Хроно. Он живет в начальной школе в Фебе: Кремьен Стивенсон говорит, что Хроно лучше всех в школе играет в немецкий бэтбол. Би и Хроно, как и все люди на Марсе, научились обходиться друг без друга. По тебе они ни капли не скучают. Даже никогда не вспоминают. Но ты должен доказать им, что в тебе они нуждаются больше всего на свете.

158. Дутик, сукин сын, я тебя люблю. По-моему, ты парень что надо. Когда ты соберешь свое маленькое семейство, кради ракету и валяй в какое-нибудь тихое и красивое местечко, где тебе не надо будет все время глотать эти проклятые шарики. И прихвати с собой Кремья. А когда ваша жизнь войдет в нормальную колею, постарайтесь докопаться, чего это вдруг тот пижон, который сотворил белый свет, так напортачил».

Дутику оставалось прочитать лишь подпись.

Она была на отдельной странице.

Прежде чем прочитать подпись, Дутик попытался представить себе характер и внешность автора письма. Автор письма был человеком бесстрашным. Он так стремился к правде, что мог пойти на какую угодно боль, лишь бы узнать побольше правды. Он имел превосходство над Дути-ком и Кремнем. Он следил за их подрывной деятельностью и писал о ней с любовью и беспристрастностью.

Автор письма представлялся Дутику сказочным старцем с белой бородой и плечами кузнеца.

Дутик перевернул страницу и прочитал подпись.

«Остаюсь преданным тебе», — стояло перед нею.

Подпись занимала почти всю страницу — пять огромных шестидюймовых букв. Они были нацарапаны чем-то черным и тупым, коряво и по-детски размашисто.

Вот какая была подпись:

ДУТИК.

Это была дутиковская подпись.

Дутик был тем героем, который написал это письмо.

Он написал его самому себе перед тем, как ему вычистили память, Это был образец литературы благороднейших идей, которые поддерживали в Дутике силу духа, делали его наблюдательным и морально свободным. Благодаря письму, в очень тяжелые для себя времена он стал героем в собственных глазах.

Дутик не знал, что человек, которого он задушил у столба, был его лучшим другом Кремнем Стивенсоном. Если бы он это узнал, то мог бы совершить самоубийство. Но судьба на долгие годы уберегла его от этой страшной правды.

Когда Дутик вернулся к себе в барак, там вовсю точили кинжалы и штыки, наполняя округу пронзительным «скрр-скрр».

И везде, куда ни глянь, эти особые, по-овечьи смирные улыбочки. Улыбочки овец, с радостью готовых в любую минуту совершить убийство.

Полк только что получил приказ немедленно поспешить к своим ракетам.

Началась война с Землей. Передовые соединения Марсианских Великолепных десантов-диверсантов уничтожили сооружения землян на земной Луне. Взлетевшие с Луны ударные группировки уже дали вкусить всем крупным земным городам адской пищи.

А в качестве приправы к адскому угощению марсианские радиостанции с исступленной монотонностью передавали на Землю все один и тот же припев:

Белый, коричневый, желтый,— сдавайся или умри. Белый, коричневый, желтый,— сдавайся или умри.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЕЗЕРТИР ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Я крайне удивлен, почему немецкий бэтбол не включен в программу Олимпийских игр как один из ведущих видов спорта.

Уинстон Найлз Рамфорд

От лагеря до равнины, на которой разместился готовый к старту воздушный флот, было шесть миль марша. И маршрут пролегал через северо-западную окраину Феба, единственного марсианского города.

Согласно «Карманной истории Марса» Уинстона Найлза Рамфорда, население Феба в период его расцвета составляло восемьдесят семь тысяч человек. Каждая живая душа и каждое сооружение в фебе имели прямое отношение к военной машине. Основной массой рабочих в фебе управляли так же, как и солдатами, — с помощью антенн, смонтированных в черепные коробки.

Дутиковская рота в составе своего полка маршировала по северо-западной окраине Феба. Было решено, что в настоящий момент нет никакой необходимости заставлять солдат маршировать в строю при помощи уколов антенн. Их и без того с головой захлестнул военный угар.

Солдаты пели, тяжело бухая железными подковами по железной мостовой. Их песня была кровожадной:

*Слезы, скорбь и страх немой —
Топ, шлеп, бух! —
Каждой нации земной!
Топ, шлеп, бух!
Получай, Земля, огонь! Цепи надевай стальные!
Топ, шлеп, бух!
Дух вытряхивай земной, вышибай мозги земные!
Топ, шлеп, бух!
Вопли! Топ, шлеп, бух!
Кровь! Топ, шлеп, бух!
Смерть! Топ, шлеп, бух!
Буууууууууммммммммммм.*

Заводы Феба продолжали работать на полную катушку. На улицах было пустынно, и поющих героев никто не приветствовал. Пульсировали окна, когда за ними гасли и зажигались ослепительные светильники. Из дверных проемов валил дымящийся каскад желтых искр, взлетающих над металлической лавой. В песню солдат вплетался скрежет шлифовальных кругов.

Низко над городом скользили три летающих блюдца. Эти синие ракеты-разведчики издавали мелодичное воркование, точно пели на самых высоких частотах.

«Туд-лиоау», — пели они и, казалось, скользили по прямой, а поверхность Марса изгибалась под ними. Еще момент, и они превратятся в мерцающие огоньки в вечном пространстве.

«Слезы, скорбь и страх немой», — распевали вооруженные силы.

Один из солдат шевелил губами, не издавая ни единого звука.

Это был Дутик.

Дутик шагал в правом фланге предпоследнего ряда своей роты. Боуз шагал сзади, и от его взгляда у Дутика чесалась шея. Более того, теперь Боуз и Дутик были вроде сиамских близнецов – они тащили вдвоем длинный ствол шестидюймового осадного миномета.

«Кровь! Топ, шлеп, бух! – пели вооруженные силы.– Смерть! Топ, шлеп, бух! Бууууууууууммммммммм».

– Дутик, старина...– говорил Боуз.

– Да, старина? – с отсутствующим видом отзывался Дутик. В складках своей солдатской амуниции Дутик держал готовую к бою ручную гранату. У нее уже была выдернута чека. Дутику осталось только швырнуть эту гранату, и она взорвется в течение трех секунд.

– Я устроил нам с тобой хорошее назначение, старина,– говорил Боуз.– Уж кто-кто, а старина Боуз сумеет позаботиться о своем дружке. Верно, дружок?

– Верно, дружок,– мычал Дутик.

Боуз сумел подстроить все так, что им с Дутиком предстояло лететь на борту ротной ракеты-базы. Ротная ракета-база, в сущности, была кораблем гражданским, благодаря техническому расчету на ее борту должен был лететь ствол миномета. Ракета была предназначена для двоих, остальной объем занимали конфеты, спортивные принадлежности, музыкальные записи, консервированные гамбургеры, настольные игры, дышарики, безалкогольные напитки, Библии, почтовая бумага, наборы инструментов для стрижки и бритья, гладильные доски и прочие предметы, предназначенные для поддержания боевого духа.

– Нам повезло, что мы летим на ракете-базе, правда, старина? – спрашивал Боуз.

– Нам повезло, старина,– отзывался Дутик.

Он только что незаметно бросил в канализационный люк гранату.

В люке громыкнуло, и оттуда вырвался огненный сноп. Солдаты все как один повалились на мостовую.

Боуз, как и положено настоящему командиру, первым поднял голову. Увидев, что из люка идет дым, он решил, что там воспламенился газ.

Боуз засунул руку в карман и нажал кнопку, посылая своей роте сигнал встать.

Он поднялся вместе с ними.

– Черт побери, старина, похоже, это было крещение огнем,– сказал он, обращаясь к Дутику.

Он взялся за свой конец минометного ствола.

За другой конец взяться было некому.

Дутик отправился на поиски своей жены, сына и лучшего друга.

Он перевалил через холм и очутился на плоской, плоской, плоской равнине.

Сына Дутика звали Хроно.

По земным меркам Хроно было восемь лет.

Его назвали в честь месяца, в котором он появился на свет. Марсианский год делится на двадцать один месяц, в двенадцати из которых было по тридцать дней, а в оставшихся девяти по тридцать одному. Эти месяцы назывались следующим образом: январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь,

декабрь, уинстон, найлз, рамфорд, казак, ньюпорт, синкластик, инфандибула, хроно и сало.

Существовало даже четверостишие-запоминалка:

По тридцать дней у сало, найлза, июня и сентября, Уинстона, хроно, казака и ноября, Апреля, рамфорда, ньюпорта, инфандибулы, А у всех остальных тридцать один, стало быть!

Месяц сало был назван в честь существа, с которым Уинстон Найлз Рамфорд познакомился на Титане. Титан – это необычайно благодатная по климатическим условиям луна планеты Сатурн.

Сало – закадычный приятель Рамфорда на Титане – был посланцем другой галактики. Ему пришлось сесть на Титан из-за неполадок в блоке питания своей ракеты. Он ждал, когда ему пришлют запасную деталь.

Он терпеливо ждал ее двести тысяч лет.

Его ракета, а также марсианская военная машина, работали на феномене, называемом ОВВ, или Образующая Воля Вселенной. ОВВ – это то самое, которое из ничего создает вселенные и превращает ничто в нечто.

Большинство землян радо, что у Земли нет своей ОВВ. Как поется в популярной частушке:

Нашел наш Вилли ОВВ крупинку

И подмешал себе в фруктовую резинку.

Но вот чем космический дар обернулся –

В дюжину Млечных Путей Вилли наш превратился.

Сын Дутика Хроно в свои восемь лет великолепно играл в игру, называемую немецким бэтболом. Он не интересовался ничем другим, кроме немецкого бэтбола. Немецкий бэтбол был основным видом спорта на Марсе – в него играли и в школе, и в армии, и в заводских зонах отдыха.

На Марсе было всего пятьдесят два ребенка и одна-единственная средняя школа в самом центре Феба. Ни один из этих пятидесяти двух детей не был зачат на Марсе. Все они были зачаты либо на Земле, либо, как Хроно, в космической ракете, доставлявшей на Марс новых рекрутов.

Детей в школе, можно сказать, ничему не учили, так как марсианское общество в них не очень нуждалось. Они почти все время играли в немецкий бэтбол.

В игру, называемую немецким бэтболом, играют мягким мячом размером с мускатную дыню. Мяч столь же подвижен, как десятигаллоновый цилиндр, налитый дождевой водой. Игра чем-то напоминает бейсбол: послав мяч на поле противника, игрок бежит вокруг целей, противник же пытается поймать летящий мяч и поразить им бегущего. Однако в немецком бэтболе всего три цели и мяч подается не битой, а голыми руками. Подающий кладет его на кулак и ударяет по нему вторым. Если противнику удастся поразить мячом бегущего, когда тот находится между целей, бегущий считается выбитым и должен немедленно покинуть поле.

Лицом, ответственным за развитие на Марсе немецкого бэтбола, был, конечно же, Уинстон Найлз Рамфорд; он нес ответственность и за все остальное, творившееся на этой планете.

Хауард Даблю Сэмз в своей книге «Уинстон Найлз Рамфорд, Бенджамин Франклин и Леонардо да Винчи» утверждает, что немецкий бэтбол был единственной спортивной игрой, в которую Рамфорд умел играть в детстве.

Далее Сэмз поясняет, что играть его научила гувернантка, некая мисс Джойс Маккензи.

Во времена ньюпортского детства Рамфорда команда, состоявшая из него, мисс Маккензи и герцога Монкриффа, лакея, регулярно выступала против команды Уотенобе Уэ-тару, садовника-японца, Беверли Джун Уэтару, дочери са-

довника, и Эдварда Сьюарда Дарлингтона, придурковатого помощника конюха. Команда Рамфорда неизменно одерживала победу.

Дутик, единственный дезертир из марсианской армии, припал к земле за бирюзовым валуном и, тяжело дыша, наблюдал за школьниками, игравшими в немецкий бэтбол на железной площадке. Рядом с Дутиком стоял велосипед — он украл его с велосипедной стоянки завода, производящего противогАЗы. Дутик не знал, который из детей его сын Хроно.

Определенного плана у Дутика не было. Он мечтал воссоединиться с женой, сыном и своим лучшим другом, украсть ракету и улететь в такое местечко, где они все вместе смогут начать счастливую жизнь.

— Эй, Хроно! — крикнул кто-то из детей. — Тебе подавать!

Дутик выглянул из-за валуна. Значит, ребенок, который шел подавать мяч, был Хроно, его сын.

Хроно, сын Дутика, шел подавать мяч.

Он был низкорослым для своего возраста, но необычайно широкоплечим мальчиком. Жесткие черные волосы окутывали его голову густой, направленной против часовой стрелки волной.

Хроно был левшой. Он положил мяч на правый кулак и приготовился стукнуть по нему левым.

Его глаза были посажены глубоко, как у отца, и мрачно поблескивали из-под черных ресниц. Они сверкали необузданной яростью.

Эти глаза стреляли то в одну, то в другую сторону. Под его взглядом испуганные противники перебежали с места на место, уверенные в том, что этот неуклюжий тяжеленный мяч с размаху врежется в них и разнесет на мелкие клочки, окажись они у него на пути.

Страх, внушаемый мальчиком, передавался и учительнице. Она стояла на месте арбитра между первой и второй целями, и дрожала мелкой дрожью. Это была старая худосочная леди по имени Изабел Фенстермейкер, семидесяти трех лет от роду. Когда-то она принадлежала к секте Свидетелей Иеговы. Ее напоили и завербовали обманном путем, когда она пыталась сбыть марсианскому агенту в Дулуте экземпляр «Сторожевой башни».

— Послушай, Хроно, ты ведь знаешь, что это всего лишь игра, — жеманно сказала она.

Вдруг эскадрилья летающих блюд, кроваво-красных ракет марсианского парашютного десанта, заслонила солнце. Их воркование слилось в громopodobный грохот, от которого задрезжали школьные оконные рамы.

Но никто из детей даже не глянул на небо — вот каким значительным событием становился немецкий бэтбол, когда подавал юный Хроно.

Доведя своих противников и мисс Фенстермейкер почти до нервного припадка, Хроно положил мяч у ног и достал из кармана короткую металлическую планку, служившую ему талисманом. Он поцеловал талисман на счастье и спрятал обратно.

Он рывком поднял мяч, с оглушительным звуком хватил по нему кулаком и вприпрыжку побежал вокруг целей.

Противники и мисс Фенстермейкер прятались от мяча, будто это было огнедышащее пушечное ядро. Когда мяч остановился сам по себе, противники устремились к нему, двигаясь с какой-то прямо-таки ритуальной медлительностью. Все их усилия были направлены не на то, чтобы поразить Хроно мячом и тем самым выбить из игры. Напротив, дети будто стоворились умножить славу Хроно, разыгрывая сцену беспомощного сопротивления.

Судя по всему, Хроно был кумиром детей и, общаясь с ним, они как бы приобщались к его славе. Они готовы были сделать все, что угодно, лишь бы ее приумножить.

Юный Хроно, окутанный облаком ржавчины, скользнул к финишу.

Противник метнул в него мяч — поздно, слишком поздно, уже слишком поздно. Он чертыхнулся.

Юный Хроно встал, отряхнулся и опять поцеловал свой талисман, словно благодарил за очередной выигрыш. И он и его товарищи непоколебимо верили в силу талисмана. Мисс Фенстермейкер тоже тайком верила.

Вот история этого талисмана.

Как-то мисс Фенстермейкер в порядке учебной экскурсии повела школьников на завод по выпуску огнеметов. Управляющий рассказал детям о всех стадиях изготовления огнеметов и выразил надежду, что кто-нибудь из них, окончив школу, захочет поступить на завод. В конце экскурсии, в упаковочном цехе, управляющий угодил ногой в моток стальной спирали, той самой, которой обматывали упакованные огнеметы.

Это была проволока с острыми концами, которую кинул в проход какой-то рассеянный рабочий. Освобождая ногу, управляющий поцарапался и порвал брюки. Из увиденного в тот день эта сцена произвела на детей самое сильное

впечатление. Понятно, управляющий выместил на этой спирали всю свою злость.

Он топтал ее ногами.

Потом, когда спираль снова поймала его в капкан, он схватил ее и разрезал огромными ножницами на четырехдюймовые обрезки.

Таким образом детям был преподан практический урок, и они были очень довольны увиденным и возбуждены. Когда они выходили из цеха, юный Хроно поднял с пола один из обрезков и засунул в карман. Обрезок отличался от остальных тем, что в нем были просверлены две дырочки.

Этот обрезок Хроно сделал своим талисманом. Он стал такой же частью мальчика, как, к примеру, его правая рука. Нервная система, можно сказать, получила свое продолжение в этом куске металла. Стоило ему прикоснуться к нему, как все в нем начинало дрожать.

Дутик, дезертир военного времени, поднялся из-за бирюзового валуна и с настырным видом вперся на школьный двор. Он уже содрал с мундира все знаки различия. Почему-то после этого вид у него стал официальный и весьма воинственный. Из всего снаряжения он взял себе только нож, однозарядный маузер и гранату. Оружие и краденый велосипед он оставил в тайнике под валуном.

Дутик подошел строевым шагом к мисс Фенстермейкер. Он сказал, что желает поговорить с юным Хроно по официальному вопросу и наедине. Он не сказал ей, что является отцом мальчика – отцовство не давало на Марсе никаких прав, тогда как чиновничий пост давал право интересоваться чем угодно.

Бедную мисс Фенстермейкер провести было совсем нетрудно. Она согласилась, чтобы Дутик поговорил с мальчиком в ее кабинете.

Кабинет был битком набит непроверенными тетрадями, среди которых попадались и тетради пятилетней давности. Учительница изрядно отстала в работе и в связи с этим объявила временный мораторий на письменные задания. Груды тетрадей валялись прямо на полу и, точно раки, ползли под стол, в прихожую, в учительскую уборную.

В кабинете стояло еще и бюро, два ящика которого были до отказа набиты камнями.

Работу мисс Фенстермейкер никто не контролировал. Кого могли интересовать школьные дела? У нее было учительское удостоверение штата Миннесота, США, Земля, Солнечная система, Млечный путь, а что еще требуется для поступления на работу?

Дутик сел за учительский стол, его сын Хроно остался стоять. Он сам так захотел.

Придумывая, с чего начать разговор, Дутик открыл дверцу письменного стола мисс Фенстермейкер и обнаружил, что его ящики тоже набиты камнями.

Юный Хроно был из тех, кто за словом в карман не лезет, к тому же разозлился на весь свет, поэтому стоял и тоже обдумывал, что сказать до того, как Дутик откроет рот.

– Дерьмо, – изрек наконец он.

– Что? – не понял Дутик.

– Что бы ты ни сказал, все дерьмо, – повторил восьмилетний отпрыск.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что все говорят одно дерьмо. И какое тебе дело, почему я так думаю? Вот когда мне будет четырнадцать и ты засунешь мне в

голову какую-то штуковину, тогда я буду делать все, что тебе захочется.

Это значило, что детям до четырнадцати антенн не устанавливали. Из-за размера их черепа. Когда ребенку исполнялось четырнадцать лет, его клали в госпиталь, сбривали волосы, а доктора и няни ввали, будто происходит обряд посвящения в совершеннолетие. У ребенка спрашивали, какое мороженое он любит больше всего, и, когда он просыпался после операции, перед ним стояло огромное блюдо с ореховым мороженым, пломбиром из кленового сиропа или с эскимо.

— Твоя мать тоже говорит одно дерьмо? — спросил Дутик.

— Да, с тех пор, как пришла из госпиталя в последний раз, — ответил Хроно.

— А твой отец?

— Я ничего о нем не знаю. Да и на черта он мне сдался? Он тоже несет одно дерьмо.

— А кто не несет дерьмо? — поинтересовался Дутик.

— Я. Один я.

— Ну-ка, подойди поближе, — велел Дутик.

— Чего это вдруг?

— Я хочу сказать тебе на ухо что-то очень важное.

— Все это брехня, — сказал Хроно.

Дутик встал из-за стола, приблизился к Хроно и прошептал на самое ухо: «Я твой отец, малыш!» Когда Дутик произносил эти слова, его сердце зашлось, точно сигнальная сирена.

Хроно стоял не шелохнувшись.

— Ну и что из того? — с холодным безразличием осведомился он. Откуда ему было знать, что понятие «отец» что-то значат само по себе — об этом ему никто не говорил. На Марсе слово «отец» не значило ровным счетом ничего.

— Я пришел за тобой, — продолжал Дутик. — Мы попытаемся отсюда вырваться. — Он слегка встряхнул мальчика, стараясь его расшевелить.

Хроно сбросил со своего плеча отцовскую руку, будто это была пиявка.

— И что будем делать дальше?

— Жить! — воскликнул Дутик.

Мальчик окинул своего отца равнодушным взглядом, прикидывая в уме, на каком основании он должен верить судьбу в руки этого незнакомца, достал из кармана свой талисман и потер ладонью.

Сила, которую дал ему талисман, укрепила его в желании остаться таким же, каким он был до сих пор: обозленным и одиноким.

— Я и живу, — сказал он. — Мне хорошо и так, а ты проваливай к чертям.

Дутик отступил назад. Уголки его рта опустились.

— К чертям? — шепотом повторил он.

— Я всех туда посылаю, — сказал мальчик, пытаясь выглядеть дружелюбным, но тут его заклестнула новая волна злобы. — Я могу идти играть в бэтбол? — спросил он.

— Ты послал к чертям своего родного отца? — пробормотал Дутик. Вопрос эхом отозвался в его вычищенной памяти, достигнув

нетронутого уголка, где все еще жили обрывки воспоминаний собственного безрадостного детства. Ведь его детство было пронизано одной мечтой – увидеть и полюбить отца, который не нуждался ни в нем, ни в его любви.

– Я... я дезертировал из армии, чтобы найти тебя, – сказал Дутик.

В глазах мальчика на какое-то мгновение вспыхнул интерес, но тут же погас.

– Они схватят тебя, – сказал он. – Они всех хватают.

– Я украду ракету. Ты, твоя мать и я сядем в нее и улетим подальше отсюда!

– Куда? – поинтересовался мальчик.

– В какое-нибудь уютное местечко, – ответил Дутик.

– Расскажи-ка мне об этом уютном местечке, – потребовал Хроно.

– Я еще ничего о нем не знаю. Нам придется его поискать.

Хроно понимающе покачал головой.

– Ты прости, но, по-моему, ты просто городишь чушь, – сказал он. – Тебе придется для этого перебить много народу.

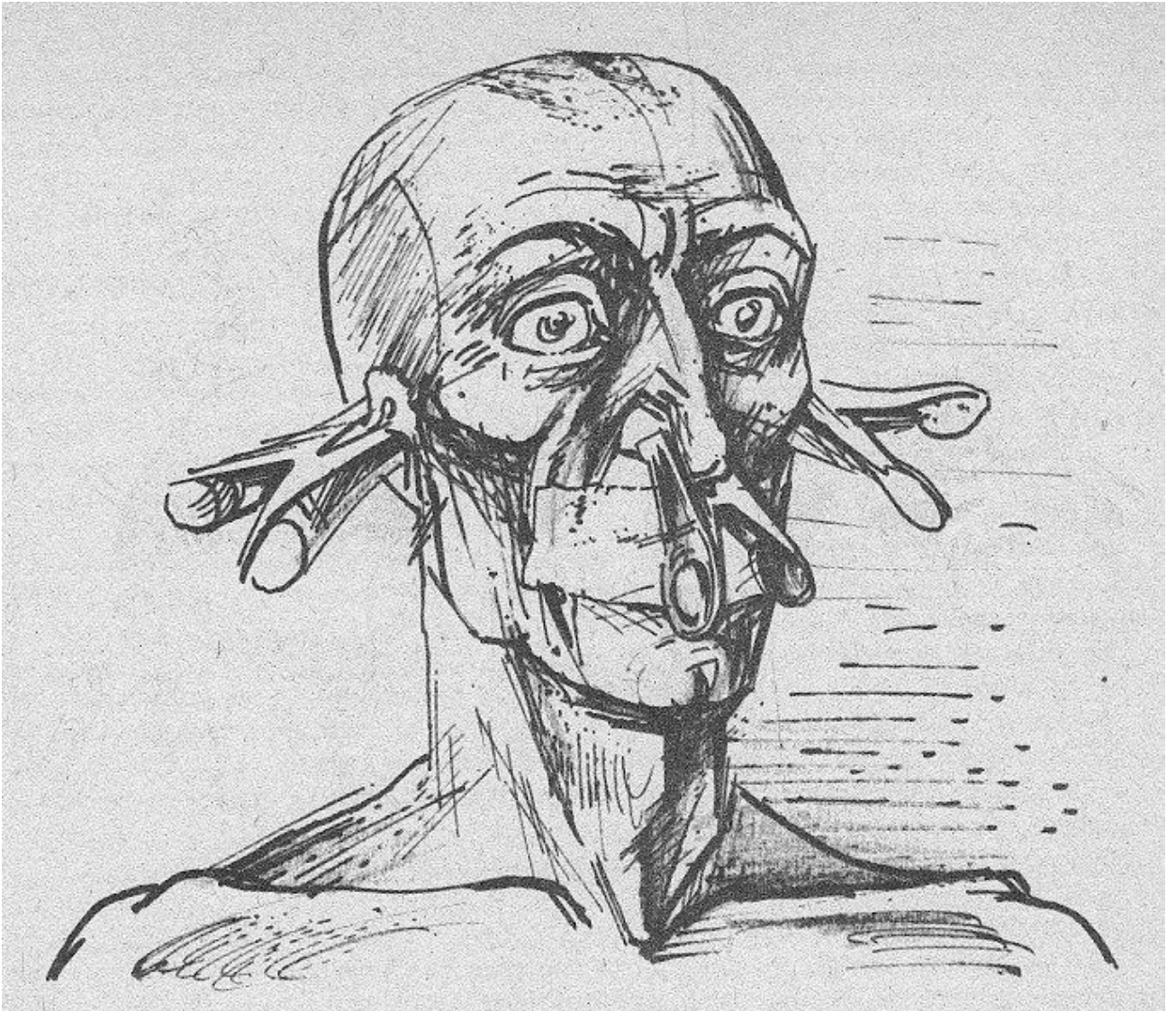
– Ты хочешь остаться здесь? – удивился Дутик.

– А мне и здесь хорошо. Я могу идти играть в бэтбол? Дутик расплакался.

Его слезы потрясли мальчика. Он никогда в жизни не видел плачущего мужчину. И сам никогда не плакал.

– Я пошел играть! – дико выкрикнул он и выскочил из кабинета.

Дутик подошел к окну и посмотрел на железную площадку. Команда юного Хроно была теперь в поле. Хроно присоединился к своим товарищам по команде и встал лицом к подающему, который был к Дутику спиной. Хроно поцеловал свой талисман и положил его в карман.

— Спокойней, ребята! — хрипло крикнул он.— Вперед, ребята, мы его сделаем!

Подружка Дутика, мать юного Хроно, работала инструктором в школе дыхания Шлиемана, где обучались рекруты. Дыхание по Шлиеману — это такой способ дыхания, который дает возможность человеческому существу выжить в чужой атмосфере или даже в вакууме без шлемов и прочих громоздких приспособлений.

При этом применяется начиненная кислородом пилюля. Этот кислород усваивается кровью через стенки тонкого кишечника, а не через легкие, как обычно. Официально эти пилюли назывались суточным пайком дыхательного средства, в народе же их прозвали наркотиками.

Дышать на Марсе по способу Шлиемана, как говорится, проще пареной репы. Вы продолжаете дышать и разговаривать как обычно, хотя ваши легкие никакого кислорода из атмосферы не получают. Главное — не забывать регулярно глотать эти наркотики.

Школа, в которой работала инструктором подружка Дутика, обучала рекрутов более сложным способам дыхания, необходимым в вакууме и в ядовитой атмосфере. Для этого недостаточно было принимать пилюли, а требовалось еще и заткнуть уши, ноздри и не открывать рта. Любая

попытка заговорить или сделать вдох могла привести к кровотечению и даже смерти.

Дутиковская подружка была одной из шести женщин-инструкторов в школе дыхания Шлиемана для новобранцев. Ее класс представлял собой выбеленную известью квадратную комнату без окон, шириной в тридцать футов. Вдоль стены стояли лавки. На столе в центре была миска с наркотиками, миска с прищепками для носа и ушей, моток пластыря, ножницы и маленький магнитофон. На нем проигрывали музыку в периоды вынужденного безделья, когда нужно было сидеть и терпеливо ждать, пока химия и природа сделают свое дело.

Сейчас был именно такой период. Весь класс совсем недавно принял наркотики. Ученикам полагалось спокойно сидеть на лавках, слушать музыку и ждать, пока наркотики не всосутся в стенки тонкого кишечника.

Мелодия, которую они слушали, была нелегально переписана во время земной радиопередачи. На Земле она пользовалась огромной популярностью — это был дуэт для мужского и женского голосов. Она называлась «Бог — дизайнер наших душ». Мужской и женский голос пели каждый свои слова и общий припев.

Соборные колокола звонили и гудели, как только произносилось какое-нибудь церковное слово. Новобранцев было семнадцать. Им всем только что выдали нижние рубашки цвета лишайника. Они сидели без мундиров, поскольку инструктору полагалось следить за внешней реакцией их организмов на дыхание по Шлиеману.

Новобранцам совсем недавно вычистили память и установили антенны. Их головы были обриты, от макушки до загривка тянулась полоска пластыря.

Пластырь прикрывал место, где находилась антенна. Глаза новобранцев были пусты, как окна заброшенной прядильной фабрики.

Такими же были и глаза их инструкторши – ей тоже совсем недавно вычистили память. При выписке из госпиталя ей сказали, как ее зовут, где она живет, и показали, как обучать дыханию по Шлиеману – вот, в общем-то, и вся конкретная информация, которой ее снабдили. Еще ей сказали, что у нее есть восьмилетний сын Хроно и что она, если хочет, может каждый вторник по вечерам посещать его в школе.

Инструкторшу, мать Хроно и подружку Дутика, звали Би. На ней был бумажный спортивный костюм цвета лишайника и белые спортивные тапочки, на шее висел свисток и стетоскоп.

На фуфайке был изображен ребус ее имени.

Би взглянула на часы на стене. Прошло уже достаточно времени для того, чтобы даже самая вялая система пищеварения доставила наркотики до тонкого кишечника Би встала, выключила магнитофон и свистнула в свисток.

– Становись! – скомандовала она.

Новобранцы еще не успели усвоить основы военной подготовки, поэтому их шеренга оказалась неровной. На полу были обозначены квадраты, внутри которых полагалось стоять, чтобы образовались приятные для взгляда ряды и шеренги. Несколько человек с пустыми глазами затеяли возню за квадраты, как дети во время игры. В конце концов каждый нашел свой квадрат.

– А теперь возьмите прищепки и зажмите, пожалуйста, носы и уши, – распорядилась Би.

Новобранцы сжимали прищепки в своих потных кулаках. Они цепляли их на носы и уши.

Би подходила по очереди к каждому новобранцу, проверяя, запечатаны ли их носы и уши.

– Очень хорошо, – сказала она, закончив проверку, и взяла со стола рулончик пластыря. – А теперь я докажу вам, что, если вы глотаете дыхательное довольствие, то есть наркотики, как называют его в армии, легкие вам ни к чему. – Би двигалась вдоль шеренги, быстро отрезая полоски пластыря и залепляя новобранцам рты. Ей никто не возражал. К тому времени, как Би закончила обход шеренги, у учеников не осталось ни одного подходящего отверстия, которое могло бы послужить для выражения протеста.

Она засекала время и снова включила музыку. В течение последующих двадцати минут ей оставалось лишь наблюдать за тем, как обнаженные тела меняют цвет, а в запечатанных наглухо и теперь бесполезных легких происходят предсмертные спазмы. В идеале тела должны

посинеть, покраснеть, потом, по прошествии двадцати минут, снова обрести свой естественный цвет, а грудные клетки должны поначалу ходить ходуном, потом затихнуть и успокоиться.

Цель этой двадцатиминутной пытки заключалась в следующем: благодаря ей каждый новобранец получал возможность убедиться, что дышать при помощи легких вовсе не обязательно. В идеале каждый новобранец, пройдя курс обучения, должен был до такой степени уверовать в себя и эти наркотики, чтобы без всякого колебания прыгнуть из ракеты на земную Луну, на дно земного океана и вообще куда угодно.

Би присела на лавку.

Под ее прекрасными глазами темнели круги. Они появились с тех пор, как она попала в госпиталь, и день ото дня становились все темней. В госпитале ей наобещали, что с каждым божьим днем она будет чувствовать себя все безмятежней и проворней в работе. Если же в силу какой-то неожиданности она обнаружит, что это не так, пусть немедленно обратится в госпиталь за помощью.

— Мы все время от времени нуждаемся в помощи, — сказал ей доктор Моррисон Н. Касл. — В этом нет ничего постыдного. Быть может, когда-нибудь мне потребуются ваша помощь, Би, и я без колебания к вам обращусь.

Би направили в госпиталь после того, как она показала своему начальнику вот это стихотворение:

*Забудь про воздух и тумана мрак,
Закрой отдушины все смело.
Сожми гортань, как скряга сжал кулак,
Замкнись в чертогах тела.
В последний раз вдохни, знай меру! —
Пусть дышат слабые одни!
И, погрузившись в ядосферу,
Молчание храни.
И если вдруг тебя охватит радость иль печаль,
Слезинкой веко ороси,
Душе и сердцу, словно на алтарь,
Слова приветя принеси.
Как остров каждый человек,
Когда мы в космосе витаем,
Ты, я — мы всяк себе оплот,
И форт, и порт, и космолет.*

У Би, которую за это стихотворение отправили в госпиталь, было интересное лицо — широкоскулое и надменное. Она поразительно напоминала индейского юношу. Правда, тот, кто отмечал это сходство, тут же оговаривался, что тем не менее она очень красива.

В дверь громко постучали. Би подошла и открыла ее.

В пустынном коридоре стоял красный и потный мужчина в военной форме. На форме не было никаких знаков различий. Через его плечо была перекинута винтовка. На Би смотрели глубоко посаженные хитрые глазки.

— Связной, — хрипло буркнул мужчина. — Сообщение для Би.

— Я — Би,— с беспокойством пролепетала она. Связной окинул ее с головы до ног таким взглядом,

точно раздевал. От его тела исходил жар и на нее пахло удушьем.

— Ты меня узнаешь? — шепотом спросил он.

— Нет,— сказала она. От его вопроса ей немного полегчало. Значит, она уже имела дело с этим мужчиной. А следовательно, визит был делом обычным. Просто в госпитале она забыла и этого человека, и все, что с ним связано.

— Я тоже тебя не помню,— прошептал он.

— Я побывала в госпитале,— сказала она.— Им пришлось вычистить мне память.

— Говори шепотом! — одернул он.

— Что? — не поняла Би.

— Говори шепотом!

— Извиняюсь,— прошептала она. Ну, конечно же, с этим чиновником полагалось разговаривать шепотом.— Я многое забыла.

— Как и все мы! — сердитым шепотом сказал он. И снова осмотрелся по сторонам.— Так ты мать Хроно, да?

— Да,— прошептала она.

Этот странный связной вдруг впился взглядом в ее лицо. Он глубоко вздохнул, выдохнул, насупил брови и часто заморгал.

— Что... что у тебя за сообщение? — прошептала Би.

— У меня вот какое сообщение. Я — отец Хроно. Я только что дезертировал из армии. Меня зовут Дутик. Я хочу, чтобы мы с тобой, наш мальчик и мой лучший друг отсюда убежали. Я еще не придумал, как это сделать, но ты должна быть готова бежать по моему первому зову! — Он дал ей ручную гранату.— Она может тебе пригодиться.

Тут в дальнем конце коридора послышались возбужденные крики.

— Он назвался секретным связным! — орал мужской голос.

— Надо же, связной! — откликнулся другой.— Он дезертир военного времени! К кому он пришел?

— Он не сказал. Только сказал, что это сверхсекретно.

Раздался свисток.

— Шестеро — за мной! — гаркнул мужской голос.— Обыскать каждую комнату! Остальные — окружай здание!

Дутик втолкнул Би в комнату и захлопнул дверь. Он снял с плеча маузер и направил его на увешанных прищепками и заклеенных пластырем новобранцев.

— Посмейте только пикнуть или пошевелиться, и я вас уложу,— пригрозил он.

Новобранцы, неподвижно застывшие в своих квадратах, даже глазом не моргнули. Они посинели.

Их грудные клетки ходили ходуном.

Внимание каждого было сосредоточено на двенадцатиперстной кишке, где теперь растворялась маленькая жизнетворная пилюля.

— Где можно спрятаться? И как отсюда выбраться? — спросил Дутик.

Би могла и не отвечать. Спрятаться было негде. А выбраться можно было только через дверь в коридор.

Оставалось одно, что Дутик и сделал. Он разделся до белья цвета лишайника, засунул маузер под лавку, зажал прищепками уши и ноздри, заклеил пластырем рот и встал среди новобранцев.

Его голова тоже была обрита, а от макушки до загривка шла так же, как у них, полоска пластыря. Дутик был настолько непутевым солдатом, что доктора даже вскрыли ему череп, чтобы проверить, не испортилась ли антенна.

Би, точно зачарованная, обвела глазами комнату. Она держала в руке гранату, которую дал ей Дутик, так, будто это была ваза с одной-единственной изумительной розой. Она подошла к лавке, под которую Дутик засунул винтовку, и положила рядом с нею гранату, положила бережно, демонстрируя уважение к чужой собственности.

И вернулась на свое место за столом.

Она не разглядывала Дутика, но и не отводила от него взгляд намеренно. Ведь в госпитале ее предупредили, что она была очень и очень больна и может снова разболеться, если не сосредоточит все свои мысли исключительно на работе, оставив думы и волнения для других. Ей же во что бы то ни стало необходимо сохранять спокойствие.

Гам, поднятый в начале коридора, медленной волной катился к их двери.

А в общем-то Би и незачем было волноваться. Дутик, затесавшись среди новобранцев, превратил себя тем самым в ничто. Окинув его профессиональным взглядом, Би отметила, что тело приобрело не голубую, а сине-зеленую окраску. Наверно, он давно не глотал наркотики, а значит, может в любой момент брякнуться на пол.

Если оно так и случится, то связанная с ним проблема спокойно разрешится сама собой, а Би теперь больше всего на свете нуждалась в покое.

В том, что Дутик был отцом ее ребенка, она ни капли не сомневалась — в жизни все именно так и было. Лица Дутика она не помнила и не старалась запомнить сейчас, чтобы узнать в следующий раз, если этот следующие раз наступит. Она в нем попросту не нуждалась.

Би отметила, что тело Дутика стало почти совсем зеленым. Значит, она верно поставила диагноз. Он вот-вот брякнется на пол.

Би мечтала. Она мечтала о маленькой девочке в белом накрахмаленном платъице, белых перчатках, белых туфельках, о девочке, у которой есть свой белый пони. Би завидовала этой маленькой девочке, такой беленькой и чистенькой.

Она гадала, кто эта девочка.

Дутик упал бесшумно и мягко, как мешок с угрями.

Он очнулся, лежа на спине на койке в космическом корабле. В глаза бил свет. Он вскрикнул и его пронзила жуткая боль.

Дутик с трудом встал на ноги, цепляясь, точно пьяный, за стойки. В каюте больше не было ни души. Но кто-то все-таки надел на него мундир.

Сперва он подумал, что его зашвырнули в вечное пространство.

Но потом обнаружил, что входной отсек открыт и снаружи твердь.

Дутик, шатаясь, вышел.

Он поднял к небу свои слезящиеся глаза и понял, что все еще находится на Марсе или же в каком-то другом месте, ужасно похожем на Марс.

Была ночь.

Среди железной равнины, точно гвозди, торчали шеренги космических кораблей.

Пока Дутик озирался по сторонам, одна шеренга длиной в пять миль отделилась от поверхности планеты и с мелодичным гулом взмыла в небо.

Залаяла собака, ее лай нопоминал удары огромного бронзового гонга.

Она выпрыгнула из тьмы, огромная и страшная, как тигр.

— Казак! — окликнул собаку мужской голос.

Собака замерла, повинувшись команде. Она не сводила с Дутика взгляда, а он прижался к обшивке корабля и с ужасом смотрел на ее длинные влажные клыки.

Тьму прорезал танцующий луч карманного фонаря, и вслед за ним появился хозяин собаки. Когда между ним и Дутиком осталось всего несколько ярдов, он приложил фонарь к своему подбородку и из тьмы выплыл дьявольский лик с темными провалами глазниц.

— Здравствуй, Дутик, — сказал он. Выключил фонарь и шагнул вбок, в полосу света, падающую из корабля. Это

был крупный самоуверенный мужчина с манерами аристократа. На нем была кроваво-красная форма Небесного парашютного десанта и ботинки с квадратными носами. Все его вооружение состояло из черного с золотом стека длиной в фут.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал мужчина и улыбнулся, сложив губы в виде буквы «у». У него был горловой тенор.

Дутик не помнил этого мужчину, но тот явно знал его, причем знал хорошо.

— Кто я такой, Дутик? — весело спросил мужчина. Дутик раскрыл рот. Должно быть, это Кремень Стивенсон, его бесстрашный друг.

— Кремень? — прошептал он.

— Кремень? — повторил мужчина. И рассмеялся. — О, Господи, как бы я хотел быть этим самым Кремнем.

Внезапно земля дрогнула и по ней пронесся смерч. Все корабли, что были поблизости, разом взмыли и исчезли из виду.

Корабль Дутика остался один-одинешенек. До ближайших было около полумили.

— Это стартует твой полк, Дутик, — сказал мужчина. — А ты от них откололся. Тебе не стыдно?

— Кто ты такой? — спросил Дутик.

— Что значит имя в дни войны? — сказал мужчина. Он положил ему на плечо свою огромную ручищу. — О, Дутик, Дутик, Дутик, ну и досталось же тебе!

— Кто меня сюда привез? — спросил Дутик.

— Военная полиция, благослови их Господь, — ответил мужчина.

Дутик тряс головой. По его щекам текли слезы. Он был повергнут ниц. Теперь уже не к чему таиться, даже в присутствии того, кто мог и казнить, и миловать. Что касается помилования, то о нем бедный Дутик и не помышлял.

— Я... я пытался собрать свою семью,— пробормотал он.— Вот и все.

— Марс — очень неподходящее место для любви, Дутик, и для семьи тоже,— сказал мужчина.

Конечно же, это был Уинстон Найлз Рамфорд, главнокомандующий всеми марсианскими вооруженными силами. Он не служил ни в каком парашютном десанте, но мог носить любую форму и плевать хотел на страдания других людей.

— Дутик, самая печальная в мире история любви произошла на Марсе,— сказал он.— Хочешь, я расскажу тебе ее?

Как-то в летающем блюдце с Земли на Марс прибыл человек. Он записался добровольцем в марсианскую армию и уже успел облачиться в лихую форму подполковника пехоты штурмовиков. Он был, как говорится, обделен Господом в духовном плане и подобно всем духовно убогим людям считал себя малым элегантным, особенно в военной форме.

Его память еще не была стерта, а в череп не вмонтировали антенну, к тому же он разыгрывал из себя такого рьяного патриота Марса, что пользовался на космическом корабле полной свободой. Словом, это был разбитной малый, один из таких, кто назвал свои яйца Деймосом и Фобосом. Деймос и Фобос — марсианские луны.

На Земле этот горе-подполковник занимался, как говорят, «поисками себя». Ничего не ведая о деле, в которое его впутали, он бодро отдавал приказы другим новобранцам, и те его слушались».

Рамфорд назидательно поднял указательный палец, и Дутик с ужасом отметил, что палец совсем прозрачный.

На корабле была одна запертая каюта, в которую этого мужчину не пускали,— продолжал свой рассказ Рамфорд.— Команда заботливо пояснила ему, что в каюте томится самая прекрасная из женщин, и что любой мужчина влюбится в нее по уши с первого взгляда. А любовь, говорили они, может кого угодно сломить, кроме кадрового военного.

Наш новоиспеченный подполковник посчитал оскорбительным этот недвусмысленный намек на его профессиональную непригодность и угостил команду рассказами о своих победах над великолепными женщинами, добавив при этом, что ни одна из них не оставила царапины на его сердце. Команда отнеслась к этим рассказам с недоверием. Все намекали, что подполковник, несмотря на все свои былые похождения, никогда не имел дела с такой умной и высокомерной красоткой, какая томится в той каюте.

Подполковник стал выказывать явное презрение к команде. Ощувив это, новобранцы тоже стали относиться к нему иначе. Этого подполковника в его попугайской форме заставили почувствовать себя тем, кем он был на самом деле — кичливым клоуном. Никто не намекал ему, каким образом он мог бы возродить былое величие, но идея витала в воздухе. Это должна быть победа над томящейся в каюте

красоткой. И он решился на этот шаг, решился окончательно и бесповоротно.

Команда продолжала притворяться, что оберегает его от неудачи в любви и сердечных страданий. Чертово «Я» испепеляло его изнутри, оно трещало, шипело и рассыпалось искрами.

Однажды офицеры устроили в столовой пирушку. Наш подполковник надрызгался и разошелся вовсю. Он снова стал хвастаться распутством на Земле. И тут заметил, как ему в бокал положили ключ от той заветной каюты.

Подполковник, не мешкая, прокрался к каюте, вошел в нее и запер за собой дверь. Было темно, но его голову озаряло алкогольное пламя и блеск победных речей, которые он произнесет завтра.

В темноте он легко овладел той женщиной, так как она ослабела от страха и успокоительных таблеток. Это было безрадостное совокупление, не принесшее удовлетворения никому, кроме матери-природы в ее самом примитивном проявлении.

И подполковник чувствовал себя отнюдь не восхитительно. Он чувствовал себя ужасно. Сдуру он зажег свет, рассчитывая, что наружность женщины даст ему возможность насладиться содеянным зверством. На койке в скорбной позе лежала ничем не примечательная женщина, к тому же не первой молодости. Ее глаза были красны, а лицо распухло от слез и отчаяния.

Более того, оказалось, что подполковник ее знает. Перед ним была та самая женщина, которая, как предсказал прорицатель, в один прекрасный день родит ему ребенка. Когда они виделись в последний раз, она была горда и неприступна, теперь же выглядела столь подавленной, что даже черствый подполковник испытал к ней чувство жалости.

Впервые в жизни подполковник понял, что он не просто жертва беспощадной судьбы, но самый жестокий из ее посредников. (Для большинства людей это остается тайной до самой могилы). Эта женщина всегда считала его свиньей. Теперь он доказал, что она была права.

Как и предсказывала команда, подполковник с тех пор превратился в дерьмового вояку. Он безнадежно увяз в разработке замысловатой тактики, которая причиняла бы противнику не больше, а меньше вреда. Доказательством его успеха на этом новом поприще стало бы прощение той женщины.

Когда космический корабль прилетел на Марс, из разговоров в приемном покое госпиталя подполковник понял, что ему собираются вычистить память. Тогда он написал первую серию писем к себе, где постарался изложить то, чего не хотел забыть. Первое из этих писем целиком посвящалось женщине, им обещанной.

Он нашел ее после того, как ему провели курс амнезии, и обнаружил, что она его не помнит. Но это еще не все — женщина ждала ребенка. Отныне его целью стало завоевать любовь этой женщины и тем самым любовь ребенка.

И он всеми силами пытался это сделать, Дутик, много раз пытался, но постоянно терпел неудачу. Но все равно это оставалось главной

целью его существования, быть может, еще и потому, что сам он происходил из несчастливой семьи.

Причиной его неудачи, Дутик, была врожденная холодность той женщины, а также марсианская система психиатрии. Стоило этому человеку слегка поколебать чувства своей подруги, как безнадежно унылая психиатрия приводила ее в норму и снова делала из нее полезного для общества гражданина.

И мужчина, и его подруга были частыми гостями психиатрических отделений своих госпиталей. По-моему, стоит задуматься над тем, что этот истерзанный до предела человек оказался единственным марсианским философом, а эта терзающая себя до исступления женщина – единственным марсианским поэтом.

К базовому кораблю подъехал на велосипеде Боуз. Все это время он разыскивал Дутика.

– Без нас, что ли, улетают? – спросил он у Рамфорда.

– Черт побери, дружище, ну и досталось же из-за тебя твоему напарнику. Как ты сюда попал?

– Благодаря военной полиции, – ответил Дутик.

– Так же, как все куда-то попадают, – беспечно изрек Рамфорд.

– Мы должны их догнать, дружище, – сказал Боуз. – Ребята не пойдут в атаку, если рядом с ними не будет базового корабля. За что им тогда сражаться?

– За право быть первой армией, погибшей за справедливое дело, – сказал Рамфорд.

– Что такое? – не понял Боуз.

– Так, ничего. Ну-ка, ребята, садитесь в корабль, закрывайте люк и нажимайте кнопку пуска. И глазом моргнуть не успеете, как догоните своих. Все целиком автоматизировано.

Дутик с Боузом вошли в корабль. Рамфорд придержал наружную дверь люка.

– Боуз, та красная кнопка на центральной панели и есть пусковая кнопка, – сказал он.

– Знаю, – ответил Боуз.

– Дутик! – окликнул Рамфорд.

– Да? – механически отозвался тот.

– А знаешь, в истории, которую я тебе рассказал, ну, в истории любви, 'я упустил одну деталь.

– Неужели?

– Ты помнишь женщину, ту самую, которая родила ему ребенка и стала единственным марсианским поэтом?

– Ну и что? – Дутика эта женщина нисколько не интересовала. Он не догадался, что это была Би, его подруга.

– До того, как отправиться на Марс, эта женщина была несколько лет замужем. Но когда новоиспеченный подполковник проник в ее каюту, она все еще была девственницей.

Перед тем как захлопнуть дверь люка, Уинстон Найлз Рамфорд подмигнул Дутику.

– Здорово подшутили над ее супругом, а Дутик? – сказал он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОБЕДА

Не вижу причин, почему бы добру не торжествовать так же часто, как и злу. Ведь успех всякого предприятия прежде всего зависит от его организации. Если существуют ангелы, то почему бы им не организовать мафию?

Уинстон Найлз Рамфорд

Как известно, за всю историю своего существования земная цивилизация породила десять тысяч войн и всего три достойные внимания военные хроники – хроники Тацита, Юлия Цезаря и Уинстона Найлза Рамфорда.

В своей «Карманной истории Марса», произведении размером в 75000 слов, Уинстон Найлз Рамфорд настолько полно изложил ход событий, что о войне Марса с Землей больше и лучше не скажешь. Тот, кто сочтет своим долгом описать войну Марса с Землей, окажется посрамленным, обнаружив, что существует исчерпывающее и захватывающее описание этой войны, принадлежащее перу Рамфорда.

Единственный выход для такого горе-историка – изложить ход этой войны наипростейшим, наикратчайшим, наи-телеграфнейшим стилем и отослать читателя к шедевру Рамфорда.

Я прибегаю именно к такому выходу.

Война Марса с Землей длилась 67 земных дней.

Нападению подверглись все до единого земные государства.

Земля потеряла 461 человека убитыми, 223 ранеными (пленных не было) и 216 пропавшими без вести.

Марс потерял 149315 человек убитыми, 446 ранеными, 11 пленными и 46634 пропавшими без вести.

К концу войны все марсиане либо были убиты, либо ранены, некоторые попали в плен, а многие числились в списках пропавших без вести.

На Марсе не осталось ни одной живой души, ни единого строения.

К ужасу землян, последний расстрелянный ими в воздухе отряд марсиан состоял из стариков, женщин и нескольких ребятишек.

Марсиане прибыли на Землю в великолепно сконструированных космических кораблях, каких до сих пор не видели в Солнечной системе. Пока были живы настоящие командующие, осуществлявшие радиоконтроль, марсианские войска дрались самоотверженно и упорно, отважно шли в бой, чем завоевали молчаливое уважение тех, кто сражался против них на поле брани.

Однако марсианские войска быстро теряли своих командующих, и тогда солдаты становились вялыми и инертными.

Но главная беда марсиан заключалась в том, что они были вооружены не лучше участковых полисменов. Они располагали огнестрельным оружием, гранатами, ножами, минометами и небольшими ракетометами. У них не было ни ядерного оружия, ни танков, ни тяжелой артиллерии, ни прикрытия с воздуха.

К тому же марсианские корабли приземлялись на контролируемой врагом территории. Кораблями управляли автоматические пилоты-навигаторы, запрограммированные марсианскими техниками так, чтобы посадить корабли в определенных точках Земли, независимо от сложившейся там военной ситуации.

Управление осуществлялось при помощи двух кнопок, расположенных на центральном пульте кабины: одной – с надписью «пуск» и другой – с надписью «стоп». Нажатием пусковой кнопки осуществлялся старт с Марса. Кнопка с надписью «стоп» существовала для бутафории. Ее установили по настоянию марсианских психиатров, которые утверждали, что человеческие существа чувствуют себя лучше, если им кажется, что они могут сами остановить механизм.

Война Марса с Землей началась 23 апреля, когда 500 марсианских великолепных десантов-диверсантов овладели земной Луной. Им не было оказано ни малейшего сопротивления. На Луне в то время находилось 18 американцев, обслуживавших обсерваторию Джефферсона, 53 русских, работавших в Ленинской обсерватории, и 4 датских геолога, болтавшихся без всякого дела в своих «территориальных водах».

Марсиане заявили о себе по радио, требуя, чтобы Земля сложила оружие. И дали, по их собственному выражению, «вкусить адской пищи».

К величайшему изумлению землян, этой «адской пищей» оказался реденький дождик из ракет, несущих по двенадцать фунтов тринитротолуола каждая.

Попотчевав Землю «адским угощением», марсиане заявили, что положение ее обитателей безнадежно. Однако земляне считали иначе.

В течение последующих двадцати четырех часов Земля обрушила на марсианский плацдарм на Луне 617 термоядерных зарядов. Из них 276 поразили цели. Мало сказать, что они превратили в пыль лунный плацдарм, – они сделали Луну опасной для человеческого пребывания по крайней мере на десять миллионов лет.

По прихоти военной фортуны один из не попавших в цель снарядов угодил в строй космических кораблей, на борту которых в общей сложности находились 15671 марсианских Великолепных десантов-диверсантов. Он и решил судьбу всех до единого марсианских великолепных вояк.

У них были шипы на коленях, блестящие черные мундиры, у каждого из-за голенища торчал четырнадцатидюймовый зазубренный, как пила, нож, а в петлицах красовались череп и кости.

Их девизом было латинское изречение: «Через тернии к звездам, такое же, как девиз штата Канзас, США, Земля, Солнечная система, Млечный Путь».

За сим последовало тридцатидвухдневное затишье – столько времени понадобилось основной ударной силе, чтобы преодолеть безвоздушное пространство, разделяющее две планеты. Этой основной ударной силой было войско в 81932 человека, размещавшееся на 2311 кораблях. Здесь были представлены все рода войск, кроме марсианских Велико-

лепных десантов-диверсантов. Землянам не пришлось сидеть и гадать в страхе, когда прибудет эта устрашающая армада. Прежде чем превратиться в пыль, марсианские передатчики успели сообщить с Луны

на Землю, что эта несокрушимая сила прибудет туда через тридцать два дня.

Через тридцать два дня, четыре часа и пятнадцать минут марсианская армада врезалась в управляемое радарами термоядерное заграждение. По официальным подсчетам, количество термоядерных зенитных ракет, запущенных в марсианскую армаду, равнялось 2542670 штукам. Но кому интересны сухие цифры, если всю мощь этого заграждения можно выразить по-другому: и поэтично, и в то же время достаточно точно. Так вот, это заграждение превратило божественно лазурные земные небеса в дьявольское грязно-оранжевое месиво. Небо оставалось грязно-оранжевым целых полтора года.

Из всей могущественной марсианской армады уцелел лишь 761 корабль с 26635 солдатами на борту.

Приземлись эти корабли в одном месте, войско еще могло бы повоевать. Однако у электронных пилотов-навигаторов были свои соображения. Пилоты-навигаторы раскидали остатки армады по всей поверхности Земли. Из кораблей вылезали артиллерийские расчеты, взводы или роты и требовали, чтобы им сдавались многомиллионные нации.

Один калека по имени Кришна Гару напал с двустволкой на Индию. Им никто не управлял по радио, но все равно он сдался лишь тогда, когда взорвалось его оружие.

Единственным успехом марсиан в этой войне был захват парашютным десантом в составе 17 человек мясного рынка в Базеле, Швейцария.

Во всех остальных местах марсиан укукошили мгновенно, не дав им даже окопаться.

Уничтожением марсиан занимались не только профессионалы-военные, но и любители. Например, в битве у Бо-ка-Рейтон во Флориде, США, миссис Лаймон Р. Петерсон застрелила четырех марсианских пехотинцев-штурмовиков из двадцатидвухкалиберной винтовки своего сына. Она уложила их, когда они вылезали из корабля, приземлившегося на ее заднем дворе.

Эта женщина была посмертно удостоена Почетной медали Конгресса.

По воле случая, на Бока-Рейтона напали остатки роты Дутика и Боуза. Без Боуза, своего настоящего командира, управляющего ими по радио, они сражались, мягко выражаясь, без малейшего интереса.

Когда для схватки с марсианами в Бока-Рейтон прибыли американские войска, схватиться уже было не с кем. Их опередили вошедшие в раж горожане. На фонарных столбах в деловом районе города болтались трупы двадцати трех марсиан, одиннадцать человек были расстреляны, а сержант Брэкмен в тяжелом состоянии отправлен в местную тюрьму.

Всего в атаке принимали участие 35 марсиан.

— Пришлите нам еще хоть немного марсиан, — попросил Росс Л. Максуон, мэр Бока-Рейтона.

Впоследствии он стал пленом сената Соединенных Штатов.

Марсианам устроили на Земле настоящую бойню, и уже через несколько часов невредимым остался лишь парашютный десант, закативший пирушку на территории мясного рынка в Базеле, Швейцария. Их предупредили через громкоговоритель, что их положение

безнадежно, над ними летают бомбардировщики, а все улицы заблокированы танками и первоклассной пехотой, к тому же на мясной рынок нацелены пятьдесят артиллерийских орудий. Им приказали выйти с поднятыми руками, иначе от мясного рынка останутся одни щепки.

— Никогда! — рявкнул настоящий командир парашютного десанта. За сим снова последовала передышка.

Какой-то марсианский разведывательный корабль передал издали, что на Землю готовится еще одно массированное нападение, равно которому не сыскать в анналах истории войн.

Земляне улыбнулись и приготовились достойно отразить это нападение. Повсюду весело захлопали выстрелы: люди осваивали легкое огнестрельное оружие.

К пусковым установкам были доставлены новые запасы термоядерных снарядов, а в сторону Марса стартовало девять мощных ракет. Одна из них действительно взорвалась на Марсе, стерев с лица планеты город Фоб и военный лагерь. Две исчезли в хроно-синкластической инфандибуле. Остальные превратились в космических скитальцев.

Марс можно было и не трогать.

К тому времени там не осталось ни одной живой души.

Последние из марсиан были уже на пути к Земле.

Они прибыли на Землю в три приема.

Сначала прибыл 721 корабль, на борту которых находились 26119 новобранцев.

Через двенадцать земных часов прибыли еще 1738 кораблей с 86912 вооруженными гражданскими лицами мужского пола. Они были без мундиров, из ружей стреляли всего по разу и совершенно не умели обращаться с другими видами оружия.

Через двенадцать земных часов после прибытия этих злополучных ополченцев приземлились еще 46 марсианских кораблей с 1443 безоружными женщинами и детьми.

КУРТ ВОННЕГУТ · СИРЕНЬ ТИТАНА

Это была последняя партия марсиан.

За кулисами марсианского самоубийства стоял Уинстон Найлз Рамфорд.

Это самоубийство было продумано тщательнейшим образом и финансировалось за счет доходов от земельных участков, ценных бумаг, бродвейских шоу и изобретений. Поскольку Рамфорд умел заглядывать в будущее, нажить громадные деньги оказалось для него парой пустяков.

Марсианская казна хранилась в швейцарских банках в счетах на предъявителя, назвавшего определенный цифровой код.

Человеком, осуществлявшим эти вклады, руководившим программой поставок на Марс и стоявшим во главе марсианской секретной службы на Земле, был герцог Монкрифф, древний лакей Рамфорда. Он выполнял приказы своего хозяина. Монкрифф, получивший на самом закате своей рабской жизни право повелевать людскими судьбами, оказался безжалостным и энергичным деятелем, одним словом, первоклассным премьер-министром Рамфорда по земным делам.

Внешне положение Монкриффа оставалось прежним.

Он дожил до глубокой старости и умер в собственной постели в правом крыле Рамфордского особняка через две недели после окончания войны.

Лицом, ответственным за технологическую сторону марсианского самоубийства, был Сало, друг Рамфорда на Титане. Сало был посланником планеты Тральфамадор, что находится в Малом Магеллановом Облаке. Секреты технологии стали известны Сало от цивилизации, возраст которой измерялся миллионами земных лет. Сало был обладателем космического корабля, который даже в искореженном состоянии был чудом, невиданным в Солнечной Системе. Искореженный корабль Сало, лишенный каких бы то ни было признаков роскоши, стал прототипом всех марсианских кораблей. Хоть Сало и был не очень хорошим инженером, тем не менее он сумел измерить каждую деталь своего корабля и разработать чертежи его марсианских потомков.

Но главное, Сало имел в своем распоряжении огромное количество могущественнейшей из всех существующих источников энергии — ОВВ, иначе говоря, Образующей Воли Вселенной. Сало щедро пожертвовал половину своего запаса ОВВ на самоубийство Марса.

Успехом своих финансовых, поставочных и разведывательных операций герцог Монкрифф, лакей, был обязан безжалостной власти денег над хитрыми, злобными и неудовлетворенными людьми, которые долгие годы прожили за фасадом рабства.

Эти люди брали марсианские деньги, охотно подчинялись марсианским приказам и не задавали никаких вопросов. Они были признательны за предоставленную им возможность трудиться как термиты, возводя железобетонный каркас военной машины.

Это были представители самых различных общественных слоев.

Обработанные специалистами чертежи космического корабля Сало были разделены на отдельные фрагменты. Агенты Монкриффа снабдили ими промышленников во всех уголках земного шара.

Промышленники понятия не имели, что они делают. Они знали одно — заказы обеспечат им прекрасные доходы.

Первая сотня марсианских кораблей была собрана агентами Монкриффа в тайных депо на Земле.

Эти корабли были снабжены ОВВ, которую Рамфорд передал Монкриффу во время одной из своих материализации в Ньюпорте. Они тотчас же были пущены в дело и стали летать туда и обратно, загруженные оборудованием и первыми партиями новобранцев, которых доставляли на железную марсианскую равнину, где намечалось воздвигнуть город Фэб.

Когда Фэб был построен, каждый его механизм стал приводиться в движение той же ОВВ Сало.

Согласно сценарию Рамфорда, Марс должен был проиграть войну, причем проиграть бездарно и по-страшному. Умея заглядывать в будущее, Рамфорд знал наперед, что все так и будет, чем был чрезвычайно доволен.

Он рассчитывал изменить мир к лучшему, дав ему ярчайший пример глупейшего самоубийства, которому подверг себя Марс.

Вот что пишет Рамфорд в своей «Карманной истории Марса»: «Тот, кто хочет кардинальным образом изменить мир, должен уметь это дело как следует обставить, быть готовым без зазрения совести пролить кровь других людей, а также иметь под рукой солидное религиозное учение,

чтобы подбросить его людям в период раскаяния и содрогания, обычно следующий за кровопролитием».

«Прежние неудачи земных правительств объяснялись отсутствием по крайней мере одного из этих компонентов», — утверждает Рамфорд.

«С нас довольно переворотов, во время которых ни за что ни про что гибнут миллионы людей! — восклицает Рамфорд. — Пусть ради разнообразия хорошо организованная кучка меньшинства сложит свои головы за большинство».

Эта кучка организованного меньшинства была у Рамфорда на Марсе, и организовал ее он сам.

Рамфорд умел все красиво обставить.

И был готов без зазрения совести пролить людскую кровь.

У него под рукой была солидная новенькая религия, которую он и намеревался пустить в обиход к концу войны.

К тому же он знал как продлить период раскаяния и содрогания, следующий за кровопролитием. Он собирался использовать единственный мотив, а именно: объявить, что блистательная победа Земли над Марсом на деле было лишь отвратительным истреблением безоружных святых, которые затеяли ничтожную войну с Землей лишь для того, чтобы сплотить людей планеты в Монолитное Братство Человека.

Женщина по имени Би и ее сын Хроно оказались в самом последнем потоке марсианских кораблей, летящих к Земле. Это был даже не поток, а ручеек, состоявший всего из сорока шести кораблей.

От всего остального марсианского флота к тому времени остался один пепел.

Этот последний поток, или ручеек, тоже был обнаружен Землей. Но в него не запустили термоядерными снарядами: больше запускать было нечего.

Все запасы термоядерных снарядов были израсходованы.

И этот ручеек, оставшийся, можно сказать, невредимым, разбрызгался по всей Земле.

Немногие земляне, которым представилась возможность укокошить марсиан, с удовольствием в них пальнули. И тут же обнаружили, что их мишенями стали невооруженные женщины и дети.

Славная война была окончена.

Как и рассчитывал Рамфорд, сердца людей стали понемногу наполняться раскаянием и содроганием.

Когда корабль, на борту которого находились Би с Хроно и еще двадцать две женщины, приземлился, по нему никто не стал палить. Потому что он приземлился в нецивилизованном месте.

Это была Амазонская сельва в Бразилии.

В живых из всех пассажиров остались лишь Би и Хроно.

Выбравшись из корабля, Хроно поцеловал свой талисман.

По Дутику с Боузом тоже никто не палил.

Когда они нажали кнопку «пуск» и взлетели с Марса, с ними произошло нечто странное. Оба надеялись догнать свою роту, но так и не догнали.

Даже издали не увидели ни одного корабля.

Существовало очень простое объяснение, правда, поблизости не оказалось никого, кто мог бы его дать: Дутику с Боузом в данный момент не полагалось лететь на Землю.

Рамфорд настроил автоматического пилота-навигатора таким образом, что сначала корабль должен был доставить Дутика и Боуза на планету Меркурий, а уж с Меркурия на Землю.

Рамфорд не хотел, чтобы Дутика убили на войне.

Рамфорд хотел, чтобы Дутик отсиделся годика два в каком-нибудь безопасном местечке.

И потом как бы чудом очутился на Земле.

Рамфорд приберег Дутика для коронного номера в том пышном спектакле, который собирался поставить, дабы утвердить на Земле свою религию.

Дутик с Боузом испытывали глубокое одиночество, продираясь сквозь пучины таинственного космоса.

Дел не было никаких, впечатлений тоже.

— Черт побери, Дутик, куда могла деться вся шайка? — недоумевал Боуз.

К тому времени почти вся их шайка болталась на фонарных столбах в деловом районе Бока-Рейтона.

Автопилот корабля, в котором они летели, кроме всего прочего, регулировал в каюте освещение, искусственно создавая цикличность земных ночей и дней.

На его борту было всего две книжонки, брошенные теми, кто его собирал. Это были комиксы «Твитти и Сильвестр», где рассказывалось о том, как канарейка свела с ума kota, и «Нищие духом» —

повествование о человеке, укравшем золотые подсвечники у священника, который был к нему добр.

— И на черта ему сдались эти подсвечники, а, Ду-тик? — вопрошал Боуз.

— Черт его знает, — отвечал тот. — Плевать я на него хотел.

Секунду назад пилот-навигатор погасил свет, и в каюте наступила ночь.

— Тебе на все плевать, да? — спросил из темноты Боуз.

— Ага, — отозвался Дутик. — Даже на ту штуковину, которая у тебя в кармане.

— А что у меня в кармане?

— Штуковина, которая делает людям больно и заставляет их делать то, что ты хочешь.

Дутик услышал ворчание Боуза и его приглушенный стон. Он знал, что Боуз нажал кнопку той штуковины, что была у него в кармане, ту самую, которая должна была парализовать Дутика болью.

Дутик не проронил ни слова.

— Дутик?.. — раздался голос Боуза.

— Да? — отозвался тот.

— Ты здесь, дружище? — растерянно спросил Боуз.

— А где я должен быть? Думаешь, ты превратил меня в пар?

— Ты в порядке, дружище? — спросил Боуз.

— А почему бы и нет, дружище? — ответил Дутик. — В прошлую ночь, пока ты спал, старина, я достал из твоего кармана эту дурацкую штуковину, вытащил из нее всю начинку и набил туалетной бумагой. А сейчас, старина, я сижу на своей койке с заряженной винтовкой и целюсь в тебя. Черт побери, старина, не хотел бы я очутиться на твоём месте...

Во время войны между Марсом и Землей Рамфорд дважды материализовался на Земле в городе Ньюпорте: в первый раз, как только началась война, и во второй раз — в день ее окончания. В то время ни он, ни его собака еще не имели никакого религиозного значения. Они служили лишь приманкой для туристов.

Держатели закладных сдали рамфордовское поместье в аренду одному балаганщику по имени Марлин Т. Лэпп. Лэпп продавал билеты на материализацию по доллару за штуку.

Кроме самого появления и исчезновения Рамфорда и его собаки, смотреть было не на что. Рамфорд разговаривал только с Монкриффом, но с ним он разговаривал шепотом. Он сидел, ссутулившись, в кресле с подлокотниками в «Музее шкипера» и о чем-то размышлял. Правой рукой он прикрывал глаза, левой держал Казака за ошейник.

Рамфорда с Казаком прозвали призраками.

Снаружи к окну комнатки приставили подмости, а дверь в коридор сняли. Зеваки шли мимо гуськом, чтобы взглянуть на хроно-синкластически инфандибулированных человека и собаку.

— Мне кажется, друзья, сегодня он не слишком расположен к разговорам, — обычно объявлял Марлин Т. Лэпп. — Вы должны понять, что ему есть над чем поразмыслить. Ведь он, друзья, в настоящий момент

находится не только здесь. Он и его собака разбросаны по всему пути от Солнца до Бетельгейзе.

До окончания войны весь спектакль вместе с шумовым оформлением ставился самим Лэппом.

— Как чудесно, что в этот великий, незабываемый день мировой истории вы пришли взглянуть на это незабываемое культурное, образовательное и научное зрелище, — провозгласил Лэпп в последний день войны.

— Если этот призрак когда-нибудь заговорит, — распинался Лэпп, — он поведаст нам о чудесах прошлого и будущего, поведаст о тех неслыханных чудесах, которые творятся во Вселенной. Надеюсь, кое-кому из вас посчастливится оказаться здесь в тот час, когда он решит, что пришло время поделиться с нами своими знаниями.

— Оно пришло, — раздался голос Рамфорда, точно из пустой бочки. Уинстон Найлз Рамфорд произнес речь:

«Война, которая сегодня завершилась победой, увенчала славой, однако, лишь головы святых, которые ее проиграли. Эти святые когда-то были такими же землянами, как и вы. Они отправились на Марс, разыграли это заведомо обреченное на провал нападение и с готовностью приняли смерть во имя того, чтобы все земляне смогли наконец-то сплотиться в единое сообщество — дружное, счастливое и независимое.

Они умирали не с мыслью попасть в рай, а с надеждой на то, что людское братство на Земле будет вечным.

И вот в предвкушении этого события, на которое они с таким благоговением уповали, я предлагаю вашему вниманию новую религию. Пусть она прорастет во всех земных сердцах.

Скажем «нет» границам между государствами.

Скажем «нет» войне.

Скажем «нет» страху, зависти, ненависти.

Название этой новой религии — «Церковь Господа Крайне Безразличного».

Флаг этой церкви сине-золотой. На нем золотыми буквами по синему фону будут написаны следующие слова: «Заботься о людях, а всемогущий Господь позаботится о себе сам».

Вот две основные заповеди новой религии: «Слабый человек ничем не может помочь всемогущему Господу или уважить его чем-то» и «Удача не есть промысел божий».

Вы спросите, почему вы должны исповедовать именно эту религию, а не какую-либо другую? И я вам отвечу: вы должны исповедовать эту религию потому, что я, ее глава, могу творить чудеса, а отцы церковей их творить не могут. Какие чудеса я могу творить? Я могу предсказать с абсолютной точностью, что произойдет в будущем».

Потом Рамфорд пересказал в подробностях пятьдесят событий будущего.

Эти предсказания были тщательно зафиксированы присутствующими.

Нет нужды говорить о том, что они в конечном счете исполнились, исполнились с точностью до мельчайших подробностей.

«Поначалу заповеди новой религии покажутся вам туманными и приведут в замешательство.— продолжил Рамфорд.— Однако со временем они станут для вас кристально ясными и проникнут в самые глубины душ.

Сейчас же я расскажу вам одну притчу, которая окончательно собьет вас с толку.

Однажды по воле удачи в самом богатом на Земле семействе родился ребенок по имени Малачи Констант. В этот же самый день тоже по воле удачи слепая старушка наступила на ролик на верхней площадке цементной лестницы, лошадь полицейского наступила на мартышку шарманщика, а выпущенный на свободу грабитель банков обнаружил на дне своего сундука на чердаке почтовую марку в девятьсот долларов. Итак, спрашиваю я вас: является ли удача промыслом божьим?

Рамфорд поднял свой указательный палец, который был прозрачным, поднял как чашку тонкого лиможского фарфора.

— В мой следующий визит, братья верующие, я расскажу вам притчу о людях, которые воображают, будто делают то, что хочет от них всемогущий Господь. Чтобы понять эту притчу, вам нужно прочитать все, что вы сможете достать об Испанской инквизиции.

В следующее свое появление на Земле я дам вам Библию, адаптированную к современности, а также краткую историю Марса, правдивый рассказ о святых, которые умер-

ли во имя того, чтобы наш мир стал Братством Человека. Этот рассказ сокрушит сердце каждого существа, у которого есть сердце, способное сокрушаться».

На этом Рамфорд и его собака внезапно дематериализовались.

В каюте космического корабля, взлетевшего с Марса в сторону Меркурия, того самого, в котором находились Ду-тик с Боузом, по воле автопилота наступил новый день.

На рассвете, предшествовавшем этому дню, Дутик сказал Боузу, что штукovina в его кармане теперь уже никому не сможет сделать больно.

Дутик спал, сидя на своей койке. На коленях у него лежал заряженный маузер с взведенным курком.

Боуз не спал. Он лежал на своей койке напротив Дути-ка. Боуз за всю ночь не сомкнул глаз. Сейчас он мог бы спокойно разоружить и убить Дутика.

Но Боуз решил, что ему гораздо больше нужна не та штукovina, которая заставляет людей делать то, что он хочет, а обыкновенный друг. За эту ночь он так много передумал, что совсем перестал понимать, что же все-таки ему нужно от людей.

Чтобы рядом всегда кто-то был, чтобы не терзал вечный страх — вот что ему было нужно. А главное — иметь настоящего друга.

Вдруг каюту наполнил какой-то странный шелестящий кашель. Это смеялся Боуз. Странный потому, что Боуз никогда так не смеялся, — он никогда не смеялся над теми вещами, над которыми смеялся теперь.

Он потешался над жуткой неразберихой, в которой сам когда-то участвовал, над тем, как, служа в армии, притворялся, будто разбирается во всем, что творится вокруг, и думал что все, что творится вокруг, превосходно. Он потешался над тем, с какой

покорностью позволил использовать себя — один Бог знает кому и во имя чего.

— Боже правый, дружище, что мы здесь делаем? — вслух вопрошал он.— Зачем на нас эта одежда? Кто правит этой идиотской штуковиной? Для чего мы влезли в эту консервную байку? Почему мы должны в кого-то стрелять, когда прилетим туда, куда летим? Для чего они должны целиться и стрелять в нас? Для чего? Дружище, скажи мне, для чего?

Дутик проснулся и направил на Боуза дуло своего маузера.

Боуз продолжал смеяться. Он выхватил из кармана контрольный пульт и хватил им об пол.

— Он мне больше не потребуется, дружище. Хорошо, что ты выдрал из него потроха. Он мне теперь не нужен.— И тут Боуз завопил во все горло: — Да на черта мне все это барахло!!!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В ГОЛЛИВУДСКОМ НОЧНОМ КЛУБЕ

Фисгармонии—единственная известная форма жизни на планете Меркурий. Фисгармонии обитают в пещерах. Трудно представить себе более грациозное создание.

«Детская Энциклопедия чудес и развлечений»

Планета Меркурий поет, точно хрустальный кубок.

Она поет без пауз.

Одна сторона Меркурия обращена к Солнцу. Эта сторона всегда обращена к Солнцу. Она представляет собой море раскаленной добела пыли.

Другая сторона обращена во тьму вечного пространства. Эта сторона всегда обращена во тьму вечного пространства. Она представляет собой гигантские сине-белые заросли пронзительно холодных кристаллов.

Этот контраст между раскаленной полусферой вечного дня и ледяной полусферой вечной ночи и заставляет Меркурий петь.

У Меркурия нет атмосферы, поэтому песня, которую он поет, слышна лишь на ощупь.

Песня эта медленная. Целое земное тысячелетие Меркурий держит одну-единственную ноту. Некоторые считают, что когда-то эта песня была быстрой, темпераментной, искрящейся. Возможно, это и так.

В пещерах Меркурия обитают живые существа.

Песня, которую поет планета, для них жизненно необходима, так как эти существа питаются вибрацией, словом, механической энергией.

Эти существа присасываются к похшим стенам пещер.

И таким образом получают энергию от песни Меркурия.

В глубинах пещер Меркурия тепло и уютно.

На глубине их стены фосфоресцируют. Они отливают бледно-желтым цветом.

Существа, живущие в пещерах, прозрачны. Они цепляются за стены, и этот фосфоресцирующий свет проходит через их тела. Однако, проходя через их тела, желтый цвет превращается в яркий аквамарин.

Природа удивительна.

Эти пещерные жители очень напоминают маленьких бесхребетных воздушных змеев. Это ромбовидные существа, взрослые особи которых достигают фута в высоту и восьми дюймов в ширину. Их кожа не плотней оболочки воздушного шарика.

У каждого существа по четыре присоски, благодаря которым оно передвигается, цепляясь за стены и определяя, где «слышнее» всего песня Меркурия.

Обнаружив место, обещающее хорошее питание, существа распластываются по стене, как намокшие обои.

Эти существа не испражняются.

Они размножаются путем расслаивания. Новорожденные, отделяющиеся от своих родителей, похожи на хлопья перхоти.

У них всего один пол.

Период детства у них отсутствует. Отслоившиеся хлопья начинают расслаиваться через три земных часа после того, как они сами отслоились.

Они достигают зрелости и пребывают в ней, пока длится песня Меркурия.

Одно существо никак не может причинить вред другому, да здесь и нет для этого нужды.

Голод, зависть, честолюбие, страх, возмущение, религия и похоть — эти понятия им неизвестны.

Существа обладают всего одним чувством — осязанием.

Кроме того, у них немного развита телепатия. Послания, которые они могут передавать и получать, почти так же однообразны, как и песня Меркурия. Они располагают всего двумя видами посланий. Первое является автоматическим ответом на второе и второе — автоматическим ответом на первое.

Первое: я здесь, я здесь, я здесь.

Второе: ну и хорошо, ну и хорошо, ну и хорошо.

И последняя характеристика этих существ, которая необъяснима с точки зрения природной целесообразности: они любят выстраивать на фосфоресцирующих стенах своих пещер замечательные узоры.

Хотя они слепы и безразличны к посторонним взглядам, тем не менее часто выстраивают на стенах точные фигуры

ослепительно желтых и ярко-аквамариновых бриллиантов. Желтый свет исходит от голых стен пещеры, аквамаринный — это цвет стен, пропущенный через тела существ.

За любовь к музыке и служение красоте земляне дали этим существам красивое имя.

Они дали им имя фисгармонии.

Дутик с Боузом выбрали темную сторону Меркурия. Марс они покинули семьдесят девять земных дней тому назад. Они не знали, что планета, на которую садился их корабль, Меркурий.

Солнце казалось таким огромным и грозным...

Но это не мешало им думать, что они садятся на Землю.

Они потеряли сознание во время резкого торможения. Теперь постепенно приходили в себя и все глубже проникались жестокой и сладкой иллюзией.

Дутику с Боузом казалось, будто их корабль медленно опускается между небоскребами, по которым шарят прожекторы.

— И никакой стрельбы,— констатировал Боуз.— Война или уже кончилась, или еще не начиналась.

Лучи праздничного света, которые они увидели, исходили не от прожекторов. Эти лучи исходили от высоких кристаллов на границе между светлым и темным полушариями Меркурия. Кристаллы отражали солнечные лучи, преломляли их сквозь призму и посылали на темную сторону. Кристаллы на темной стороне ловили эти лучи и посылали их дальше.

И действительно, создавалось впечатление, будто лучи прожектора выхватывают из темноты контуры сооружений какой-то изощенной цивилизации. Густые заросли сине-белых кристаллов вполне можно было принять за небоскребы, величественные и прекрасные.

Стоявший возле иллюминатора Дутик тихонько вскрикнул. Он тосковал по любви, семье, дружбе, правде. То, о чем он горевал, было всего лишь пустой абстракцией, поскольку его память хранила лишь несколько лиц и обрывков былого, из которых его воображение составляло мелодраму. В черепе, точно высохшие кости, стучали имена: «Кремень Стивенсон, друг... Б и, жена... Хроно, сын... Дутик, отец...»

Неожиданно на ум пришло имя Малачи Констант, но он не знал, что оно означает.

Дутик вовсю расфантазировался. Его душа наполнилась благоговением перед прекрасными людьми, воздвигнувшими величественнейшие здания, которые теперь выхватывал из

темноты луч прожектора. А в них какие-то семьи, чьи-то друзья, надежды, цветущие, как...

Дутику никак не приходило на ум подходящее сравнение для этого цветения.

— Дружище, похоже, там все спят, но не вечным же сном! — воскликнул Боуз. Его голос был вкрадчивым, глаза блестели.— Когда старина Боуз со стариной Дутиком попадут в этот город, все мигом проснутся и не смогут заснуть несколько недель кряду!

Пилот-навигатор искусно вел корабль на посадку. Приборы разговаривали между собой на тревожной ноте: вращались, жужжали, щелкали, гудели. Они нащупывали и обходили опасные места, выискивая идеальную посадочную площадку.

Создатели летающей тарелки зарядили все приборы одной идеей: найти убежище для драгоценных войск и грузов, которые планировалось перевозить на борту. Эти драгоценные войска и грузы пилот-навигатор должен был посадить в самое большое углубление, которое сумеет обнаружить. Предполагалось, что посадка будет происходить под вражеским огнем.

А корабль все падал, падал и довольно быстро.

Так называемые прожекторы и небоскребы уже не были видны. Теперь корабль со всех сторон окружала гнетущая тьма.

В каюте стояла столь же гнетущая тишина. Дутик с Боузом наконец поняли, что с ними происходит, уловили чутьем, что их хоронят заживо.

И правильно поняли.

Внезапно корабль накренился, и Боуз с Дутиком полетели на пол.

Встряска подействовала на них облегчающе.

— Наконец-то мы дома! — воскликнул Боуз.— Добро пожаловать домой!

Тут они снова испытали тошнотворное ощущение падающего листа.

По прошествии двадцати земных минут корабль все еще осторожно падал.

Его все чаще кренило. Боуз с Дутиком легли на койки. Они лежали вниз лицом, обхватив руками стальные спинки коек.

В довершение их страданий по велению пилота-навигатора наступила ночь.

Скрежещущий звук снаружи заставил Дутика с Боузом отвлечься от созерцания подушек и посмотреть в иллюминаторы. Оттуда сочился бледно-желтый свет.

Дутик с Боузом завопили от радости и бросились к иллюминаторам. Но тут же были повергнуты на пол, так как корабль, преодолев очередное препятствие, продолжил свое падение.

По прошествии одной земной минуты падение прекратилось.

Пилот-навигатор издал скромный щелчок. Благополучно доставив свой груз с Марса на Меркурий, он, как ему и было предписано, отключился.

Он доставил свой груз на дно пещеры глубиной в сто шестнадцать миль от поверхности Меркурия. Он петлял, спускаясь по извилистой системе ходов.

Боуз первым добрался до иллюминатора, выглянул наружу и увидел веселенькое мерцание желтых и аквамаринových бриллиантов, образованных на стенах пещеры фисгармониями.

— Дутик! — воскликнул Боуз.— Черт побери, да он посадил нас прямо посреди голливудского ночного клуба!

Уместно вспомнить основные моменты техники дыхания по Шлиеману с тем, чтобы понять случившееся в следующую минуту. Находясь в герметической каюте, Дутик с Боузом получали кислород из шариков через кишечник. Здесь было создано искусственное давление и поэтому им не нужно было зажимать ноздри, запечатывать уши и держать закрытыми рты. Это самозапечатывание было необходимо лишь в вакууме или же отравленной атмосфере.

Боузу казалось, будто космический корабль со всех сторон окружала благодатная атмосфера родной Земли.

На самом же деле его окружал вакуум.

С величайшей небрежностью Боуз распахнул внутреннюю и наружную двери тамбура, рассчитывая окунуться в ласковую земную атмосферу.

В ответ грохнул взрыв.

Боуз поспешил захлопнуть дверь, но все равно и он, и Дутик успели захлебнуться собственной кровью.

Они потеряли сознание, их органы дыхания обильно кровоточили.

От гибели их спасла автоматическая аварийная система, которая на взрыв ответила своим, тем самым моментально приведя в норму давление в каюте.

— Мама,— придя в себя, сказал Боуз.— Проклятье, мама, да ведь это, черт побери, не Земля.

Тем не менее Дутик и Боуз не ударились в панику.

Они подкрепили свои силы пищей, отдыхом, питьем и шариками.

Потом запечатали уши и ноздри, закрыли рты и занялись обследованием соседней с кораблем территории. Они пришли к выводу, что их гробница глубока, извилиста, без конца и начала, без воздуха, что она необитаема.

Они обратили внимание на фистгармоний, но в присутствии здесь этих живых существ не углядели ничего для себя обнадеживающего. Эти существа показались им мерзкими.

Дутик с Боузом никак не могли поверить в то, что попали в такое дрянное место. Неверие и спасло их от паники.

Они вернулись на свой корабль.

— О'кей,— сказал Дутик и облизнул губы.

— Нажмем-ка эту пусковую кнопку и взлетим, как птички,— сказал Боуз.

— О'кей,— согласился Дутик.

— А знаешь, люди в тех зданиях наверху могут даже не знать о том, что творится здесь, внизу,— продолжал рассуждать Боуз.— Может, мы с тобой открыли такое, что их пора з и т.

— Конечно,— кивнул Дутик. Он всем телом чувствовал давление этих каменных нагромождений над головой, чуял душой истинные масштабы переплета, в который они попали. Вокруг них и под ними были ходы, которые разветвлялись и разветвлялись до бесконечности; ветки на веточки, а веточки на множество отверстий толщиной с игольное ушко.

Предчувствие не обмануло Дутика: ни один из этих десяти тысяч ходов не вел на поверхность.

Космический корабль, благодаря блестяще сконструированному щупу на корме, легко находил дорогу вниз по одному из немногих входных отверстий – вниз, вниз и вниз.

О чем не могло сказать предчувствие Дутику, так это о врожденной тупости пилота-навигатора, когда дело касалось подъема. Конструкторам и в голову не пришло, что перед кораблем может возникнуть проблема подъема наверх. Ведь все марсианские корабли были предназначены для того, чтобы беспрепятственно взлететь с Марса и опуститься на Землю. Этим исчерпывалось их назначение. Вот почему на корабле не было щупа, который мог бы обнаруживать препятствия при движении вверх.

– Прощай, старушка-пещера! – сказал Боуз.

Дутик небрежно нажал на пусковую кнопку.

Пилот-навигатор загудел.

Корабль с шуршащей легкостью оторвался от пола пещеры, коснулся стены, потерял о нее со скрежущим душераздирающим стоном, стукнулся носом о верхний выступ, дал задний ход, еще раз стукнулся о выступ, дал задний ход, опять уперся в выступ и снова с шуршанием пошел вверх. Потом раздался жуткий скрежет, теперь уже со всех сторон.

Движение прекратилось.

Корабль застрял в огромной каменной глыбе.

Пилот-навигатор взревел и выбросил сквозь настил пола струю дыма горчичного цвета.

Пилот-навигатор перегрелся и смолк. Перегрев означал, что корабль попал в аварийное состояние, из которого его нужно срочно выводить. За что он сам принялся с жутким скрежетом. Стальные, детали стонали, заклепки хлопали, как ружейные выстрелы.

Наконец корабль высвободился из объятий камня.

Пилот-навигатор знал, что его взяла. Он опустил корабль вниз и нежно посадил на пол пещеры.

Пилот-навигатор выключился.

Дутик снова нажал на пусковую кнопку.

И снова корабль ткнулся носом в кончающийся тупиком проход, снова дал задний ход, сел на пол и отключился.

Этот цикл был повторен раз десять, пока не стало ясно, что таким образом можно лишь угробить корабль. И так его обшивка уже здорово помялась.

Когда корабль в двенадцатый раз сел на пол пещеры, надежды Дутика и Боуза растаяли как дым. Они разрыдались.

– Смерть нам, Дутик, смерть, – твердил Боуз.

– А я и не припомню, чтобы когда-нибудь жил, – со скорбью в голосе изрек Дутик. – Думал, хоть теперь немного поживу.

Он подошел к иллюминатору и сквозь слезы выглянул наружу.

Ближайшие к иллюминатору существа образовали на аквамариновом фоне очень правильную бледно-желтую букву «Т». Разумеется, эти безмозглые, беспорядочно разбросанные твари могли образовать это

«Т» совершенно случайно. Но тут Дутик увидел, что «Т» предшествует очень правильное «С», а «С» — очень правильное «М».

Дутик вытянул шею и глянул вбок. Ему открылась перспектива облепленной фисгармониями стены длиной в сотню ярдов.

Дутик застыл от изумления, обнаружив, что фисгармонии составили послание из светящихся букв.

Вот что это было за послание, написанное бледно-желтыми буквами по аквамаринному фону:

«ПРОВЕРКА УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГОЛОВОЛОМКА

Вначале Бог стал Небом и Землей... И сказал Бог: «Да буду Я Светом», и стал Он Светом.
Библия в обработке Уинстона Найлза Рамфорда

В качестве прекрасного блюда к чаю попробуйте трубочки, из молодых фисгармоний, наполненные творогом с Венеры.

«Галактическая кулинарная книга» Беатрис Рамфорд

Если говорить о духовной жизни, то мученики с Марса погибли не тогда, когда напали на Землю, а когда их завербовала к себе на службу марсианская военная машина.

«Карманная история Марса» Уинстона Найлза Рамфорда

Я отыскал себе такое местечко, где могу быть добреньким, не причиняя вреда другим.

Боуз в книге Сары Кэнби

«Дутик и Боуз в пещерах Меркурия...»

Бестселлером последних лет является Библия в обработке Уинстона Найлза Рамфорда. За ней по своей популярности следует изысканнейшая «Галактическая кулинарная книга» Беатрис Рамфорд. На третьем месте «Карманная история Марса» Уинстона Найлза Рамфорда. На четвертом — детская книга Сары Хорн Кэнби «Дутик и Боуз в пещерах Меркурия».

На серой обложке книги миссис Кэнби помещена льстивая реклама ее успеха, написанная издателем: «Какой ребенок не мечтает потерпеть космическое кораблекрушение и очутиться на необитаемой планете с запасами гамбургеров, сосисок, кетчупа, крекеров и содовой».

В книге «А не являются ли взрослые фисгармониями?» доктор Фрэнк Мино усматривает нечто патологическое в любви детей к этой книге. «Отдаем ли мы себе отчет в том, как понятны нашим детям серьезное и уважительное отно-

шение Дутика и Боуза к этим бесчувственным и безмозглым существам, чьи поступки до неприличия немотивированы?» — вопрошал он. Проводя параллель между родителями и фисгармониями, Мино обращает наше внимание на деловую сторону отношений Дутика и Боуза с фисгармониями. В течение целых трех лет раз в каждые четырнадцать земных дней фисгармонии составляли для Дутика и Боуза послания, полные либо надежд, либо тайного сарказма. Эти послания, конечно же, принадлежали руке Уинстона Найлза Рамфорда, который раз в четырнадцать земных дней на коротке материализовывался на Меркурии. В одних местах он отдираал фисгармоний, в других, наоборот, прикреплял их к стенам, образуя надписи печатными буквами.

В одной из заключительных глав книги миссис Кэнби намекает на то, что Рамфорд время от времени появлялся в пещерах. Это там, где Дутик находит в пыли следы лап огромной собаки.

Взрослый обязательно должен прочитать эту главу вслух и затем, понизив голос до интригующей хрипотцы, спросить у ребенка: «Как, по-твоему, зовут эту собаку?»

Эту собаку звали Казак. Это был огромный, страшный, злобный хроносинкластически инфандибулированный пес Уинстона Найлза Рамфорда.

Дутик с Боузом прожили на Меркурии три земных года, когда Дутик обнаружил в одном из ответвлений пещеры следы Казака. К тому времени Меркурий прокатил их вокруг Солнца двенадцать с половиной раз.

Эти следы Дутик обнаружил шестью милями выше того места, где лежал их помятый и поцарапанный космический корабль. Дутик больше не жил в корабле, Боуз тоже. Теперь корабль служил им лишь обычной базой, куда они примерно раз в земной месяц приходили за провизией.

Дутик и Боуз встречались редко. Они вращались по абсолютно разным орбитам.

Орбиты, по которым вращался Боуз, были невелики. У Боуза было постоянное богато обставленное обиталище. Оно находилось на том же уровне, что и космический корабль, только на четверть мили в стороне от него.

Орбиты, по которым вращался Дутик, были огромными и очень неожиданными. У Дутика не было постоянного дома. Он бродил налегке и забредал очень далеко, взбираясь все выше и выше, пока его не загонял обратно холод.

Вверху даже фисгармонии встречались очень редко, да и те были чажлые.

Внизу, в том уютном уголке, где обитал Боуз, фисгармоний было навалом, и все они имели сытый вид.

Боуз с Дутиком расстались, прожив вместе в космическом корабле целый земной год. В этот первый год совместной жизни им обоим стало ясно, что без посторонней помощи отсюда не выбраться.

Все было ясно как божий день, хотя эти твари продолжали писать на стенах свои послания, в каждом подчеркивая справедливость испытания, которому подвергались Дутик с Боузом, легкость с которой они могли бы умотать отсюда, если бы хоть слегка призадумались, хоть чуть-чуть шевельнули мозгами.

— Думайте! — призывали их фисгармонии.

Дутик и Боуз расстались после того, как с Дутиком случился припадок. Он попытался убить Боуза: тот как-то вошел в космический корабль с фисгармонией, которая выглядела так же, как и все остальные, и сказал: «Дутик, ты только посмотри, какой сообразительный парнишка!»

Вот тут-то Дутик и совершил покушение на жизнь Боуза.

Дутик был голый, когда обнаружил собачьи следы. Форма цвета лишайника и черные фибровые ботинки марсианской штурмовой пехоты давно превратились в паутину и прах.

Собачьи следы не взбудоражили душу Дутика. Когда Дутик увидел следы теплокровного существа, следы лучшего друга человека, его душа не наполнилась светом надежды. Его душа осталась пустой даже тогда, когда он увидел, что следы собаки переплетаются со следами обутого человека.

Дутик находился в состоянии войны с окружающей средой. Дутик считал среду, в которой он находился, недоброжелательной или по крайней мере до бессердечия непокладистой. И он боролся с нею

единственным доступным ему оружием — пассивным сопротивлением и открытым презрением.

Эти следы Дутик воспринял как начальный ход в еще одной идиотской игре, в которую хотела сыграть с ним окружающая среда. Конечно, он пойдет по ним, но пойдет лениво, без желания. Он пойдет просто из-за того, что в данный момент у него нет никаких других дел.

Он пойдет по ним.

Посмотрит, куда они ведут.

Но будет передвигаться с трудом, едва волоча ноги. Бедный Дутик здорово потерял в весе и облысел. Его организм быстро старел. Глаза щипало, кости вихлялись во все стороны. Дутик ни разу не побрился на Меркурии. Когда борода и волосы отрастали настолько, что начинали ему мешать, он отхватывал космы топориком для разделки мясных туш.

Боуз брился каждый день. Дважды в земную неделю он подравнивал волосы с помощью набора инструментов, взятого на космическом корабле.

Боуз, который был на двенадцать лет моложе Дутика, чувствовал себя хорошо как никогда. В пещерах Меркурия он обзавелся брюшком и спокойствием.

В пещере, служившей Боузу домом, были койка, стол, два стула, подвесная груша, зеркало, гантели, магнитофон и записанные на пленку тысяча сто музыкальных произведений.

У пещеры, служившей Боузу домом, была даже дверь — круглый камень, которым он мог завалить вход. Без этой двери нельзя было обойтись — ведь Боуз был для фисгармоний Господом Богом. Они могли определить, где он находится, по ударам его сердца. Оставь он свою дверь открытой, его бы облепили во время сна сотни тысяч почитательниц и отпустили только когда остановилось сердце.

Боуз тоже ходил голым. Но у него еще сохранились туфли. Его туфли из натуральной кожи были в превосходном состоянии. Конечно же Дутик прошел раз в шестьдесят больше. Однако туфли Боуза были не просто в превосходном состоянии. Они и выглядели, как новенькие.

Боуз регулярно обтирал их, смазывал кремом и до блеска полировал.

Сейчас он как раз этим и занимался.

Вход в его пещеру был завален камнем. С ним были лишь четыре любимые фисгармонии. Две обхватили его предплечье. Третья прилипла к бедру. Четвертая, еще не созревшая фисгармония длиной всего в три дюйма, присосалась к запястью левой руки, питаясь ударами боузовского пульса.

Когда Боуз находил фисгармонию, которая нравилась ему больше других, он делал следующее: позволял ей питаться ударами своего пульса.

— Тебе нравится? — спрашивал он мысленно у этой везучей фисгармонии. — Правда ведь славно?

Никогда в жизни не чувствовал он себя лучше в физическом, умственном и духовном отношении. Он был рад, что расстался с Дутиком — тот умел все так повернуть, что даже он, чувствующий себя счастливым, был в его глазах кретином и психом.

— Ну отчего человек становится таким? — мысленно спрашивал Боуз у маленькой фисгармонии.— Что он приобретает, отказывая себе в стольких удовольствиях? Почему-то у него нездоровый вид.— Боуз покачал головой.— Я все старался заинтересовать его вами, ребята, а он все больше и больше свихивался. Будто ему от этого легче. И что это с ним происходит? Ума не приложу. Наверно, даже если мне станут объяснять, я все равно ни черта не пойму. Ну, ясное дело, нас кто-то там испытывает, кто-то или что-то поумней нас, и мое дело быть дружелюбным, сохранять спокойствие и стараться хорошо проводить время, пока все это не кончится.

Боуз стал кивать головой в такт словам.

— Такова моя философия, друзья,— мысленно разговаривал он с прилипшими к нему фисгармониями.— И если не ошибаюсь, ваша тоже. Наверно, потому мы так хорошо поладили. Носки туфель из натуральной кожи, которые полировал Боуз, уже сверкали точно драгоценные камни.

— Люди, люди, люди,— разговаривал с самим собой Боуз, вглядываясь в эти драгоценные камни. Когда он чистил туфли, ему казалось, будто он видит в их блеске свое прошлое.

Сейчас Боуз видел каменный столб посреди железного марсианского плаца, где Дутик душил бедного Кремня Стивенсона. Это ужасное видение не было случайным воспоминанием. Оно было точкой отсчета в отношениях Боуза с Дутиком. «Не говори мне правды, и я не скажу ее тебе»,— твердил Боуз. Это была просьба, с которой он неоднократно обращался к Дутику. Смысл ее заключался в следующем: Дутик не должен был говорить Боузу правду о фисгармониях, потому что Боуз любил их, а он взамен не станет выкапывать правду о Дутике, от которой тому сделалось бы худо.

Дутик не знал, что он собственноручно задушил своего друга Кремня Стивенсона. Дутик полагал, что Кремнь живет себе припеваючи в каком-нибудь славном уголке Вселенной. И Дутик жил мечтами о встрече с Кремнем.

У Боуза все-таки хватило такта скрыть от Дутика эту правду.

Фисгармония на его левом предплечье шевельнулась.

— Ты просишь старину Боуза закатить концерт? — мысленно обратился к ней Боуз.— Ты это пытаешься сказать? Ты пытаешься сказать: «Старина Боуз, я не хочу казаться неблагодарной, я знаю, какая это великая честь находиться прямо возле твоего сердца. Только я думаю обо всех моих друзьях снаружи и хочу, чтобы и им было приятно». Ты это пытаешься мне сказать? Ты пытаешься сказать мне: «Пожалуйста, папа Боуз, закатай концерт для тех бедняжек, что снаружи». Правильно я тебя понял, а? — Боуз заулыбался.— Не надо мне льстить,— мысленно сказал он фисгармонии.

Маленькая фисгармония на его запястье согнулась пополам, потом снова вытянулась.

— А ты что пытаешься сказать? — мысленно спросил он у нее.— Ты пытаешься сказать: «Дядюшка Боуз, твой пульс слишком жирный для такого малыша, как я. Дядюшка Боуз, прошу тебя, заведи-ка на закусочку хорошенькую плавную легкую музыку». Так я тебя понял, а?

Фисгармония на его левом предплечье снова шевельнулась.

— Что ты говоришь? — мысленно спросил у нее Боуз. Он склонил набок голову, притворяясь, будто слушает, хотя вакуум, в котором жил, не мог пропустить ни единого звука.— Ты говоришь: «Пожалуйста, король Боуз, поставь нам увертюру «1812-й год».— Он разыграл возмущение.— Я знаю, это сытнее всего остального, но это вовсе не значит, что оно тебе полезно.

Ученых, занимающихся изучением марсианской войны, нередко приводит в недоумение странная непоследовательность военных приготовлений Рамфорда. Кое-какие его проекты оказались весьма уязвимыми. Например, обувь, которой он обеспечил простых солдат, была, так сказать, достойным порождением созданного на скорую руку марсианского общества, предназначенного для одной-единственной цели — уничтожить себя во имя объединения всех земель.

В то же время фонотеки, которые Рамфорд комплектовал самолично для базовых кораблей, представляют собой огромные ступки человеческой культуры, которые могли бы служить монументальной цивилизации, ну хотя бы ты-сячу земных лет. Говорят, на подбор этих никому не нужных фонотек Рамфорд потратил больше времени, чем на создание артиллерии и полевых госпиталей вместе взятых.

Как сказал один неизвестный острослов: «Марсианская армия прибыла на Землю, вооруженная тысячами часов непрерывной музыки, но погибла, даже не успев прослушать до конца «Вальс-минутку».

Этот «музыкальный» уклон марсианских базовых кораблей объясняется очень просто: Рамфорд был буквально помешан на хорошей музыке (между прочим, это помешательство началось уже после того, как его разбросало во времени и пространстве хроно-синкластической инфандибулы).

Фисгармонии, обитавшие в пещерах Меркурия, тоже были помешаны на хорошей музыке. Они веками питались единственной нотой песни Меркурия. Когда Боуз позволил им впервые вкушать музыки, , некоторые из этих тварей умерли в экстазе.

В желтом свете, исходящем от стен меркурианских пещер, мертвая фисгармония кажется сморщенной и оранжевой, напоминая собой сушеный абрикос.

В тот первый раз магнитофон стоял на полу космического корабля (концерт еще не был предназначен для фисгармоний). Существа, умершие в экстазе, находились в прямом контакте с металлическим корпусом корабля.

Теперь, два с половиной года спустя, Боуз мог преподать урок того, как нужно проводить концерты без угрозы для жизни фисгармоний.

Он покинул свое обиталище, неся в руках магнитофон и выбранные им записи. В соседнем коридоре стояли две алюминиевые гладильные доски. Их основания были обтянуты матерчатыми прокладками. Гладильные доски находились на расстоянии шести футов друг от друга, соединяясь между собой носилками из алюминиевых труб и брезента цвета лишайника.

Боуз поставил магнитофон на середину носилок. Целью этого сооружения было ослаблять, ослаблять и ослаблять вибрацию играющего

магнитофона. Прежде чем достичь каменного пола, вибрация должна была одолеть провисший брезент носилок, ручки носилок, гладильные доски и наконец матерчатые прокладки на основаниях досок.

Это и была мера безопасности. Гарантия того, что ни одной фисгармонии не достанется сверхдоза музыки.

Боуз заправил в магнитофон пленку и включил его. Во время концерта он стоял начеку у аппарата. Стоило какой-нибудь фисгармонии подползти слишком близко, он отдирает ее от стены или от пола, читал нравоучение (мысленно, разумеется) и приклеивал к стене ярдов за сто или дальше.

— Если ты не образумишься, ты каждый раз будешь дослушивать концерт в ауте,— мысленно говорил он безрассудно храброй фисгармонии.— Обмозгуй это.

Твари, помещенной за сотню ярдов от магнитофона, с избытком хватало музыки.

Стены обладали необычайной сверхпроводимостью, и фисгармонии, облепившие стены даже самых дальних пещер, ловили через камень отголоски боузовских концертов.

Дутик шел по следу, углубляясь в пещеру, и по тому, как вели себя фисгармонии, он знал, что Боуз закончил концерт. Он добрался до теплого нижнего уровня, где фисгармонии были сытые-пресытые. Их правильные узоры из желтых и аквамариновых ромбов развалились, образуя какие-то зубчатые дубинки, детские вертушки и сверкающие болты. Так на них действовала музыка.

Дутик положил на пол свой сверток и прилег отдохнуть.

Он грезил о других цветах, помимо желтого и аквамаринового.

Потом ему пригрезилось, будто за следующим поворотом его ждет лучший друг Кремень Стивенсон. Его мозг ожил и стал подбирать слова, которые они с Кремнем скажут друг другу при встрече. В воображении Дутика пока не существовало зримого воплощения Кремня Стивенсона, но это ничего не значило.

— Что за пара,— мысленно отметил Дутик. Этим он хотел сказать, что, объединившись, они с Кремнем будут непобедимы.

— Да это же та самая парочка, которую они любой ценой мечтают разлучить,— с удовлетворением сказал себе Дутик.— Если старина Кремень и старина Дутик снова сойдутся вместе, может случиться что угодно, и обязательно случится.

Старина Дутик мысленно расхохотался.

Люди, которые, как он думал, боялись, что они с Кремнем сойдутся, жили в тех больших и прекрасных зданиях наверху. За три года воображение Дутика всюду разукрасило мимолетно выхваченные из тьмы картинку так называемых небоскребов, которые на самом деле были лишь глыбами ледяных кристаллов. Он убедил себя в том, что в этих домах живут хозяева всего мироздания. Они и есть тюремщики Дутика с Боузом, а может статься, и Кремня. Они проводят в пещерах эксперименты над Дутиком и Боузом. При помощи фисгармоний пишут послания. Фисгармонии к посланиям никакого отношения не имеют.

Во всем этом Дутик был непоколебимо убежден. Он даже знал, какая в небоскребах мебель. У этой мебели нет ножек. Она парит в воздухе при помощи магнетизма.

Те люди никогда не работают, но у них есть все на свете.

Дутик их ненавидел.

Он и фисгармонии ненавидел. Он отодрал от стены одну из них и разорвал пополам. Кусочки сразу же сморщились и стали оранжевыми.

Щелчком Дутик послал оба кусочка в потолок. И, посмотрев туда, увидел новое послание. Под воздействием музыки послание расплзлось вкривь и вкось. Но прочитать его было можно.

В послании, состоящем из пяти слов, сообщалось, каким образом можно выбраться из пещер, выбраться быстро и наверняка. Ему сообщали решение головоломки, которую он не смог решить за три года, и он был вынужден признать, что головоломка была проста и примитивна.

Дутик припустил назад, пока не наткнулся на Боуза, дающего концерт фисгармониям. Новость распирала Дутика, глаза его были вытаращены. Но он не мог говорить в вакууме, поэтому потащил Боуза в космический корабль.

Здесь, в тяжелой атмосфере каюты, Дутик сообщил Боузу о послании, которое означало избавление из плена.

Пришла очередь Боуза онеметь от восторга. Обычно он трепетал от возбуждения при малейшем намеке на наличие умственных способностей у фисгармоний. Однако услышав новость о том, что его вот-вот освободят из заключения, прореагировал в высшей степени сдержанно.

— Это... это проясняет другие послания,— сказал он.

— Какие другие послания? — не понял Дутик.

Боуз поднял руки, пытаясь жестами изобразить послания, которые появились снаружи его обиталища четыре земных дня тому назад. Вот какие: «БОУЗ, ОСТАНЬСЯ!» — Он смущенно потупил глаза.— «МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, БОУЗ». Вот какие.

Боуз уронил руки и отвернулся, будто был не в силах вынести красоту, открывшуюся его взору.

— Я увидел их и не смог удержаться от улыбки,— сказал он.— Я смотрел на этих милых и нежных ребятков на стене и сказал сам себе: «Ребятки, да разве старина Боуз когда-нибудь вас покинет? Нет, старина Боуз надолго застрянет здесь».

— Это ловушка! — воскликнул Дутик.

— Что?

— Ловушка! — сказал Дутик.— Чтобы удержать нас здесь.

На столе перед Боузом лежала забавная книжонка «Твитти и Сильвестр». Боуз не сразу ответил Дутику. Он полистал обтрепанные страницы.

— Все возможно,— наконец сказал он.

Дутик подумал о том, какая притягательная сила таится в слове «любовь». И он сделал то, чего не делал уже бог знает сколько лет. Он громко расхохотался. Вот, подумал он, и наступила мелодраматическая развязка — эти безмозглые мембраны на стенах заговорили о своей любви.

Боуз вдруг схватил Дутика за грудки, так что у бедного Дутика затрепали все его высохшие косточки.

— Я оценю, Дутик, если ты позволишь мне иметь собственное мнение об этих настенных признаниях в любви,— напыщенно произнес он.— То есть, понимаешь, вовсе не обязательно, чтобы для тебя это что-то значило. То есть, понимаешь, я вовсе не прошу тебя высказываться по этому поводу. То есть, понимаешь, вовсе не обязательно, чтобы эти зверюшки тебе нравились. Ты вовсе не обязан любить их, или понимать их, или что-то о них говорить. То есть, понимаешь, это послание было адресовано не тебе. Это они мне признались в любви. Так что ты свободен.

Он снова переключил свое внимание на лежавшую перед ним книжонку, давая тем самым понять, что разговор окончен. Округлые мышцы его широкой коричневой спины вызвали у Дутика восхищение. Живя врозь, Дутик тешил себя мыслью, что он ничуть не уступает ему в физическом отношении. Сейчас он понял, как трагически заблуждался.

На спине Боуза перекачивались мускулы, согласовываясь с движениями его пальцев, переворачивающих страницы книги.

— Ты все говоришь о всяких ловушках и западнях,— сказал Боуз.— А вдруг там, куда мы полетим, нас ждет ловушка похуже этой?

Не успел Дутик ответить, как Боуз вспомнил, что оставил магнитофон включенным и без присмотра.

— А ведь за ними никто не следит! — воскликнул он и, забыв все на свете, побежал спасать фисгармоний.

Пока Боуза не было, Дутик обдумывал, как перевернуть корабль носом вниз. Это и был ответ на вопрос, как отсюда выбраться. Вот какое сообщение прочитал он на потолке: «Дутик, переверни корабль носом вниз».

Идея перевернуть космический корабль вниз носом, конечно же, была разумной. Щуп находился в корме корабля. В перевернутом виде корабль так же легко и быстро мог выбраться из пещер, как зарылся в них.

Благодаря мощной лебедке и слабой гравитации, Дутик сумел к возвращению Боуза перевернуть корабль. Осталось нажать пусковую кнопку. Тогда корабль уткнется носом в пол пещеры и оттолкнется от него, приняв пол за потолок.

Он начнет подниматься по системе разветвлений, полагая, что зарывается вниз. И непременно найдет выход, приняв его за самую глубокую нору.

И эта нора, которую он в конце концов отыщет, окажется бездонной и безбрежной преисподней вечного пространства.

Боуз вошел в перевернутый носом вниз корабль, неся в руках тела мертвых фисгармоний. Он притащил четыре фунта, или даже больше, чего-то, похожего на сушеные абрикосы. Конечно же, уронил несколько трупов и, нагнувшись за ними, уронил еще.

По его щекам струились слезы.

— Видишь? — спрашивал Боуз.— Ты видишь, Дутик? — скорбно вопрошал он.— Видишь, что бывает, когда люди убегают, забыв про все на свете? — Он тряс головой.— И это еще не все.

Он взял пустую коробку из-под леденцов и положил в нее трупы фисгармоний. Выпрямился, уперев руки в бока. Совсем недавно Дутик любовался крепким сложением Боуза, теперь же он любовался величавостью его осанки.

Боуз был похож на скорбящего бронзовокожего Геркулеса.

Рядом с ним Дутик казался тощим, нервным мозгляком.

— Хочешь заняться дележом, Дутик? — спросил Боуз.

— Чего нам делить-то? — не понял Дутик.

— Шарик, пищу, содовую, леденцы.

— Делить все это добро? — ужаснулся Дутик.— Господи, да его хватит на пятьсот лет.— До этого и разговоров не было ни о каком дележе. Они ни в чем не испытывали нужды, она им и в будущем не угрожала.

— Половину возьмешь с собой, а половину оставишь мне здесь,— сказал Боуз.

— Оставить тебе здесь? — недоверчиво переспросил Дутик.— Ты... ты ведь летишь со мной, да?

Боуз поднял свою громадную ручищу. Это был деликатный жест, вызывающий к молчанию, жест человеческого существа, великого во всех своих проявлениях.

— Не говори мне правды, Дутик, и я не стану говорить ее тебе.— Боуз кулаком смахнул с лица слезы.

Дутик и раньше не мог отмахнуться просто так от мольбы не говорить правды. Она его пугала. Какая-то часть мозга предупреждала о том, что Боуз не обманывает, что Боуз на самом деле знает о нем такую правду, которая его погубит.

Дутик беззвучно шевельнул губами.

— Ты приходишь и сообщаем мне удивительнейшие новости,— заговорил Боуз.— Боуз, говоришь ты, мы будем свободны! И я прихожу в восторг, бросаю все и собираюсь на свободу. И я все твержу и твержу себе, что буду свободным, стараюсь представить, что же такое эта свобода, и вижу перед собой только людей. Они толкают меня сюда, потом туда, им все не так, и они все больше и больше злятся от того, что все у них не так. Они орут на меня потому, что у них все не так и мы толкаем и пинаем друг друга.

И тут я вспоминаю про этих маленьких ненормальных зверюшек, которым так легко угодить с помощью музыки, иду к ним и вижу тысячи мертвых тел, а все из-за того, что этот Боуз начисто забыл про бедняжек и пришел в экстаз, заслышав про свободу. А ведь все эти мертвые жили бы себе и жили, если бы дядюшку Боуза не отвлекли его дела.

И тут я говорю себе: за всю жизнь я не сделал ничего хорошего людям, а люди не сделали ничего хорошего мне. Так на кой же черт мне эта свобода в обществе людей?

И тут я, Дутик, понял, какой ответ нужно дать.

Вот мой ответ:

Я отыскал себе такое местечко, где могу творить добро, не причиняя вреда другим, и я вижу плоды этого добра, а те, кому я

делаю добро, знают об этом и любят меня всей душой. Здесь я обрел свой дом, Дутик.

И когда наступит день моей смерти, я смогу сказать: Боуз, ты украсил жизнь миллионам живых существ. Ты больше всех доставил им радости. Во всей Вселенной у тебя не найдется ни одного врага.— Боуз расхваливал себя, точно родители, которых он никогда не знал, свое чадо.— А теперь спи спокойно. Ты хороший мальчик,— говорил он, представляя себя на смертном одре.— Доброй тебе ночи, Боуз.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ВЕК ЧУДЕС

О Господь всевышний, создатель космоса, стряпчий галактик, душа электромагнитных волн, вбиратель и отдаватель непостижимых объемов вакуума, выплевыватель огня и камней, фокусник тысячелетий, можем ли мы сделать для тебя что-то такое, чего ты сам не сможешь сделать для себя, в ок-тильон раз лучшие? Ничего. Что мы можем сделать или сказать интересного для тебя? Ничего.

О человечество, возликуй в апатии нашего творца, ибо наконец-то мы стали свободными, искренними и горделивыми. Теперь уже ни один дурак вроде Малачи Константа не сможет указать на слепую удачу: «Кто-то там, наверху, любит меня». Теперь ни один тиран не сможет сказать: «Бог хочет, чтобы произошло то либо это, и тот, кто не помогает произойти тому либо этому, против Бога».

О Господь всемогущий, что за прекрасное оружие твое равнодушие! Мы вынули его из ножен, рубанули им изо всех сил и обманные речи, так часто нас порабощавшие и сводившие с ума, повержены в прах.

Преподобный С. Хорнер Красновин

Дело происходило во вторник днем. В северном полушарии Земли стояла весна.

Земля была зеленой и мокрой. Дышалось легко – воздух был густ, как сметана.

Чистота выпавших на Землю дождей имела свой особый привкус. Этот привкус был восхитительно терпким.

От земли исходило тепло.

Ее поверхность вздымалась и бурлила брызжущим через край плодородием. Особенно тучной земля была в тех местах, где ее посетила смерть.

Этот восхитительно терпкий дождь выпал и на зеленое пространство, представляющее собой настоящий сгусток смерти. Он выпал на церковное кладбище округа Новый Мир. Это кладбище находилось в Уэст Барнстейбл, Кейп-Код, Массачусетс, США. Церковное кладбище было забито до отказа. Участки между умершими своей смертью густо усеяли тела стяжавших военную славу. Марсиане с землянами лежали здесь бок о бок.

На всем земном шаре не существовало страны, в которой бы не было кладбища, где бок о бок с землянами не лежали

бы марсиане. На всем земном шаре не существовало страны, которая бы не принимала участия во всепланетной войне с марсианскими захватчиками.

Земля все простила.

Все живые существа были теперь братьями, мертвые тем более.

Приникшая к земле среди могильных надгробий церковь, точно мокрая матушка Гусыня, в разные времена побывала и пресвитерианской, и конгрегационалистской, и унитарной, и 'вселенско-апокалиптической. Теперь она была церковью Господа Крайне Безразличного. На церковном кладбище стоял какой-то с виду нецивилизованный мужчина и упивался густым, точно сметана, воздухом, зеленью, влагой. Он был почти гол. Его длинную свалывшуюся исси-ня-черную бороду и шевелюру уже тронула седина. Единственным одеянием ему служила лязгающая набедренная повязка из гаечных ключей, нанизанных на медную проволоку.

Это одеяние прикрывало его срам.

По обветренным щекам мужчины сбегала вода. Он запрокинул голову и пил его. Рука лежала на могильном камне, но он не опирался на него, а просто ощупывал его поверхность. Он привык ощупывать камни — такая у него была роковая привычка — ощупывать сухие камни. Но камни мокрые, покрытые мхом, обтесанные, с надписями, сделанными рукой человека, — такие камни он не ощупывал давным-давно.

«За родину» было написано на камне, который он ощупывал.

Этого мужчину звали Дутик.

Он вернулся домой, побывав на Марсе и Меркурии. Его космический корабль приземлился в лесу по соседству с кладбищем. Теперь Дутика переполняла жгучая слепая ярость человека, безжалостно растратившего свою жизнь.

Дутику было сорок три года.

Он мог бы умереть с горя.

Лишь одно желание поддерживало в нем волю к жизни, желание скорее механического, нежели эмоционального характера. Он хотел воссоединиться с Би, своей подружкой, с Хроно, сыном, и с Кремнем Стивенсоном, своим лучшим другом.

В тот дождливый вторник С. Хорнер Красновин стоял на кафедре своей церкви. В церкви не было не души. Красновин поднялся на кафедру просто для того, чтобы в полной мере вкушать счастье. Он не мог вкушать его в полной мере во враждебной ему обстановке. Он мог в полной мере вкушать счастье лишь в чрезвычайно дружеской обстановке, так как был всеми любимым служителем религии, которая не просто кормила обещаниями о чудесах, а выполняла эти обещания.

У его церкви, Первой хлевпульской церкви Господа Крайне Безразличного, было еще одно название — Церковь Утомленного Космического Скитальца. Это название объяснялось следующим пророчеством: в один прекрасный день в церковь Красновина прибудет одинокий скиталец, отставший от марсианской армии.

Церковь была подготовлена к встрече с чудом. В неотесанный дубовый столб за кафедрой воткнули выкованную вручную железную пику. Этот столб поддерживал могучее бревно, служившее стропильной ногой. На вколоченном в столб гвозде разместились вешалка, инкрустированная драгоценными камнями. На ней висело одеяние в прозрачном полиэтиленовом мешке.

Согласно пророчеству, утомленный Космический Скиталец прилетит нагим и это одеяние придется ему впору. Костюм задумали таким

образом, чтобы он мог согдаться лишь тому, на кого был рассчитан. Он представлял собой комбинезон, сшитый из прорезиненной ткани лимонно-желтого цвета, который застегивался на молнию и идеально облегал фигуру.

Одеяние не соответствовало моде сегодняшнего дня. Оно служило определенной цели — красочней преподнести чудо.

Спереди и сзади на комбинезоне было вышито по вопросительному знаку оранжевого цвета размером в фут. Это означало, что Космическому Скитальцу не дано знать, кем он был когда-то.

Ни одному человеку в мире не дано знать, кем он был, — настоящее имя Космического Скитальца должен обнародовать Уинстон Найлз Рамфорд, глава всех церквей Господа Крайне Безразличного.

В случае прибытия Космического Скитальца Красновин обязан был подать специальный сигнал — бить что есть мочи в церковный колокол.

При звуках колокола, прихожанам полагалось впасть в экстаз и, побросав все дела, смеяться, рыдать и бежать в церковь.

Добровольное пожарное общество Западного Хлевпула находилось под сильным влиянием красновинских прихожан, и от него требовалось немедленно подать пожарную машину, ибо это был единственный из всех доступных видов транспорта, хотя бы приблизительно приличествующих для Космического Скитальца.

Вой пожарной сирены на пожарной каланче должен был сопровождать сумасшедший трезвон колокола. Одно завывание сирены означало, что горит поле или лес, два кряду — дом, три — в опасности чьи-то жизни. Десять завываний должны были оповестить округу о том, что прибыл Космический Скиталец.

Через плохо подогнанную оконную раму просачивалась вода. Она затекала и под отставшую дранку в кровле, проникала через щель в потолке и собиралась сияющими капельками на балке над самой головой Красновина. Благодатный дождик омыл старинный колокол Пола Ривера*, вода капала с колокольной веревки, пропитывала деревянную куклу, привязанную к ее концу. Вода стекала с ног куклы и разливалась лужицей на выложенном плитняком полу колокольни.

Эта кукла имела ритуальное значение. Она символизировала собой отталкивающий образ жизни. Кукла называлась М а л а ч и. У всех исповедующих веру Красновина дома или над рабочим местом обязательно висел вот такой Ма-лачи.

Этого Малачи нужно было правильно повесить. То есть за шею. И петле подобало изображать настоящую петлю палача.

Дождь стекал с ног красновинского Малачи, подвешенного на колокольной веревке...

Миновала холодная весна крыжовника и крокусов.

Миновала хрупкая, прохладная и прозрачная весна нарциссов.

Наступила весна человека, и возле церкви Красновина никли к земле тяжелые, как гроздь «конкорда», как ветки цветущей сирени.

Красновин прислушивался к шуму дождя, и ему казалось, будто тот разговаривает с ним на языке Чосера. И он повторил вслух слова, которые, как ему чудилось, твердил дождь, повторил монотонно, вплетая их в шум дождливых струй:

Когда апрель обильными дождями Разрыхлил землю, взрытую ростками, И, мартовскую жажду утоля, От корня до зеленого стебля...

С балки сорвалась сверкающая капля и стекла по левой линзе очков Красновина на его щеку.

Время милостиво обошлось с Красновиним. На церковной кафедре находился румяный очкастый мальчишка — разносчик газет, хотя Красновину уже исполнилось сорок девять. Он поднял руку, чтобы вытереть щеку, и в синем холщовом мешочке, пристегнутом к его запястью, зашуршали свинцовые дробинки.

Такие же мешочки с дробью охватывали его лодыжки и запястье другой руки, а с плеч свисали на спину и грудь два тяжелых железных бруска, прикрепленные на ремнях.

Это была его дополнительная нагрузка в соревнованиях по бегу жизни.

Он таскал на себе сорок восемь фунтов, таскал с радостью. Человек, сильнее его, таскал бы побольше, а тот, кто слабей, — меньше. Каждый сильный человек, разделявший веру Красновина, с радостью и гордостью носил эти вериги на себе.

Наконец-то даже самые слабые и немощные вынуждены были признать, что жизнь — справедливое состязание.

Неторопливая мелодия дождевых струй создавала такой восхитительный фон для декламации в пустой церкви, что Красновин решил прочитать вслух еще что-нибудь. На этот раз он выбрал некоторые высказывания Уинстона Найлза Рамфорда, хозяина Ньюпорта.

Красновин собрался произнести в сопровождении хора дождя изречение хозяина Ньюпорта, разъясняющее его собственное положение по отношению к священнослужителям, положение священнослужителей по отношению к прихожанам и положение каждого по отношению к Господу. Красновин зачитывал прихожанам эту заповедь в первое воскресенье каждого месяца.

— «Я не отец тебе, — приговаривал Красновин. — Лучше называй меня братом. Но я тебе не брат. Лучше зови меня сыном. Но я не сын твой. Лучше зови меня своей собакой. Но я и не твоя собака. Лучше зови меня блохой на твоей собаке. Но я не блоха. Лучше зови меня микробом на блохе твоей собаки. Как микроб на блохе твоей собаки, я жажду

служить тебе всем, чем могу, так же, как ты жаждешь служить всемогущему Господу, творцу Вселенной».

Красновин ударил ладонью о ладонь, прихлопнул воображаемую блоху, зараженную микробами. По воскресеньям вся конгрегация в унисон била в ладоши, прихлопывая эту блоху.

Еще одна капля, вздрогнув, упала с балки и снова омыла щеку Красновина. Красновин послал благозвучные слова благодарности этой капле, церкви, миру, хозяину Ньюпорт-та, Земле, Богу, которому ни до чего нет дела, и всему мирозданию.

Он сошел с кафедры, сопровождаемый величавым шуршанием свинцовых дробин, перекатовавшихся в холщовых мешочках.

Он спустился по боковому приделу и прошел под сводом на колокольную площадку. Остановился возле лужи, натекающей с веревки, и

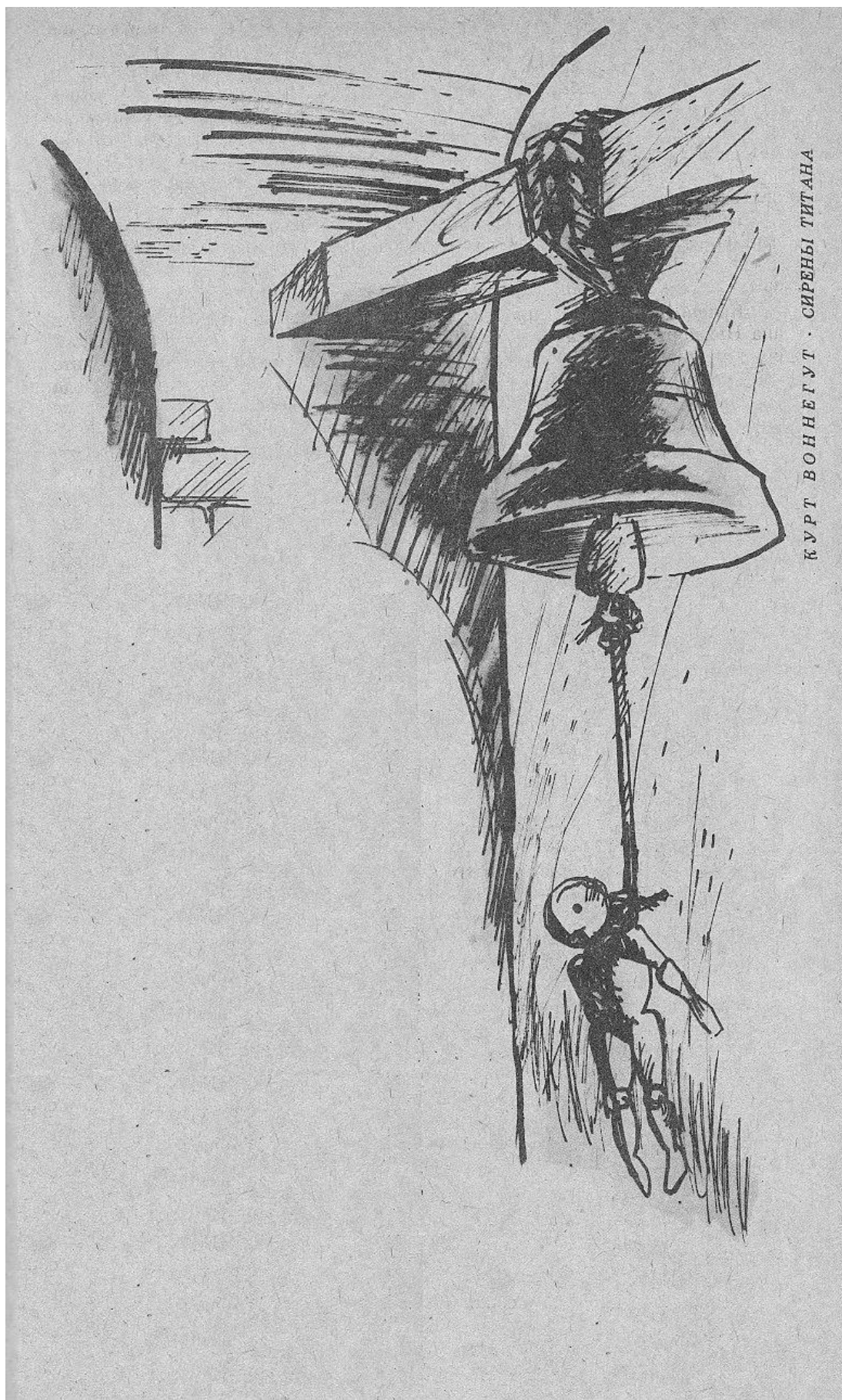
поднял голову, чтобы определить, куда польется вода в дальнейшем. Как прекрасно, подумал он, что весенний дождь просачивается именно таким путем. Если когда-нибудь ему поручат заняться переделкой церкви, он обязательно предусмотрит, чтобы предприимчивые дождевые капли просачивались сюда именно таким образом.

За этим сводом был другой свод, живой свод, который образовали заросли сирени.

Когда Красновин спустился под этот второй свод, он увидел в лесу космический корабль, похожий на громадный водяной пузырь, а в церковном дворе нагого, обросшего волосами Космического Скитальца.

Красновин издал радостный вопль. Он бросился назад в церковь, ухватил веревку колокола и стал раскачиваться на ней точно пьяный шимпанзе. В этом беспорядочном перезвоне Красновину чудились слова, которые, как утверждал хозяин Ньюпорта, вызывали все земные колокола.

- НЕТУ АДА!
- НЕТУ АДА!
- НЕТУ АДА!
- НЕТУ АДА!

КУРТ ВОННЕГУТ · СИРЕНИ ТИГАНА

Дутик был до смерти напуган звоном колокола. Этот звон показался ему угрожающим. Он бросился к своему кораблю и сильно поранил ногу, перелезая через каменную стену. Закрывая люк, он слышал, как на колокольный звон отозвалась сирена.

Дутик решил, что Земля все еще находится в состоянии войны с Марсом и сигналы сирены и колокола предвещают его немедленную смерть. Он нажал кнопку пуска.

Автоматический навигатор сработал не сразу, он завел какой-то бессмысленный и сбивчивый спор с самим собой. Спор кончился тем, что навигатор отключился.

Дутик снова нажал пусковую кнопку. На этот раз он придавил ее пяткой.

И снова навигатор завел бессмысленный спор с самим собой и попытался отключиться. Обнаружив, что это невозможно, он выпустил струю грязно-желтого дыма.

Дым был такой густой и ядовитый, что Дутику пришлось проглотить шарик и прибегнуть к дыханию по Шлиеману.

Тут пилот-навигатор издал пульсирующий органнй рев и умолк навеки.

Ни о каком взлете теперь не могло быть и речи. Вместе с пилотом-навигатором умер и весь космический корабль.

Дутик пробрался сквозь дым к иллюминатору и выглянул наружу.

Он увидел пожарную машину. Она продиралась сквозь заросли к кораблю. Машину увешали мужчины, женщины и дети, вымокшие под дождем, они заходились в экстазе.

Впереди пожарной машины шагал преподобный С. Хор-нер Красновин. В одной руке он нес лимонно-желтый костюм в полиэтиленовом мешке, в другой только что срезанную ветку сирени.

Женщины слали Дутику воздушные поцелуи и поднимали своих детей, чтобы те могли видеть этого всеми обожаемого человека. Мужчины, оставшиеся у пожарной машины, кричали «ура» в честь Дутика, в честь друг друга и всего на свете. Двигатель, запущенный водителем на всю катушку, стрелял, сирена выла, колокол звонил.

Все люди тащили на себе вериги. Большинство этих вериг выглядело весьма прозаично: это были противовесы рам, мешочки с дробью, старые каминные решетки. Все грузы преследовали одну и ту же цель — свести на нет физическое превосходство одного человека над другим. Однако среди прихожан Красновина было и несколько истинно верующих людей, которые подобрали себе вериги более изысканные и оригинальные.

Здесь были женщины, которых слепая удача отметила потрясающей красотой. Они боролись с этим несправедливым даром с помощью неряшливой одежды, плохой осанки, жевательной резинки и бездарного применения косметики.

Один старик, единственным достоинством которого было превосходное зрение, испортил его, таская на носу очки жены.

Темнокожий юноша, чью сквозящую в каждом движении хищную похотливость не могли скрыть ни плохой костюм, ни дурные манеры, в

качестве испытания взял себе в жены женщину, которую тошнило от секса.

В свою очередь первая жена этого молодого человека, имеющая все основания гордиться значком Фай Бета Каппа, вышла замуж за человека, не читающего ничего, кроме комиксов.

Конгрегация Красновина не была однородной и не отличалась особым фанатизмом. Повсюду на Земле миллиарды счастливых людей с радостью взваливали на себя груз дополнительных испытаний.

Они были счастливыми от того, что больше никого не эксплуатировали.

Пожарники придумали, как еще выразить свое ликование. Пожарная машина была оборудована гидрантом. Он мог вращаться на турели, как пулемет. Пожарники нацелили его вверх и включили воду. В небо устремилась пульсирующая струя, которая распадалась на дождевые облака там, где кончалась сила напора. Потoki дождя падали на землю, барабани по поверхности корабля, омывали пожарников, мужчин, женщин и детей, умножая их ликование.

То, что в церемонии встречи Дутика воде отведена столь важная роль, оказалось всего лишь чудесной случайностью. Но праздник воды, вызвавший всеобщий экстаз, выглядел очень эффективно.

В прилипшем к телу одеянии преподобный С. Хорнер Красновин чувствовал себя таким же нагим, как языческий лесной дух. Он игриво хлестнул веткой сирени по стеклу иллюминатора и прижал к нему свое восторженное лицо.

физиономия, глянувшая на него изнутри, разительно напоминала физиономию посаженной в клетку умной человекообразной обезьяны. Лоб Дутика прорезали глубокие морщины, на глаза навернулись слезы, и он силился постичь смысл происходящего.

Дутик решил побороть свой страх.

Но он не спешил впустить Красновина внутрь.

Наконец он вышел в тамбур и отпер внутренний и наружный люки. Отступил назад, ожидая, чтобы их распахнул кто-нибудь другой.

— Сначала позвольте мне войти туда и облачить его в этот костюм! — крикнул Красновин прихожанам. — А после он ваш!

Костюм сидел на Дутике как влитой. Оранжевые вопросительные знаки на груди и спине не уродовала ни единая складочка.

Дутик пока не знал, что такое одеяние не носит ни один землянин. Он решил, что они расхаживают именно в таких вот костюмах с вопросительными знаками и всем прочим.

— Это... это Земля? — спросил Дутик у Красновина.

— Да, — ответил Красновин. — Кейп-Код, Массачусетс, Соединенные Штаты Америки, Братство Человека.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул Дутик. Красновин в недоумении поднял брови.

— За что?

— Что ты сказал?

— За что ты славить Господа? — спросил Красновин. — Ему все равно, что случится с тобой. Он палец о палец не ударил для того, чтобы ты попал сюда живым и невредимым, он не ударит палец о палец,

чтобы погубить тебя.— Красновин поднял руки, демонстрируя физическую силу своей веры. Дробинки в мешочках, прикрепленных к его запястьям, зашуршали, привлекая внимание Дутика. От этих мешочков его внимание переместилось к бруску железа, висевшему у Красновина на груди. Проследив за направлением взгляда Дутика, Красновин приподнял брусок.

— Тяжелый,— сказал он.

— Угу,— буркнул Дутик.

— На мой взгляд, тебе придется носить на себе фунтов пятьдесят. Конечно, после того как мы тебя подремантируем,— сказал Красновин.

— Пятьдесят фунтов? — удивился Дутик.

— Ты должен радоваться, а не скорбеть, что будешь носить на себе такие вериги,— заявил Красновин.— Тогда никто не сможет упрекнуть тебя в том, будто ты извлекаешь выгоду из слепой удачи.— В голос священника прокрались блаженноугрожающие нотки, к которым он почти не прибегал с первых дней существования церкви Господа Крайне Безразличного со времен пробирающих до дрожи массовых обращений, последовавших вслед за войной с Марсом. В те дни Красновин и все другие новообращенные угрожали неверующим праведным гневом толпы (хотя этой праведно разгневанной толпы в ту пору еще не было).

Теперь эти праведно разгневанные толпы существовали во всех частях света. Общее число членов церкви Господа Крайне Безразличного стало внушительным — оно равня-

лось трем миллиардам. Молодые львы, некогда рьяно насаждавшие эту веру, теперь могли позволить себе облачиться в шкуры ягнят и тихо созерцать такие таинства, как вода, капающая с колокольной веревки. Вошитующая рука церкви доставала повсюду.

— Я должен предупредить тебя, что, очутившись среди этих людей, ты не должен говорить ничего указывающего на тот факт, что Бог будто бы проявил к тебе особый интерес или что ты мог бы оказаться чем-то полезным Богу. Вот самое худшее из того, что ты можешь сказать: «Слава Богу, что он избавил меня от всех моих бед. По какой-то причине он выделил меня из всех, и теперь единственное мое желание — служить ему верой и правдой». Тогда дружелюбно настроенная толпа, собравшаяся снаружи, может в мгновение ока превратиться в угрожающее сборище, несмотря на все прекрасные предзнаменования, предшествовавшие твоему проявлению.

Дутик собирался сказать почти слово в слово то, от чего предостерегал его теперь Красновин. Такая речь казалась ему единственно правильной для данного случая.

— Тогда что же... что же мне сказать? — спросил он.

— Твоя речь была дословно предопределена заранее. Я долго и тщательно подбирал слова, которые тебе предстоит произнести, и убежден, что лучше сказать нельзя.

— Но я не могу подобрать ни одного слова, кроме «привет», «спасибо». Что ты хочешь, чтобы я сказал?

— Все хорошие люди, собравшиеся снаружи, давным-давно отрепетировали этот момент. Они зададут тебе два вопроса, и ты ответишь на них, как сумеешь.

Красновин вывел Дутика наружу. Фонтан воды, выбрасываемый пожарной машиной, утих. Крики и пляски прекратились.

Прихожане собрались в тесный полукруг, в центре которого стояли Дутик и Красновин. Люди плотно сжали губы и набрали в легкие воздуха.

Красновин подал священный знак.

Все как один прихожане выдохнули.

— Кто ты такой?

— Я... я не знаю своего настоящего имени,— ответил Дутик.— Там меня называли Дутиком.

— Что с тобой приключилось? — спросили прихожане.

Дутик неопределенно покачал головой. Он не мог сообщить о всех своих мытарствах в сжатой форме, подобающей для этого нарочитого ритуала. От него явно ожидали чего-то возвышенного, а он на это не был способен. Он шумно

вздыхнул, как бы давая тем самым понять прихожанам, что он огорчен собственной тривиальностью.

— Я стал жертвой целого ряда случайностей,— сказал он и пожал плечами.— Как и все мы.

Крики «ура» и пляски возобновились с новой силой.

Дутика затолкнули в пожарную машину и доставили к воротам церкви.

Красновин величественным жестом указал на деревянный щит в форме развернутого свитка, висевший над воротами. На щите были золотом вырезаны слова:

«Я стал жертвой целого ряда случайностей, как и все мы!»

Прямо от церкви Дутика повезли на пожарной машине в Ньюпорт, Род-Айленд, где должна была произойти материализация.

Согласно плану, составленному за много лет до этого дня, пожарные средства всего Кейп-Кода были передислоцированы таким образом, чтобы прикрыть Западный Хлев-пул.

Слух о явлении Космического Скитальца распространился по Земле с быстротой молнии. В каждой деревне, поселке и городе, где появлялась пожарная машина, Дутика осыпали цветами.

Дутик восседал на самом видном месте, на еловом бревнышке размером два фута на шесть, опиравшемся о борта кузова. Преподобный С. Хорнер Красновин сидел на дне кузова.

В распоряжении Красновина оказался пожарный колокол, и он усердно в него названивал. К языку колокола была привязана фигурка Малачи, сделанная из сверхпрочной пластмассы. Эта кукла была особая — такими торговали только в Ньюпорте. Обладать Малачи могли только те, кто совершил паломничество в Ньюпорт.

Вся Добровольная Пожарная служба Западного Хлевпу-ла, за исключением двух сектантов, совершила на пожарной машине паломничество в Ньюпорт за Малачи. За этого Малачи заплатили казенными деньгами из фонда службы.

Если выразиться на жаргоне ньюпортских торговцев сувенирами, Малачи из сверхпрочной пластмассы, принадлежавшей пожарной службе, был «настоящим, утвержденным для продажи, официально принятым Малачи».

Дутик сиял как медный самовар. Хорошо снова находиться среди людей, снова дышать воздухом. К тому же быть окруженным всеобщей любовью.

А кругом такой чудесный шум. И вообще все расчудесно. Дутик надеялся, что этому празднику не будет конца.

— Что приключилось с тобой? — спрашивали у него все подряд и смеялись.

Дутик до предела сократил ответ, который так понравился толпе возле церкви Космического Скитальца. «Случайности»! — орал он направо и налево.

Он смеялся.

О, дитя.

Что за чертовщина! Он смеялся.

Поместье Рамфорда в Ньюпорте уже целых восемь часов было до отказа забито людьми. Охранники отгоняли от маленькой железной дверцы в стене тысячи людей. Охранники, собственно говоря, были не нужны — толпа за стенами поместья представляла собой монолит.

Внутри не смог бы проникнуть даже намазанный маслом угорь.

Снаружи тысячи пилигримов уважительно толкали друг друга локтями, воюя за место поближе к громкоговорителям, установленным по углам окружавшей поместье стены.

Громкоговорители были предназначены для усиления голоса Рамфорда. Такой экзальтированной толпы за все время материализации еще не видывали. Ведь как-никак этот день стал давно обещанным долгожданным великим праздником Космического Скитальца.

Люди надели на себя самые невероятные и самые эффектные вериги. Толпа казалась на редкость однообразной и густой.

Би, марсианская подружка Дутика, тоже находилась в Ньюпорте. С ней был и Хроно.

— Эй, покупайте, настоящий, утвержденный для продажи, принятых официально Малачи, — хрипло зазывала Би. — Покупайте Малачи здесь! Вам понадобится Малачи, чтобы размахивать им перед Космическим Скитальцем, — твердила Би. — Покупайте Малачи, чтобы Космический Скиталец, когда он появится, мог их освятить.

Она стояла в киоске, обращенном фасадом к маленькой железной калитке в стене рамфордовского поместья. Ее киоск был первый в ряду из двадцати других таких же, расположенных напротив калитки. Все они теснились под одним длинным навесом и отделялись друг от друга перегородками высотой по пояс.

Куколки Малачи, которыми торговала Би, были пластмассовыми, с глазами стекляшками и конечностями на шарнирах. Она покупала их у оптового поставщика религиоз-

ных атрибутов по двадцать семь центов за штуку, а продавала по три доллара. Она была превосходным бизнесменом. Но хотя Би и выставила на всеобщее обозрение весь свой привлекательный товар, успешной торговле, в основном, способствовал не он, а излучаемое ею благородство. Пилигримов привлекал блеск карнавального костюма Би, поражало ее утонченное изящество. Это изящество безошибочно указывало на то, что Би было уготовано куда более высокое

положение, чем ее теперешнее, но и здесь она чувствовала себя как рыба в воде.

— Эй, покупайте Малачи, покуда у вас есть время,— зазывала Би.— Вы не сможете их купить во время материализации.

Она не лгала. Согласно правилам, лавочникам полагалось закрывать ставни за пять минут до материализации Уинстона Найлза Рамфорда и его собаки. И полагалось держать их закрытыми еще десять минут после того, как растает последний след Рамфорда и Казака.

Би повернулась к своему сыну Хроно, распечатывавшему новый ящик с Малачи.

— Сколько до свистка? — спросила она, имея в виду огромный паровой свисток внутри поместья. Его врубали за пять минут до начала материализации.

О самой материализации оповещалось выстрелом из трехдюймовой пушки.

О материализации оповещала также тысяча шаров, запускаемых ввысь.

— Восемь минут,— сказал Хроно, глянув на часы. Ему исполнилось одиннадцать земных лет. Это был хмурый подросток. Он лихо обсчитывал покупателей и хорошо кумекал в карточных играх и таскал с собой складной нож с шестидюймовым лезвием. Он плохо уживался с детьми и нажил столь дурную репутацию, что стал предметом обожания нескольких очень глупых хорошеньких девчонок.

В полицейском участке Ньюпорта и в полиции Род-Айленда Хроно числился малолетним преступником. Он был знаком по крайней мере с пятьюдесятью офицерами и четырнадцать раз подвергался тестированию на детекторе лжи.

Хроно не попал в соответствующее исправительное заведение лишь благодаря поручительству служителей церкви Господа Крайне Безразличного. По указанию Рамфорда, они защитили Хроно от всех обвинений.

Против Хроно обычно выдвигались обвинения следующего порядка: виртуозные кражи, незаконное ношение холодного оружия, владение незарегистрированными пистолетами, стрельба из огнестрельного оружия в черте города, торговля порнографическими фотографиями, злостное непослушание.

Власти с сожалением отмечали при этом пагубную роль, которую играла его мать,— она любила сына таким, каким он был,

— У вас, люди, осталось всего восемь минут для покупки Малачи,— оповестила Би.— Спешите, спешите, спешите!..

Передние верхние зубы Би были золотые, а кожа, как, впрочем, и у сына, имела золотисто-кофейный оттенок.

Би лишилась своих верхних резцов, когда космический корабль, в котором она и Хроно прилетели с Марса, потерпел катастрофу при посадке в тропической амазонской сель-ве. Из всех пассажиров уцелели лишь эти двое, проскитавшиеся по джунглям целый год.

Цвет кожи Би и Хроно оставался одинаковым во все времена года, что объяснялось видоизменениями печени. Их печенки изменились после трехмесячной диеты из воды и корней сальпы амазонского синего

тополя. Эта диета входила в ритуал посвящения Би и Хроно в члены племени гумбо.

Во время обряда посвящения мать с сыном привязали к колу посреди деревни. Они находились в таком положении, пока потеряли сознание: Хроно в роли Солнца, а Би — Луны (так представляли себе солнце и луну люди племени гумбо).

После всего пережитого между Би и Хроно установились особо сердечные отношения.

Их выручил вертолет. Уинстон Найлз Рамфорд направил его в нужное место и в нужное время.

Уинстон Найлз Рамфорд предоставил Би с Хроно патент на торговлю куклами Малачи возле Двери Алисы в Страну Чудес. Он также оплатил счет Би от дантиста и посоветовал ей вставить золотые зубы.

Соседний киоск принадлежал Харри Брэкмену. Он был сержантом дутиковского взвода на Марсе. Брэкмен потучнел в последние годы и начал лысеть. У него была пробковая нога, а вместо правой руки протез из нержавеющей стали. Руку и ногу он потерял в битве при Бока-Рейтоне. Из этой битвы в живых остался он один — и то лишь благодаря своим жутким увечьям, иначе его бы непременно линчевали вместе с уцелевшими товарищами по взводу.

Брэкмен торговал пластмассовыми моделями фонтана за стеной. Эти модели были высотой в фут. В основании моделей находились насосы, приводимые в движение пружиной. Насосы посылали воду из большой нижней чаши в крохотные верхние. Из этих крохотных чаш она стекала обратно.

На прилавке перед Брэкменом возвышались сразу три действующих фонтана.

— Точная копия того, что внутри, друзья, — клялся он. — Только такой вы можете держать у себя дома. Поставите на окно в гостиной, и все соседи будут знать, что вы побывали в Ньюпорте. Даже можете поставить его на середину кухонного стола, за которым справляют свой праздник дети, и наполнить его розовым лимонадом.

— Почему? — спросил какой-то деревенский увалень.

— Семнадцать долларов, — ответил Брэкмен.

— Ну и цена! — воскликнул увалень.

— Это тебе не игрушка, а священный алтарь, браток, — сказал Брэкмен, равнодушно взирая на деревенщину. Он полез под прилавок и достал модель марсианского космического корабля. — Тебе нужна игрушка? Возьми вот это. Сорок девять центов. Всего два цента сверху.

Деревенщина принялся изображать из себя придирчивого покупателя. Он попытался сравнить игрушку с оригиналом, который она вроде бы копировала. Оригиналом был космический корабль, водруженный на колонну высотой в девяносто футов. Колонна с кораблем находилась за стенами поместья Рамфорда, в том его углу, где когда-то были теннисные корты.

Рамфорду еще предстояло объяснить верующим назначение этого вознесенного на вершину колонны космического корабля, построенного на деньги школьников всего мира. Корабль поддерживали в постоянной

готовности. К его люку вела самая длинная в истории человечества беспролетная лестница, прислоненная к колонне.

В топливном отсеке корабля хранились последние остатки Образующей Воли Вселенной из запасов марсианской военной машины.

— У-гу,— буркнул деревенщина и вернул модель на прилавок.— Если не возражаете, я сначала немного поброжу по магазинам.— До сих пор он купил лишь шляпу Робин Гуда с портретом Рамфорда на одном боку и картинкой парусника на другом. На пере шляпы было вышито его имя. Если верить ей, деревенщину звали Делбертом.— Спасибо вам,— сказал он.— Может, я снова подойду.

— Разумеется, подойдете, Делберт,— сказал Брэкмен.

— Откуда вы знаете, что меня зовут Делбертом? — насторожился Делберт, хотя и был польщен таким вниманием к его персоне.

— А вы думаете, сверхъестественными способностями наделен лишь Уинстон Найлз Рамфорд? — сказал Брэкмен.

Из-за стены вырвалась струя пара. Через мгновение над будками прокатился мощный рев парового свистка, полный величия и торжества. Он оповещал о том, что через пять минут материализуется Рамфорд и его собака.

Свисток оповещал торговцев о том, что им надлежит закрыть ставни и прекратить свои оскорбительные для человеческого слуха призывы покупать низкопробные товары.

Ставни тотчас же захлопнулись.

Шеренга киосков превратилась в мрачный, притихший туннель.

В этом туннеле господствовали призраки—сюда были упрятаны оставшиеся в живых марсиане. Такова была воля Рамфорда: марсианам предоставили в Ньюпорте преимущественное право обычной торговли. Рамфорд отблагодарил их по-своему.

В живых осталось немного марсиан: шестьдесят восемь в Соединенных Штатах и триста шестнадцать в остальных странах.

Из шестидесяти восьми, проживавших в Соединенных Штатах, двадцать один получил концессию в Ньюпорте.

— Вот мы и снова гудим, детки,— раздался голос в' самом конце шеренги. Это был голос слепого, торговавшего шляпами Робин Гуда с портретом Рамфорда на одном боку и парусником на другом.

Сержант Брэкмен облокотился о низкую перегородку, отделявшую его киоск от киоска Би. Он подмигнул юному Хроно, возлежавшему на запечатанных ящиках с куклами Малачи.

— Гудим, черт возьми, да, парнишка? — сказал Брэкмен.

— Да, черт возьми,— согласился Хроно. Он чистил ногти причудливо изогнутой железкой, просверленной в нескольких местах и зазубренной. Она служила ему талисманом на Марсе. И на Земле тоже.

Не исключено, что именно этот талисман и спас жизнь Хроно и Би в джунглях. Люди племени гумбо углядели в этой железке предмет, обладающий огромной силой. И вместо того чтобы съесть ее обладателей, они приняли их в свое племя.

Брэкмен расхохотался.

— Явился Марсианин, а ты даже не хочешь приподнять зад от мешков с Малачи и взглянуть на него.

Не только Хроно равнодушно отнесся к появлению Космического Скитальца. Все до единого торговца дерзко и высокомерно держались в стороне от всяких торжественных церемоний и отсиживались в своем сумрачном туннеле, пока Рамфорд с собакой не исчезали.

При этом нельзя сказать, что они отвергали религию Рамфорда. Большинство из них допускало, что новая религия — вещь вполне стоящая.

За стеной ужнула пушка.

Это значило, что материализовались Рамфорд и его собака. Космического Скитальца повели через Дверь Алисы в Страну Чудес.

— Небось выписал из Нью-Йорка какого-нибудь актера-неудачника, — съязвил Брэкмен.

Его не поддержал никто, даже Хроно, воображавший себя главным циником среди концессионеров. Да и сам Брэкмен не принимал всерьез собственное предположение о том, будто этот Космический Скиталец подставное лицо. Кто-кто, а уж концессионеры знали, как велика любовь Рамфорда ко всему реальному. Уж если Рамфорд ставил мистерию, ад в ней был вовсе не бутафорский, и населяли его самые настоящие грешники.

Теперь самое время заострить внимание на том факте, что, при всем своем пристрастии к пышным зрелищам, Рамфорд так и не поддался искушению провозгласить себя Богом или представителем Бога.

Сей факт признают даже самые злейшие его враги. В книге «Пангалактическая выдумка или Три миллиарда простофиль» доктор Морис Родено отмечает:

«Уинстон Найлз Рамфорд, этот вселенский фарисей, Тартюф и Калиостро, заявил, что он не всемогущий Господь, не состоит в близком родстве со всемогущим Господом и не получал никаких прямых указаний от всемогущего Господа. К этим словам хозяина Ньюпорта мы можем лишь добавить: «Аминь!» Кстати, родство Рамфорда со всемогущим Господом так же невозможно, как невозможно поддерживать какую бы то ни было связь со всемогущим Господом, покуда Рамфорд болтается поблизости».

Отсиживаясь в своих киосках за закрытыми ставнями, концессионеры давали тем самым понять, что они и без того

сделали более чем достаточно для становления церкви Господа Крайне Безразличного.

Они как бы говорили: наши ресурсы иссякли.

Рамфорд поощрял эту их позу, отзывался о них с любовью, называл их «моими солдатскими святыми за маленькой дверкой». Их апатия, говорил он, это следствие глубокой душевной раны, которую они сами себе нанесли, чтобы мы стали веселей, восприимчивей к проявлениям жизни и свободней в духовном отношении.

Марсианские концессионеры испытывали искушение взглянуть на Космического Скитальца. На стенах поместья были укреплены громкоговорители так, что каждое сказанное Рамфордом слово в радиусе четверти мили вокруг, входило в уши людей. Сейчас Рамфорд в сотый раз превозносил тот великолепный миг откровения, который наступит с пришествием Космического Скитальца.

Это был грандиозный миг, и его с нетерпением ожидали все до единого истинно верующие, дрожа от приятного возбуждения. Ведь с наступлением этого мига их вера окрепнет, очистится и умножится в десять раз.

И вот этот миг наступил.

Пожарная машина, доставившая Космического Скитальца от церкви, названной его именем, лязгала и пронзительно завывала сиреной возле киосков.

Скитальцы, укрывшиеся в их глубинах, даже не выглянули наружу через щелку.

Обычно ветераны с Марса вели между собой бойкие беседы, пересыпаемые изощренными остротами и советами по поводу того, как сбывать болванам всю эту религиозную рухлядь.

Теперь же, накануне встречи Рамфорда с Космическим Скитальцем, концессионерам уж очень трудно было оставаться безучастными.

Сержант Брэкмен провел ладонью по волосам. Это был характерный жест ветерана с Марса. Он трогал то место, где была антенна, та самая антенна, которая когда-то решала за него практически все проблемы. Он тосковал по ее сигналам.

— Введите Космического Скитальца сюда! — гремел голос Рамфорда подобно гласу труб архангела Гавриила.

— Может... может, и нам туда пойти? — предложил Брэкмен Би.

— Что? — пробормотала Би. Она стояла спиной к закрытым ставням. Ее глаза тоже были закрыты. Голова опущена. Казалось, ей было холодно.

Во время материализации ее всегда пробирала дрожь.

Хроно задумчиво тер свой талисман подушечкой большого пальца, забавляясь тусклым нимбом на холодном металле, оставляемым его теплой плотью.

— Черт бы их всех побрал, да, Хроно? — сказал Брэкмен.

Мужчина, торговавший заводными чирикающими птичками, лениво вертел в руках игрушку. Его заколола вилами какая-то фермерша в битве при Годдингтоне и, приняв за мертвого, удалилась восвояси.

Международный Комитет Идентификации и Реабилитации Марсиан по отпечаткам пальцев опознал в человеке, ныне торгующем спичками, Бернарда К. Уинслоу, любителя цыплят, бродячего извращенца, бежавшего из отделения алкоголиков лондонской больницы.

Стараниями Комитета в сержанте Брэкмане опознали рядового Фрэнсиса Дж. Томпсона, исчезнувшего на рассвете из караула у колонны автомашин в Форт-Брэгге, Северная Каролина, США.

Би привела членов Комитета в замешательство. Отпечатков ее пальцев обнаружить не удалось. Комитет сделал вывод, что она либо Флоренс Уайт, некрасивая одинокая девушка, исчезнувшая из паровой прачечной в Кокосе, штат Нью-Йорк, либо Дарлин Симпкинс, тоже некрасивая одинокая девушка, которую в последний раз видели садившейся в машину загорелого незнакомца в Браунсвилле, Техас.

За киосками Би с Хроно и Брэкмена шли киоски других недобитых марсиан: человека, в котором опознали Майро-на С. Уотсона, алкоголика, бывшего служителя туалета Ньюпоркского аэропорта,

исчезнувшего в рабочее время; Чармена Хеллера, помощника диетврача кафетерия при средней школе Стайверс в Дейтоне, Огайо; Кришну Гару, нищего (его все еще разыскивала полиция Калькутты, Индия, по обвинению в двоеженстве, сводничестве и неуплате алиментов); Курта Шнейдера, тоже алкоголика, управляющего прогоревшим агентством путешествий в Бремене, Германия...

— Могущественный Рамфорд... — начала Би.

— Что ты сказала? — не расслышал Брэкмен.

— Он выхватил нас из жизни. Усыпил. Вычистил наши головы, как вычищают внутренность тыквы, чтобы сделать фонарь. Вмонтировал нам провода, вымуштровал нас, указал цель и испепелил во имя правого дела. — Она поежилась.

— Можно подумать, мы вели бы себя лучше, если бы сами распорядились своим жизнями, — возразил Брэкмен, — Думаешь, мы были бы другими? Я даже рад, что он использовал меня. Сдается мне, он куда лучше соображал, на что меня употребить, чем какой-то там Флоренс Уайт или Дар-лин Симпкинс, кем я когда-то был.

— Но я все равно его ненавижу, — сказала Би.

— Это твое право. Он говорит, это право каждого марсианина.

— Одно меня утешает, нас использовали. А значит, мы ему больше не пригодимся, — сказала Би.

— Добро пожаловать, Космический Скиталец! — раздался трубный глас Рамфорда. — Это символично, что ты прибыл к нам на ярко-красной машине добровольного пожарного общества. Я не знаю более волнующего символа гуманности в отношениях между людьми, чем пожарная машина. Скажи мне, Космический Скиталец, не видишь ли ты здесь что-нибудь такое, что дало бы тебе право считать, будто ты бывал здесь раньше?

Космический Скиталец буркнул что-то неразборчивое.

— Громче, пожалуйста, — сказал Рамфорд.

— Фонтан... я помню этот фонтан, — промямлил Космический Скиталец. — Только... только...

— Что только?

— Тогда он был сухой... когда-то тогда. А теперь он такой мокрый.

Микрофон, расположенный возле фонтана, подключили к общей системе, чтобы журчание и плеск воды могли проиллюстрировать слова Космического Скитальца.

— Узнаешь что-нибудь еще, Космический Скиталец?

— Да, — робко ответил Космический Скиталец. — Тебя.

— Меня узнаешь? — насмешливо спросил Рамфорд. — Ты хочешь сказать, что тебе кажется, будто я сыграл какую-то роль в твоей жизни?

— Я помню тебя по Марсу, — сказал Космический Скиталец. — Ты был тем самым человеком с собакой... перед нашим отлетом...

— А что случилось после того, как вы улетели?

— Что-то там сработало не так. — Голос у Космического Скитальца был извиняющийся, будто этот целый ряд случайностей произошел с ним и по его вине тоже. — Какие-то приборы сработали не так.

— А тебе никогда не приходило в голову, что все сработало именно так, как надо? — спросил Рамфорд.

— Нет, — простодушно признался Космический Скиталец.

Эта мысль его не удивила и не могла удивить, поскольку находилась далеко за пределами его кое-как собранной по крохам философии.

— Ты бы узнал свою подружку и ребенка? — спросил Рамфорд.

— Я... я не знаю.

— Приведите сюда женщину и мальчика, которые торгуют Малачи напротив маленькой железной двери, — распорядился Рамфорд. — Приведите сюда Би с Хроно.

Космический Скиталец, Уинстон Найлз Рамфорд и Казак возвышались на подмостках, воздвигнутых перед особняком. Подмости находились на уровне глаз стоящих людей. Подмости были лишь частью единой системы подмо-стов, сходней, лестниц и платформ, которые расползлились по всем закоулкам поместья.

Эта система давала Рамфорду возможность двигаться свободно, быть всегда на виду и не смешиваться с толпой. Благодаря подмосткам, Рамфорда могли лицезреть все присутствующие.

Система держалась без помощи магнита, хотя и казалась парящим чудом. Эффект чуда был достигнут путем ловко продуманного использования красок. Пролетные строения выкрасили в тускло-черный цвет, верхнюю часть — в ослепительно-золотой.

Телевизионные камеры на кранах и микрофоны контролировали каждый закоулок.

Во время ночных материализации верхнюю часть системы освещали электрическими лампочками телесного цвета.

Космический Скиталец был тридцать первым человеком, приглашенным занять место на возвышении рядом с Рамфордом.

К будке с Малачи уже послали служителя за почетными гостями номер тридцать два и тридцать три.

Рамфорд выглядел плохо. Его лицо отливало землистым цветом. И хотя он, как всегда, улыбался, он был вне себя от ярости. Это была скорее карикатура на веселье, а значит, его дела обстояли отнюдь не блестяще.

Он с трудом изображал на лице свою знаменитую улыбочку.

Необыкновенно чванливый с виду затейник-массовик держал на цепи огромного Казака. Цепь натянулась, и шипы ошейника предостерегающе впились в шею собаки. Но это была необходимая мера — собака не выносила Космического Скитальца.

Улыбочка на секунду потускнела, напоминая собравшимся о том, какую ношу взвалил на себя Рамфорд ради них, и предупреждая, что он вовсе не вечен.

Рамфорд держал в руке микрофон и передатчик размером с полупенсовик. Когда он не хотел, чтобы толпа слышала его слова, то зажимал передатчик в кулаке.

Вот и сейчас он был зажат в кулаке — Рамфорд нацелил в Космического Скитальца жало своего сарказма. Если бы толпа слышала его речи, она бы пришла в недоумение от такого поворота.

— Определенно, сегодня у тебя праздник, не так ли? — говорил Рамфорд.— Пиршество всеобщей любви с первого взгляда. Народ тебя просто обожает. А ты обожаешь народ?

Радостные события сегодняшнего дня как бы вернули Космического Скитальца в состояние детства, когда ни ирония, ни даже сарказм не воспринимаются. В тяжелые времена он воспринимал многие оттенки чувств. А реагировал теперь лишь на толпу, которая считала его чудом.

— Конечно же, они великолепны,— сказал он в ответ на последний вопрос Рамфорда.— Они вели себя грандиозно.

— О, да, грандиозное сборище,— согласился Рамфорд.— Что верно, то верно. Я тщетно напрягал память, стараясь подобрать точное прилагательное, а ты привез его из космоса. Именно грандиозное.— Мысли Рамфорда блуждали где-то далеко. Его не очень интересовал сам Космический Скиталец, он почти не смотрел на него. Да и всеми ожидаемое появление жены и сына Космического Скитальца его как будто не волновали.

— Где же они, где же они? — спрашивал Рамфорд у стоявшего внизу служителя.— Пора начинать. Пора с этим кончать.

Приключения сегодняшнего дня казались Космическому Скитальцу столь приятными и волнующими, столь яркими и великолепными, что он не осмеливался задавать вопросы — не хотел выглядеть неблагодарным.

Он понял: на него возложена чрезвычайно ответственная миссия, так что лучше попридержать язык и говорить лишь тогда, когда к нему обращаются. А на вопросы отвечать кратко и не мудрствуя лукаво.

Вопросы отнюдь не распирали голову Космического Скитальца. Общая схема его торжественной миссии казалась ясной: она была столь же проста и у нее было столь же определенное назначение, как и у треного стульчика, применяемого при доении коров. Он неизменно много страдал в прошлом, и теперь за все эти страдания ему воздавали должное.

Ему улыбнулась фортуна, и из этого вышло отменное зрелище. Он представил восторг толпы и на мгновение вообразил себя ее частицей.

Рамфорд читал мысли Космического Скитальца.

— А знаешь, будь все наоборот, им все равно бы понравилось,— сказал он.

— Как наоборот? — не понял Космический Скиталец.

— Если бы тебе сперва воздали невероятные почести, а после заставили невероятно страдать,— сказал Рамфорд.— Им нравятся контрасты, вот в чем дело. И плевать, в каком они следуют порядке, лишь бы захватывало дух от быстрой смены...

Рамфорд разжал кулак, освобождая микрофон, и жестом папы Римского пригласил на помост кого-то из толпы. Это были Би и Хроно. Они взошли на боковой придел золоченой системы помостов, сходней, лестниц и платформ.

— Сюда, пожалуйста. У нас, как вы понимаете, не целый день в запасе,— говорил Рамфорд тоном классной дамы.

Во время этого короткого затишья Космический Скиталец впервые за последнее время испытал по-настоящему приятное ощущение, предавшись

мечтам о том счастливом будущем, которое ожидало его на Земле. Когда все вокруг так добры, так восторженны и миролюбивы, можно надеяться не просто на хорошую, а на превосходную жизнь на Земле.

Космическому Скитальцу уже дали замечательный новый костюм, выделили из толпы, а через несколько минут с ним воссоединятся его подружка и сын.

Не хватает только хорошего друга. Космический Скиталец ощутил духовный трепет. Он дрожал, ибо надеялся в глубине души, что его лучший друг Кремень Стивенсон прячется где-то в толпе и ждет сигнала появиться на всеобщее обозрение.

Космический Скиталец заулыбался, представив себе появление Кремня Стивенсона. Конечно же, он сбежит с какого-нибудь мостка, как всегда немного хмельной и веселый. «Дутик, выродок проклятый! — рывкнет Кремень прямо в один из микрофонов.— Черт поberi, я разыскивал тебя

во всех самых занюханых земных забегаловках, а ты тем временем торчал себе на Меркурии!»

Когда Хроно и Би приблизились, хозяин Ньюпорта отошел в сторону. Отойди он от Би, Хроно и Космического Скитальца на расстояние вытянутой руки, это было бы вполне объяснимо. Однако позолоченная система давала ему возможность отдалиться от этой троицы на почтительное расстояние; и не просто отдалиться, а удалиться по кривой, состоящей из изощренных и весьма живописных нагромождений.

Да, все было срежиссировано великой рукой, хоть на этот счет и существует язвительное высказывание доктора Мориса Родено: «Люди, которые с благоговением взирают на то, как Уинстон Найлз Рамфорд выделяет всевозможные па на своей золоченой конструкции для детских забав, ничем не отличаются от идиотов, которые часами торчат в магазинах игрушек и, разинув рот, благоговейно следят за тем, как игрушечные поезда, «пых-пых-пых», проезжают сквозь туннели из папье-маше, через мосты из зубочисток, картонные города и снова скрываются в туннелях из папье-маше. Появятся ли эти игрушечные поезда, «пых-пых-пых», или Уинстон Найлз Рамфорд снова в поле их зрения? О, как это ни странно... не появятся!»

С помостов Рамфорд направился к турникету, выгибавшему свою спину над самшитовой изгородью. По другую сторону турникета был настил длиной в десять футов, который вел к буку четырехфутовой толщины. К его стволу были приколочены позолоченные ступени стремянки.

Рамфорд привязал Казака к нижней ступеньке, а сам нырнул в крону дерева, подобно иголке, упавшей в стог сена.

Теперь он вещал откуда-то из гущи листьев.

Его голос доносился не с дерева, а из рогов Габриэля на стенах.

Толпа перевела свой взор с густой буковой кроны на ближайший динамик.

Лишь Би, Хроно и Космический Скиталец продолжали смотреть вверх, туда, где на самом деле был Рамфорд. И, наверно, не потому, что понимали, что к чему, а просто от неловкости. Члены этой небольшой семейки глядели вверх только для того, чтобы не глядеть друг на друга.

Ни у кого из троих не было причин радоваться воссоединению.

У Би не вызывал никакой симпатии костлявый, бородатый, одуревший от счастья балбес в длинных лимонно-желтых подштанниках. Она мечтала о здоровом, рассерженном и надменном вольнодумце.

Юный Хроно с первого взгляда возненавидел косматого нахала, вторгшегося в их с матерью чистые отношения. Хроно поцеловал свой талисман и пожелал, чтобы папаша, если на самом деле это он, свалился замертво.

Да и сам Космический Скиталец, как ни старался, не смог углядеть ничего симпатичного в смуглой, враждебно настроенной мамаше и ее хмурым отпрыске.

Случайно взгляд Космического Скитальца встретился со взглядом здорового глаза- Би. Пришлось хоть что-то сказать.

— Здравствуй,— сказал Космический Скиталец.

— Здравствуй,— ответила Би.

Оба вновь устремили взоры к дереву.

— О, мои счастливые, отягченные веригами братья!— гремел из динамика голос Рамфорда,— возблагодарим же Бога, Бога, которому наши благодарности нужны точно так же, как Миссисипи капля дождя, за то, что мы не похожи на Малачи Константа.

У Космического Скитальца заняла шея. Он опустил глаза. Его внимание привлек длинный золоченый трап, стоявший поодаль. Он проследил взглядом его путь.

Трап упирался в самую длинную в истории Земли лестницу-стремянку. Лестница тоже была покрыта позолотой.

Взгляд Космического Скитальца вскарабкался по лестнице к крохотной дверке космического корабля на вершине колонны. Он прикинул, отыщется ли человек, у которого хватило бы духа взобраться по такой страшной лестнице к такой крохотной дверке.

Космический Скиталец снова устремил взор на толпу. Может, где-нибудь поблизости скрывается Кремень Стивенсон. Может, он дожидается, когда кончится этот спектакль, чтобы предстать очам своего лучшего и единственного друга с Марса.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МЫ ПРЕЗИРАЕМ МАЛАЧИ КОНСТАНТА ЗА ТО...

Назови мне хоть одно доброе дело, сделанное тобой в жизни.

Уинстон Найлз Рамфорд

Вот как проходила эта проповедь:

— Мы презираем Малачи Константа за то, что он использовал необыкновенные дары своей необыкновенной удачи только для того, чтобы без устали доказывать миру, что человек свинья,— вещал со своей верхушки Рамфорд.— Он окружил себя подкалимами. Он погряз в разврате, алкоголе, наркотиках. Он погряз во всех известных видах порока...

В зените своей удачи Малачи Констант стоил больше, чем штаты Юта и Северная Дакота, вместе взятые. Однако же, смею утверждать, его душонка стоила меньше душонки мыши-полевки, обитающей в этих двух штатах.

Мы гневаемся на Малачи Константа за то, что все его миллиарды достались ему просто за здорово живешь,— гремел с дерева Рамфорд,— а он, владея ими, не совершил ни одного бескорыстного или хотя бы дерзновенного поступка. Он был бескорыстен, как Мария Антуанетта, и дерзок в своих мечтах, как профессор космологии средневекового колледжа.

Мы ненавидим Малачи Константа за то, что все баснословные дары своей фантастической удачи он принимал как должное,— продолжал вещать с дерева Рамфорд,— как будто удача есть перст божий. Для нас, приверженцев церкви Господа Крайне Безразличного, нет более страшного, опасного и нечестивого поступка, чем вера в то, что удача или неудача есть якобы перст божий.

Удача или неудача не есть перст божий,— вещал с макушки дерева Рамфорд.

Удача или неудача — это ураганный смерч и облако пыли, осевшие спустя тысячелетия после появления Господа.

Космический Скиталец! — зычно зывал Рамфорд с макушки дерева.

Космический Скиталец особого внимания на происходящее не обращал. Его способность сосредоточиться на чем-либо практически равнялась нулю — то ли из-за слишком долгого пребывания в пещерах Меркурия, то ли из-за службы в марсианской армии, то ли ввиду перенасыщения «шариками».

Он следил за облаками. Они влекли его, а небо, по которому они плыли, дразнило изголодавшегося по разноцветью Космического Скитальца своей синевою.

— Космический Скиталец! — во второй раз воззвал Рамфорд.

— Эй ты, в желтом— сказала Би и ширнула его локтем в бок.— Проснись.

— Что, что? — Космический Скиталец оторвал свой взор от неба.

— Космический Скиталец! — гремел голос Рамфорда. Космический Скиталец моментально застыл по стойке «смирно».

— Да, сэр? — отозвался он, адресуя свои слова в сторону будуара из листьев. Это было бодрое, искреннее, располагающее к себе

приветствие. К нему под нос тотчас же подплыл свисающий со стрелы микрофон.

— Космический Скиталец! — В голосе Рамфорда уже слышались раздраженные нотки, так как церемония застопорилась.

— Здесь, сэр! — отозвался Космический Скиталец. Его слова обрушились на толпу из всех динамиков.

— Кто ты такой? Как твое настоящее имя?

— Я не знаю своего настоящего имени. Там меня называли Дутиком.

— Что произошло с тобой, Дутик, до того, как ты попал на Землю? — спросил Рамфорд.

Лицо Космического Скитальца озарилось улыбкой. От него требовали повторить то нехитрое утверждение, которое вызвало смех и шумное веселье в Кейп-Коде.

— Я стал жертвой целого ряда случайностей, как и все мы, — сказал он.

На этот раз не последовало ни смеха, ни шумного веселья, но толпе явно пришелся по вкусу ответ Космического Скитальца. Подбородки устремились кверху, глаза широко распахнулись, ноздри затрепетали. Но нарушить тишину никто не осмелился, ибо толпа боялась пропустить хоть одно слово Рамфорда и Космического Скитальца.

— Жертвой целого ряда случайностей, ты так сказал? — осведомился Рамфорд с макушки дерева. — Какая же из них, на твой взгляд, была самой значительной?

Космический Скиталец в задумчивости склонил на плечо голову.

— Дай подумать, — сказал он.

— Я избавляю тебя от этих трудов, — пообещал Рамфорд. Самой значительной из всех случайностей было то, что ты родился на свет. Ты хочешь, чтобы я сказал, какое имя тебе дали при рождении?

Космический Скиталец колебался всего какую-то долю секунды, и то лишь потому, что боялся испортить приятную для его души церемонию, брякнув что-нибудь невпопад.

— Скажи, пожалуйста.

— Тебе дали имя Малачи Констант, — объявил с макушки дерева Рамфорд.

Если толпа и бывает доброжелательной, то толпа, которая собралась поглазеть на Уинстона Найлзла Рамфорда, была как раз такой. Она не была одержима синдромом толпы. Люди ни разу не слились в едином порыве чувств, не говоря уж об овациях и улюлюканьях.

Люди отреагировали спокойно, каждый на свой манер, но, в целом, сочувственно, что Космический Скиталец — это не кто иной, как всеми презираемый, мерзкий и ненавистный Малачи Констант. Ведь в конце концов то, что они предавали повешению болванчика Константа, было делом их не совсем утраченной совести. И хотя болванчика Константа они казнили с удовольствием, едва ли многие из них считали, что живой Констант тоже заслуживает быть повешенным. Казнь болванчика Малачи Константа стала таким же ритуалом, как украшение рождественской елки или крашение пасхальных яиц.

Кроме того Рамфорд не сказал ничего такого, что отбило бы у них желание сочувствовать Космическому Скитальцу.

— Вы, мистер Констант, стали жертвой одного-единственного несчастного случая,— участливо пояснил он,— а именно: из вас сделали псевдокульт последователи массового религиозного течения.

Так бы не случилось, если бы мы в некоторой степени, не были расположены к вам. Мы не могли не быть расположенными, поскольку все ваши вопиющие грехи присущи человеческим существам испокон веков.

Через несколько минут вы, мистер Констант, подойдете по трапам и мостикам к той длинной золоченой лестнице, поднимитесь по ней, войдете в космический корабль и полетите на Титан, теплую и плодородную луну планеты Сатурн. И вы будете жить там в комфорте и полной безопасности, но вдали от вашей планеты.

И вы, мистер Констант, пойдете на это добровольно, потому что у церкви Господа Крайне Безразличного должен быть на вооружении сюжет о величественном самопожертвовании, который можно будет пережевывать до скончания века.

Мы же с вами, дабы получить духовное удовлетворение, вообразим, будто вы забираете с собой все свои заблуждения относительно истинного значения удачи, все злоупотребления богатством и властью и все омерзительные способы времяпрепровождения.

Человеку, который был Малачи Константом, Дутиком, Космическим Скитальцем и который снова стал Малачи Константом, в общем-то было наплевать, что его снова обозвали этим именем. Вполне возможно, что

он мог испытывать какие то неожиданные ощущения, избери Рамфорд несколько иной ритм. Однако Рамфорд предупредил, что, как только его снова нарекут Малачи Константом, судилище над ним продлится считанные секунды и будет таким ужасным, что поглотит все его внимание.

И это судилище должно было состояться не через годы, месяцы или дни, а через считанные минуты. И Малачи Констант, подобно любому осужденному преступнику, занялся изучением механизма, который ему предстояло привести в движение.

Трудно поверить, но прежде всего ему пришло в голову, что он обязательно споткнется, если сосредоточит все свое внимание на таком простом деле, как ходьба, что его ноги станут чужими и подогнутся под ним.

— Вы не споткнетесь, мистер Констант,— сказал, прочитав его мысли, Рамфорд.— Вам некуда больше идти, нечего делать. А мы будем в полном молчании следить за тем, как вы, передвигая одну ногу за другой, превращаетесь на наших глазах в самое яркое, незаурядное и значительное существо современности.

Констант повернулся к своей мрачной подружке и чаду. Взгляды обоих были устремлены на него. По их взглядам он понял, что Рамфорд сказал правду и что другой дороги у него нет. Би и юный Хроно, которые относились сверхцинично ко всякого рода торжествам, тем не менее держались в их водовороте мужественно.

Он секунд десять наблюдал за проявлением этого никому не нужного мужества.

Внезапно он опустил руки по швам, вскинул голову и ритмичным шагом двинулся в сторону космического корабля.

Как только его нога прикоснулась к трапу, в голове появился гул, который он не слышал уже три земных года. Звук исходил из вмонтированной под черепом антенны. Рамфорд с помощью коробочки в кармане посылал ему с дерева сигналы.

Он скрасил долгий и одинокий путь Константа, наполнив его голову барабанной дробью.

Вот что сообщала барабанная дробь:

Аренда тента, тента, тента.

Аренда тента, тента, тента! Аренда тента! Аренда тента! Аренда, аренда тента!

Барабанная дробь смолкла, как только ладонь Малачи Константа сжала позолоченную ступеньку самой высокой в мире стремянки. Он посмотрел наверх, и дальний конец лестницы показался ему не толще обычной иголки. Констант на какое-то мгновение привалился лбом к ступеньке, за которую цеплялась его рука.

— Может, вы, мистер Констант, хотите нам что-то сказать, прежде чем взойдете по этой лестнице? — спросил из буковой кроны Рамфорд.

Журавль с микрофоном на конце снова приблизился к носу Константа. Он облизнул губы.

— Вы хотите нам что-то сказать, мистер Констант? — поинтересовался Рамфорд.

— Если вы собираетесь что-либо сказать, говорите абсолютно нормальным тоном и держитесь примерно на расстоянии шести футов от микрофона, — предупредил техник, налаживавший микрофон.

— Вы хотите нам что-то сказать, мистер Констант? — не унимался Рамфорд.

— Может... может, об этом и не стоит говорить, — проблеял Констант, — но я все-таки хочу сказать, что не понял ничего из этого, что произошло со мной с тех пор, как я попал на Землю.

— Вы хотите сказать, что у вас не возникло ощущения сопричастности? — подсказал Рамфорд.

— Не в том дело. Мне ведь все равно придется лезть наверх.

— Ну что ж, если вам кажется, что мы поступаем не совсем справедливо по отношению к вам, в таком случае назовите хоть одно хорошее дело, которое вы совершили на том или ином этапе вашего жизненного пути, — продолжал Рамфорд из буковой кроны — и позвольте уж нам решить, может ли этот добродетельный поступок спасти вас от той участи, которую мы вам уготовили.

— Добродетельный? — переспросил Констант.

— Да, — раздраженно подтвердил Рамфорд. — Назовите мне хоть один добродетельный поступок, совершенный вами в жизни.

Констант погрузился в размышления. В основном все его воспоминания сводились к блужданиям по бесконечным ла-

биринтам пещер. Некоторые поступки Боуза по отношению к фисгармониям могли сойти за добродетельные, но Констант не умел кривить душой и заявлять о своей причастности к чужим добродетелям.

Потом он вспомнил Марс и то, что написал в письме к самому себе. Ну конечно же, там говорилось и о его добродетелях.

И тут он вспомнил Кремня Стивенсона, своего друга. У него был друг, и это, конечно же, говорило в его пользу.

— У меня был друг, — заявил в микрофон Малачи Констант.

— Как его звали? — спросил Рамфорд.

— Кремень Стивенсон.

— Всего один, друг? — спросил из буквой кронь Рамфорд.

— Всего один.— Несчастливая душа Константа переполнилась восторгом, так как он был уверен, что одного-единственного друга человеку вполне достаточно, чтобы насладиться всеми радостями дружбы.

— Итак, ваш иск по поводу добродетели будет либо удовлетворен, либо отклонен, в зависимости от того, каким другом вы были этому Кремню Стивенсону,— заявил из буквой кронь Рамфорд.

— Да,— отозвался Константин.

— Мистер Константин, вы припоминаете экзекуцию на Марсе, в которой вы выступали в роли экзекутора? — спросил Рамфорд.— На виду у трех полков марсианской армии вы придушили прикованного к столбу человека.

Это было то единственное воспоминание, которое Константин всеми силами пытался вытравить из своей памяти. Ему это в значительной мере удалось, и теперь он самым честным образом шарил в своей памяти. Он не мог сказать с полной уверенностью, что та экзекуция происходила на самом деле.

— Мне... кажется, я что-то припоминаю,— пробормотал Константин.

— Так вот, человек, которого вы придушили, был вашим большим и добрым другом Кремнем Стивенсоном,— изрек Уинстон Найлз Рамфорд.

Малачи Константин рыдал, взбираясь по золоченой стремянке. Он задержался на полпути, и Рамфорд обратился к нему голосом, усиленным динамиками.

— Надеюсь, теперь вы, мистер Константин, более живо воспринимаете свою сопричастность происходящему? — осведомился он.

Так оно и было. Теперь мистер Константин до конца прочувствовал всю свою никчемность и испытывал болезненную благодарность любому человеку, считавшему своим долгом приструнить его.

Когда он достиг вершины лестницы, Рамфорд велел не закрывать люк, потому что вскорости к нему поднимутся его подруга и сын.

Констант сидел на пороге космического корабля, в который упиралась стремянка, и слушал немногословную проповедь Рамфорда о смуглокожей подруге, об одноглазой женщине с золотыми зубами по имени Би. Константин слушал проповедь не слишком внимательно. Ему доставляло гораздо большее наслаждение зрелище развернувшейся внизу панорамы города, залива и острова.

Глядя на все это, он чувствовал, что даже человеку, не имеющему во всей Вселенной ни единого друга, может вдруг открыться загадочная и грустная красота родной планеты.

— Теперь я расскажу вам о Би, женщине, которая торгует куклами Малачи,— вещал Рамфорд далеко внизу под Малачи Константином,— об этой смуглокожей женщине, которая взирает на всех нас исподлобья.

Когда много лет назад она летела в сторону Марса, Малачи Константин силой навязал ей свое внимание и она родила от него сына. Прежде она была моей женой и хозяйкой этого поместья. Ее настоящее имя Беатрис Рамфорд.

Толпа издала стон. Разве удивительно, что люди отвернулись от всех покрытых пылью адептов земных религий и устремили свои взоры к

Ньюпорту? Ведь глава церкви Господа Крайне Безразличного не только способен предсказывать будущее и бороться с самым жесточайшим неравенством, он еще располагает воистину неистощимым запасом потрясающих сенсаций.

Сенсация была такой потрясающей, что Рамфорд даже позволил своему голосу замереть, когда сообщал о том, что одноглазая женщина с золотыми зубами была когда-то его женой и что Малачи Констант наставил ему рога.

— А теперь я призываю вас осудить ее образ жизни, как вы уже давным-давно осудили образ жизни Малачи Константа. В голосе Рамфорда не было и намек на мстительность.— Вы даже можете предать ее повешению на гардине или раме рядом с Малачи Константом.

Беатрис тоже впала в крайность, в крайность брезгливости,— продолжал Рамфорд.— В молодости она считала себя настолько утонченной и изысканно воспитанной, что сторонилась всех и вся, боясь запачкаться. Беатрис казалось в молодости, что жизнь состоит из одних микробов и вульгарностей, и она взирала на нее свысока.

Мы, прихожане церкви Господа Крайне Безразличного, проклинаяем ее за отказ поступиться своей мнимой чистотой во имя жизни, проклинаяем столь же сурово, как в свое время прокляли Малачи Константа за его пристрастие к пороку.

Все в Беатрис говорило о том, что в интеллектуальном, духовном и физическом смысле она наделена идеальными качествами, и человечеству потребуется еще десять тысячелетий, чтобы сравняться с ней. И снова перед нами случай, заставляющий краснеть заурядную, не обладающую даром творческого воображения личность всемогущего Господа. Предположение, что Господь всемогущий восхищался недотрогой Беатрис, по крайней мере столь же сомнительно, как и предположение о том, что Господу всемогущему захотелось сделать из Малачи Константа богача.

Миссис Рамфорд, я предлагаю вам и вашему сыну последовать за Малачи Константом в космический корабль, отбывающий на Титан,— произнес из буковой кроны Рамфорд.— Может, вы желаете что-либо сказать перед отлетом?

Наступила длительная пауза, во время которой мать и сын приблизились друг к другу, и, стоя плечом к плечу, взирали исподлобья на мир, так внезапно преобразившийся под влиянием последних событий.

— Миссис Рамфорд, не хотите ли вы обратиться к нам с речью? — спросил Рамфорд.

— Хочу,— ответила Беатрис.— Но моя речь предельно коротка. Надеюсь, все сказанное вами обо мне — правда, ибо вы так редко прибегаете ко лжи. Но знайте, что мой сын и я взойшли по этой лестнице не ради вас и всего этого бестолкового сброда. Мы сделали это ради нас самих и тем самым доказали и себе, и тем, кто на нас смотрит, что мы ничего не боимся. И сердца наши не будут разрываться от боли, когда мы покинем эту планету. Благодаря вам мы питаем к ней не меньшее отвращение, чем она к нам. Я не помню своей прежней жизни, той жизни, когда я была хозяйкой этого поместья и

сторонилась всех и вся из боязни запачкаться. Но я влюбилась в себя в тот самый миг, когда вы напомнили мне, какой я когда-то была. Я презираю всю человеческую расу, Землю и вас в том числе.

Беатрис и Хроно быстро зашагали по мосткам и трапам к стремянке и взошли по ней наверх. Они прошли мимо Малачи Константа, не сказав ему ни слова. И исчезли в люке.

Констант последовал за ними, и все трое занялись изучением своего ковчега.

Этот ковчег находился в ужасном состоянии — больше всего его вид ужаснул бы арендаторов поместья. Этот космический корабль, казалось бы недостижимый на вершине громадной колонны, послужил местом одной или даже нескольких оргий.

Койки были разобраны, постельное белье смято, скручено и скомкано. Простыни сплошь в пятнах помады и ваксы.

Под ногами хрустела жирная скорлупа жареных моллюсков. Повсюду валялись квартовые бутылки из-под «Лунной дымки гор», одна пинтовая бутылка из-под «Южного покоя» и дюжина банок из-под наррагансетского светлого пива. Разумеется, все пустые.

На белой стене возле двери губной помадой было написано два имени: «Бад» и «Сильвия». С выступа центральной опоры свисал черный бюстгальтер.

Беатрис собрала бутылки и банки из-под пива и бросила их в люк. Она сняла с выступа бюстгальтер и встала у окна, ожидая порыва ветра.

Малачи Констант все вздыхал и качал головой, сокрушаясь по поводу Кремня Стивенсона, но это не мешало ему ногами кое-как подгрести к двери останки жареных моллюсков и столкнул их вниз.

Юный Хроно восседал на койке и тер свой талисман.

— Поехали, ма,— твердил он.— Черт побери, поехали же.

Беатрис наконец избавилась от бюстгальтера. Подхваченный порывом ветра, он пронесся над толпой и повис на дереве по соседству с тем, которое занимал Рамфорд.

— Прощайте, вы, безгрешные, мудрые и очаровательные люди,— произнесла в люк Беатрис.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОСПОДИН С ТРАЛФАМАДОРА

Выражаясь пунктуально, — до свидания.

Уинстон Найлз Рамфорд

У Сатурна девять лун, самая большая из которых называется Титан.

Титан не намного меньше Марса.

Титан единственная из лун Солнечной Системы, имеющая свою атмосферу. В ней полно необходимого для дыхания человека кислорода.

Воздух на Титане пахнет точно так, как пахнет весенним утром возле земной пекарни.

В ядре Титана находится природная химическая топка, которая поддерживает на планете постоянную температуру воздуха, равную шестидесяти семи градусам по Фаренгейту.

На Титане три моря, каждое размером с озеро Мичиган на Земле. Воды всех трех морей прозрачны и отливают изумрудной зеленью. Эти моря называются: море Уинстона, море Найлза и море Рамфорда.

Еще там девяносто три озера образуют нечто вроде четвертого моря. Это скопление озер известно под названием Заводи Казака.

Море Уинстона, море Найлза, море Рамфорда и Заводи Казака связаны между собой тремя великими реками. Реки и их протоки норовисты и непостоянны: они то бурлят, даже выходят из берегов, то совсем замирают. Причина заключается в чрезвычайно неравномерном движении восьми остальных лун, а также чудовищной гравитацией Сатурна, чья масса в девяносто пять раз превышает массу Земли. Эти реки называются: Река Уинстона, Река Найлза и Река Рамфорда.

На Титане есть луга, леса и горы.

Самая высокая из гор — гора Рамфорда, возвышается над уровнем моря на девять тысяч пятьсот семьдесят один фут.

С Титана открывается превосходный вид на самую потрясающую достопримечательность Солнечной Системы — кольца Сатурна. Это ослепительные ленты шириной в сорок тысяч миль и толщиной с лезвие бритвы.

На Титане эти кольца называются Радугой Рамфорда.

Сатурн вращается вокруг Солнца.

Цикл равен двадцати девяти с половиной земным годам.

Титан вращается вокруг Сатурна.

А, следовательно, вокруг Солнца он движется по спирали.

Уинстон Найлз Рамфорд и его собака Казак представляли собой феномен волнового излучения, пульсирующий по искривленной спирали с исходной точкой на Солнце и концом в созвездии Бетельгейзе. Как только какое-нибудь небесное тело разрывало спираль, Рамфорд и его собака материализовались на этом теле.

В силу каких-то загадочных витков спирали Рамфорда, Казака и Титана совпадали с поразительной точностью.

Поэтому для Рамфорда и его собаки Титан был постоянным местом материализации.

Рамфорд с Казаком обитали на острове, расположенном

в море Уинстона в миле от берега. Их обитель представляла собой безупречный слепок с Тадж-Махала в земной Индии.

Обитель была воздвигнута стараниями марсианской рабочей силы.

Рамфорд, извращенный даже в капризах, называл свой дом на Титане «Приютом бесприютного».

До появления на Титане Малачи Константа, Беатрис Рамфорд и Хроно постоянно здесь обитало одно-единственное разумное существо по имени Сало. Сало был стар. Ему исполнилось одиннадцать миллионов земных лет.

Сало был представителем другой галактики — Малого Магелланового Облака. Рост этого существа составлял четыре с половиной фута.

Кожа Сало фактурой и цветом напоминала кожуру зеленого мандарина.

У Сало было три ноги — стройные, похожие на оленьи, чрезвычайно интересного строения: каждая представляла собой накачиваемую воздухом полость. Накачивая эти сферы до размера мячей для немецкого бэтбола, Сало мог ходить по воде. Уменьшая их до размера мячей для гольфа, Сало мог носиться на высокой скорости по твердым поверхностям. Когда Сало полностью спускал воздух, ноги превращались в присоски и он мог взбираться по отвесным стенам.

У Сало не было рук, зато было три глаза. Эти глаза воспринимали не только так называемый видимый спектр, но также инфракрасные, ультрафиолетовые и рентгеновские излучения. Сало был пунктуален, иными словами, жил лишь в настоящем отрезке времени и любил повторять Рамфорду, что предпочитает видеть восхитительные цвета окраин спектра, чем прошлое и будущее.

Это были лишь пустые слова, поскольку, живя в настоящем отрезке времени, Сало тем не менее мог заглянуть гораздо глубже в прошлое и будущее Вселенной, чем Рамфорд. К тому же он запомнил все из того, что видел.

Голова у Сало была круглая и сидела на универсальных шарнирах.

Голосовые связки ему заменял электрический шумопр-изводитель, по тембру напоминавший велосипедный звонок. Сало владел пятью тысячами языков, в том числе пятьюдесятью земными, включая тридцать один мертвый.

Хотя Рамфорд и советовал ему построить себе дворец, Сало жил под открытым небом возле космического корабля, который двести тысяч лет назад доставил его на Титан. Это

было летающее блюдо, послужившее прототипом марсианского атакующего флота.

Когда-то с Сало случилась удивительная история.

В 483411 году до н. э. по земному летоисчислению Сало был избран Всеобщим Телепатическим Энтузиазмом как самый красивый, самый здоровый и самый порядочный представитель своего народа. Поводом для этого избрания послужил стомиллионный юбилей правительства его родной планеты, расположенной в Малом Магеллановом Облаке. Его родная планета называлась Тралфамадор. Старый Сало пояснил Рамфорду, что на их языке это одновременно означает «все мы» и «номер 541».

Согласно подсчетам Сало, один год на Тралфамадоре равнялся 36162 земным годам, следовательно, торжество, в котором он принимал участие, состоялось в честь правительства 361620000 года по земному летоисчислению. Как-то в разговоре с Рамфордом Сало назвал эту длительную форму правления Гипнотической Анархией, но отказался объяснить ее сущность.

«Если ты не понял с ходу, что это значит,— сказал он Рамфорду,— то нет смысла объяснять».

На Сало, избранника Тралфамадора, возложили почетную миссию доставить запечатанное послание «с одного края Вселенной на другой». Организаторы церемониала были не настолько глупы, чтобы надеяться, будто рейс Сало наведет мост через Вселенную. Их цель была романтической, как, впрочем, и само путешествие Сало. Сало должен был всего-навсего взять и развить предельно высокую скорость на предельно дальнем расстоянии с учетом технологических возможностей Тралфамадора.

Сало не знал текста послания. Сало пояснил Рамфорду, что оно было составлено «вроде бы каким-то университетом, в котором никто не учится. Там нет никаких построек, никаких факультетов. В нем все учатся, но в нем никого нет. Он вроде облака, к которому каждый прибавил по клочку тумана, и это облако все за всех решает. Но на самом деле это не облако. Просто это нечто наподобие облака. Если ты, Шкипер, не понимаешь, о чем я толкую, то нет смысла тебе это объяснять. Я только могу сказать, что никаких собраний у нас не проводится».

Послание находилось в запечатанной свинцовой коробке размером четыре на три четверти дюйма. Коробка в золотой сетчатой сумочке была прикреплена проволокой из нержавеющей стали к стержню, служившему Сало неким подобием шеи.

Сало приказали не открывать сумочку и не распечатывать коробку до тех пор, пока он не прибудет к месту назначения. Но этим местом назначения был не Титан, а одна галактика, расположенная за восемнадцать миллионов световых лет от Титана. Организаторы церемониала, в котором участвовал Сало, не знали, что его ждет в той галактике. Ему полагалось отыскать там живые существа, овладеть их языком, распечатать послание и перевести.

Сало не пытался выяснить смысл этого поручения, поскольку он, как и все тралфамадорцы, был машиной. А машине полагается исполнять то, что от нее требуют.

Из всех приказов, полученных Сало перед стартом с Тралфамадора, один считался самым важным. Он гласил: послание ни в коем случае нельзя распечатывать по пути.

Этот приказ был возведен в столь высокий ранг, что стал смыслом жизни маленького посланника с Тралфамадора.

В 203117 году до н. э. по земному летоисчислению Сало ввиду технических неполадок был вынужден приземлиться в Солнечной Системе. Ему пришлось пойти на посадку из-за того, что в силовой установке его космического корабля полетела одна маленькая деталь — размером с земной консервный нож. Сало не обладал инженерными

способностями, поэтому имел лишь смутное представление о том, что представляет собой эта деталь или какая ей отведена роль. Поскольку корабль Сало работал на ОВВ, Образующей Воле Вселенной, то дилетанту нечего было и соваться в его силовую установку.

Но корабль Сало не совсем вышел из строя. Он мог летать, правда, весьма неуклюже, развивая не больше шестидесяти восьми тысяч миль в час. Даже в таком изуродованном виде он годился для коротких полетов в пределах Солнечной Системы, и ракеты, построенные по точному образцу этого изуродованного космического корабля, сослужили добрую службу марсианской военной машине. Однако в таком виде корабль был совершенно непригоден для межгалактической миссии Сало. Так что старина Сало окопался на Титане и отправил домой, на Тралфамадор, сигнал бедствия. Он отправил его со скоростью света, и это значило, что послание должно было достичь Тралфамадора через сто пятьдесят тысяч земных лет.

У Сало тем временем появилось несколько хобби, которые помогали ему коротать время. Главенствующее место среди них занимала скульптура, разведение титанических маргариток и наблюдение за различного рода деятельностью на Земле. С помощью обзорника, вмонтированного в панель

управления кораблем, Сало мог следить за деятельностью землян. Обзорник обладал такой мощностью, что с его помощью, если захочется, можно было наблюдать даже за возней земных муравьев.

Именно при помощи этого обзорника он получил первый ответ с Тралфамадора. Ответ был написан на Земле огромными каменными глыбами, разбросанными по равнине, на которой расположено современное государство Англия. Все еще сохранились развалины этого ответа, известные под названием Стоунхенджа. Если смотреть на Стоунхендж сверху, то на языке Тралфамадора он означает: «ЗАПАСНАЯ ДЕТАЛЬ ОТПРАВЛЕНА НА ПРЕДЕЛЬНОЙ СКОРОСТИ».

Старый Сало получил еще несколько посланий.

Их было четыре.

Если смотреть на Великую китайскую стену, то на языке Тралфамадора она означает: «ТЕРПЕНИЕ. ТЫ НЕ ЗАБЫТ».

Золотой дворец римского императора Нерона читается следующим образом: «МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ ВОЗМОЖНОЕ».

Московский Кремль, обнесенный старой стеной, читается вот так: «НЕ УСПЕЕШЬ ОГЛЯНУТЬСЯ, КАК СНОВА БУДЕШЬ В ПУТИ».

Дворец Наций в Женеве, Швейцария, означает: «СОБИРАЙ СВОИ ВЕЩИ И БУДЬ ГОТОВ ОТБЫТЬ ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ».

Простой арифметический подсчет показывал, что послания были доставлены со скоростью, значительно превышающей скорость света. Сало послал домой сигнал о бедствии со скоростью света, и тот достиг Тралфамадора через сто пятьдесят тысяч лет. Первый же ответ с Тралфамадора он получил меньше, чем через пятьдесят тысяч лет.

Таким примитивным существам, как земляне, весьма трудно понять, каким образом была налажена столь молниеносная связь. Учитывая примитивизм землян, скажем только, что тралфамадорцы научились принимать некоторые импульсы из Образующей Воли Вселенной,

отраженные от сводчатых архитектурных строений Вселенной со скоростью, примерно в три раза превышающей скорость света. К тому же они научились фокусировать и модулировать эти импульсы так, что они влияют на существа, находящиеся далеко-далеко от Тралфамадора, побуждая их служить тралфамадорским целям.

Это давало великолепную возможность влиять на ход событий в местах, расположенных черт-те где от Тралфамадора.

Но это обходилось не дешево.

Старый Сало не располагал соответствующей экипировкой для того, чтобы наладить подобную связь даже на коротком расстоянии. Для этого требовались прибор колоссальных размеров и огромное количество ОВВ, а кроме того расчеты нескольких тысяч инженеров. Но ведь даже основательно сконструированные, обеспеченные энергией приборы не всегда действуют безотказно. Старый Сало был свидетелем нескольких неудачных попыток наладить связь с помощью Земли. На Земле расцветали цивилизации, их народы начинали воздвигать громады сооружений, которые должны были стать посланиями с Тралфамадора, но вдруг эти цивилизации гибли, не завершив своей миссии.

Перед глазами старого Сало шли сотни подобных историй.

Старый Сало рассказал своему другу Рамфорду много интересных вещей о цивилизации Тралфамадора, но никогда не говорил об этих посланиях и технике их доставки.

Он только сказал, что отправил домой сигнал бедствия и теперь со дня на день ожидает запасную деталь. Образ мышления старого Сало так отличался от образа мышления Рамфорда, что тот не мог читать его мысли.

Сало радовался существовавшему между ними барьеру, поскольку не хотел, чтобы Рамфорд узнал, как Тралфамадор повлиял на ход земной истории. Хотя Рамфорд и был хроно-синкластически инфандибулирован и в связи с этим должен был бы шире смотреть на вещи, Сало обнаружил, что в глубине души Рамфорд оставался на редкость ограниченным землянином.

Старый Сало не хотел, чтобы Рамфорд знал о том, как тралфамадорцы обошлись с Землей, ибо считал, что друг непременно оскорбится и возненавидит его и всех тралфамадорцев. Сало знал, что этого не переживет — маленький тралфамадорец до безумия любил Уинстона Найлза Рамфорда.

В этой любви не было ничего оскорбительного. То есть она не была любовью гомосексуалиста, потому что Сало был существом бесполом.

Как и все тралфамадорцы, старый Сало был машиной.

Он был собран из шплинтов, зажимов, гаек, болтов и магнитов. Мандариновая кожа Сало, которая так бурно отражала его эмоциональные состояния, могла сниматься и надеваться, как водонепроницаемая куртка. Она застегивалась с помощью магнитной молнии.

Сало рассказывал, что тралфамадорцы изготавливали друг друга из деталей. Никто точно не знал, каким образом появилась на свет первая машина.

Легенда гласила:

«Когда-то жили на Тралфамadore существа, вовсе не похожие на машины. Но они были ненадежные, бездеятельные, недалновидные и недолговечные. К тому же эти бедные существа были одержимы идеей, что в жизни непременно должен быть смысл – либо высший, либо низменный.

Большую часть своей жизни эти существа тратили на выяснение, в чем заключается смысл их жизни. И каждый раз, когда им казалось, будто они нашли его, он оказывался таким низменным, что их охватывал стыд и срам.

Тогда, вместо того чтобы жить ради этого низменного смысла, существа создали машины, которые должны были жить ради него. Так что у существ оставалось время жить ради высшего смысла. Но как только они открывали этот высший смысл, он казался им не таким уж и высшим, чтобы жить ради него.

Для этого тоже были созданы машины.

И машины так умело справлялись со своим делом, что в конце концов им поручили выяснить, в чем же состоит наивысший смысл жизни живых существ. Все разом машины честно доложили, что в существовании живых существ на самом деле нет никакого смысла.

С тех пор живые существа начали убивать друг друга, поскольку больше зеего на свете ненавидели бессмысленное существование.

Однако тут же выяснилось, что даже в этом деле они мало что смыслили. И они поручили его машинам. А машины справились с ним быстрее, чем успеешь произнести «Трал фа ма дор».

С помощью обзорника на энергопанели своего космического корабля старый Сало следил за приближением к Титану корабля с Малачи Константой, Беатрис Рамфорд и их сыном Хроно на борту. Кораблю предстояло совершить автоматическую посадку на берегу Моря Уинстона.

На берегу этого моря высилось два миллиона скульптурных изображений человеческих существ в натуральную величину. Сало делал их штук по десять в каждый земной год.

Они были сосредоточены в районе моря Уинстона по той простой причине, что материалом для них служил титанический торф. Залежи титанического торфа расположены возле моря Уинстона на глубине двух футов от поверхности почвы.

Титанический торф – удивительный материал, а для умелого и находчивого скульптора он просто находка.

Только что извлеченный из недр торф напоминает по своей консистенции земную замазку.

Полежав час на свету и воздухе, торф приобретает твердость гипса.

Через два часа он становится крепким как гранит и поддается обработке лишь резцом.

Через три часа титанический торф можно резать только алмазом.

На создание такого количества скульптур Сало вдохновил спектакль, который разыгрывали у себя дома земляне. Даже не сам спектакль, а игра актеров, участвующих в нем.

Во все времена земляне вели себя так, словно за ними наблюдает с неба огромное око, которое жаждет развлечений.

Это огромное око требовало самых грандиозных зрелищ. Ему было все равно, что ставят на Земле: комедию, трагедию, фарс, сатиру, спортивный матч или водевиль. Его требование, которому земляне подчинялись с той же покорностью, что и силе гравитации, сводилось к следующему: спектакль должен быть зрелищным.

И земляне только и делали, что разыгрывали для этого ока представления: ночью, днем и даже во сне.

Это огромное око было единственной аудиторией, с мнением которой земляне считались. Самые экстравагантные представления, увиденные Сало, были разыграны людьми в полном одиночестве. Их единственным зрителем было это воображаемое око. И Сало попытался передать в своих скульптурах состояние тех землян, которые разыгрывали наиболее интересные спектакли для того гигантского ока.

Но еще больше поражали титанические маргаритки, произраставшие на берегу моря Уинстона. Когда Сало прилетел на Титан в 203117 году до н. э., у титанических маргариток были крохотные желтые цветки-звездочки величиной с четверть дюйма.

И вот Сало занялся селекционированием.

К моменту прибытия на Титан Малачи Константа, Беатрис Рамфорд и их сына Хроно обычная титаническая маргаритка имела цветоножку толщиной в четыре фута, которую венчал лавандово-розовый цветок весом больше тонны.

Наблюдая за приближением космического корабля Малачи Константа, Беатрис Рамфорд и их сына Хроно, Сало накачал свои ноги воздухом до размера бэтбольного мяча.

Он ступил на прозрачную, отливающую изумрудной зеленью поверхность моря Уинстона, и зашагал к Тадж-Ма-халу Уинстона Найлза Рамфорда.

Войдя в обнесенный стеной дворцовый двор, Сало выпустил из ног воздух. Раздалось шипение. Стены отозвались на него эхом.

Лилово-розовое складное кресло Уинстона Найлза Рамфорда возле бассейна было пусто.

— Шкипер!.. — позвал Сало. Он называл Рамфорда его наиинтимнейшим детским прозвищем, хоть тот и негодовал по этому поводу. Но Сало пользовался им не для того, чтобы рассердить Рамфорда, а чтобы доказать дружеское расположение, которое он к нему испытывал, и еще — чтобы подвергнуть их дружбу небольшому испытанию и увидеть, как они с честью из него выходят.

У Сало была причина подвергать их дружбу этому детскому испытанию. До того, как попасть в Солнечную Систему, Сало ни сном, ни духом не подозревал о существовании дружбы. Она была для него очаровательной новинкой и ему хотелось с ней поиграть.

— Шкипер! — снова позвал Сало.

В воздухе стоял какой-то странный запах. Взяв пробу, Сало определил, что пахнет озоном. Откуда — он не знал.

В пепельнице возле складного кресла догорал окурок сигареты. Значит, Рамфорд совсем недавно был здесь.

— Шкипер, Казак!.. — звал Сало. Обычно Рамфорд дремал в своем кресле, а Казак лежал у его ног. Большую часть своей жизни человек

и собака проводили у бассейна, принимая сигналы, исходящие из их других эго, рассеянных в пространстве и во времени. Как правило, Рамфорд неподвижно сидел в кресле, касаясь шерсти Казака безжизненными пальцами, Казак поскуливал и дергался во сне.

Сало заглянул в прямоугольный бассейн. Под восьмифутовым слоем воды на его дне покоились три сирены Титана, три прекрасные представительницы рода человеческого, фотографию которых Рамфорд подсунил много лет назад распутному Малачи Константу.

Это были статуи, сделанные Сало из титанического торфа. Из двух миллионов скульптур, вылепленных Сало, лишь эти три были раскрашены под цвет человеческого тела. Их нужно было раскрасить, иначе они бы не смотрелись на фоне роскошного восточного убранства рамфордовского дворца.

— Шкипер?! — в который раз окликнул Сало.

На зов откликнулся Казак, космический пес. Казак вышел из здания, куполы и минареты которого отражались в бассейне. Он появился из причудливого мира теней, царящих внутри огромных восьмиугольных покоев.

Казалось, Казака кто-то отравил.

Он замер как вкопанный и уставился на что-то слева от Сало. Но там ничего не было.

Казак присел, как бы готовясь принять жуткую боль, которую ему доставит следующий шаг.

И запыхал огнем Святого Эльма.

Огонь Святого Эльма — это яркий электрический разряд.

И живое существо, через которое он проходит, испытывает примерно такое ощущение, будто его щекочут перышком. Но со стороны кажется, что он пылает настоящим огнем, поэтому его страх был вполне понятен.

Ослепительный электрический разряд, поразивший Казака, был очень мощным. Озоновый смрад усилился.

Казак не шевелился. Он давно утратил способность удивляться. Пес пребывал в состоянии покорной безнадежности.

Пламя погасло.

Под сводами минарета появился Рамфорд. И у него был растрепанный и беспомощный вид. Полоса дематериализации — полоса пустоты шириной в фут, пронзила Рамфорда с головы до пят. Когда она исчезла, по его телу забегали узкие дымовые змейки.

Рамфорд держал над головой растопыренные ладони. С кончиков его пальцев струились розовые, фиолетовые и бледно-зеленые змейки огней Святого Эльма. В волосах плясали короткие трескучие языки бледно-зеленого пламени, создавая вокруг головы сияющий нимб.

— Мир тебе, — с усилием выговорил Рамфорд. Огонь Святого Эльма, объявший Рамфорда, погас. Сало охватил ужас.

— Шкипер... В чем... в чем дело, Шкипер? — спросил он.

— Солнечные пятна, — ответил Рамфорд. Он доплелся до лилового складного кресла, уложил в него свое величественное тело и прикрыл глаза рукой, белой и безжизненной, как мокрый носовой платок.

Казак улегся рядом, Казак вздрагивал.

— Я... я никогда не видел тебя таким,— пробормотал Сало.

— Такой бури на Солнце еще никогда и не было,— отозвался Рамфорд.

Сало не удивился, узнав, что солнечные пятна влияют на его хроносинкластически инфандибулированных друзей. Ему неоднократно приходилось видеть, как страдали от сол-

нечных пятен Рамфорд и Казак, но тогда самым серьезным показателем их страданий была рвота. Разряды и полосы дематериализации он видел впервые.

Вдруг на глазах у Сало Рамфорд и Казак сплюснулись до двух измерений, как изображения на полотнище развевающегося знамени.

Через мгновение они вернулись в объемную форму.

— Шкипер, я могу чем-нибудь помочь? — спросил Сало. Рамфорд издал стон.

— Когда-нибудь люди перестанут задавать этот мерзкий вопрос? — произнес он.

— Прошу прощения,— сказал Сало. Из его ног к тому времени вышел весь воздух, и они превратились в вогнутые присоски. Эти присоски чавкали по мраморным плитам.

— Ты мог бы не чавкать? — раздраженно сказал Рамфорд.

Старому Сало захотелось умереть. Впервые его друг Уинстон Найлз Рамфорд говорил с ним недружелюбным тоном. Сало не мог этого вынести.

Старый Сало прикрыл два из своих трех глаз. Третий глаз изучал небо. Его внимание привлекли две продолговатые синие точки. В небе парили титанические синептицы.

Эта пара отыскала воздушный поток.

Птицы неподвижно застыли в воздухе.

Их движения были плавными и совершенными. Для них вся жизнь была одной парящей мечтой.

— Грау,— дружелюбно сказала одна из синептиц.

— Грау,— подхватила другая.

Синептицы одновременно сложили крылья и камнем ринулись вниз.

Казалось, они расшибутся насмерть прямо возле стен рамфордовского Тадж-Махала, но птицы снова взмыли ввысь, чтобы начать еще одно долгое и приятное парение.

На этот раз они взмыли в небо, прочерченное туманным следом космического корабля с Малачи Константом, Беатрис Рамфорд и их сыном Хроно на борту. Корабль шел на посадку.

— Шкипер...— сказал Сало.

— Ты мог бы и не произносить этого слова?— сказал Рамфорд.

— Мог бы.

— Вот и хорошо. Я не люблю, когда меня так называют чужие.

— Но я думал... как твой друг... я мог бы заслужить право...— бормотал Сало.

— Может, сбросим эту дружескую маску? — неожиданно предложил Рамфорд.

Сало закрыл и третий глаз. Кожа на его туловище напряглась.

— Маску? — переспросил он.

— Опять твои ноги издают это чавканье!

— Шкипер! — воскликнул Сало и тут же поспешил загладить свою несносную фамильярность.— У и н с т о н... это какой-то кошмар... то, как ты со мной разговариваешь. Я считал, мы с тобой друзья.

— Давай лучше скажем так: нам удавалось быть в той или иной степени полезными друг другу и больше ничего,— уточнил Рамфорд.

Голова Сало закрутилась на шарнирах.

— Я думал, нас связывает нечто большее,— с трудом вымолвил он.

— Давай лучше скажем так: мы воспользовались друг другом каждый для достижения своих целей,— ехидно сказал Рамфорд.

— Я... я с радостью помогал тебе и... надеюсь в самом деле помог,— бормотал Сало. Он открыл глаза, чтобы видеть реакцию Рамфорда. Конечно же, Рамфорд снова проникнется к нему дружеским расположением — ведь Сало и в самом деле оказывал ему бескорыстную помощь.

— Разве не я дал тебе половину моей ОВВ? — спрашивал Сало.— Разве не я помог тебе снять чертеж с моего корабля? Разве не я принимал участие в первых вербовочных вылетах? Разве не я надуумил тебя, как держать под контролем марсиан, чтобы они не доставляли хлопот? Разве не я корпел вместе с тобой над созданием новой религии?

— Все это так, но вспомни, что ты сделал для меня в последнее время?

— А что?

— Опять двадцать пять! — воскликнул Рамфорд и пояснил: — Я вспомнил присказку одного земного анекдота, не слишком смешного для данной ситуации.

Сало знал кучу земных анекдотов, но этот не знал.

— Твои ноги! — воскликнул Рамфорд.

— Прошу прощения,— сказал Сало.— Если бы я мог рыдать, как земляне, я бы сейчас зарыдал! — Его несчастные ноги совсем вышли из повиновения. Они продолжали издавать звук, который Рамфорд ни с того ни с сего так возненавидел.— Прошу прощения за все! Могу сказать лишь одно: я делал все мне известное для того, чтобы быть настоящим другом, и ничего не требовал взамен.

— А что ты мог потребовать? Тебе ничего не было нужно,— сказал Рамфорд.— Тебе оставалось сидеть и ждать, когда она сама упадет тебе в руки.

— Что мне должно упасть в руки? — замирающим голосом спросил Сало.

— Запасная деталь к твоему космическому кораблю,— ответил Рамфорд.— Она, можно сказать, уже здесь. Вот-вот будет у вас, ваше величество. Она у мальчишки Константа. Он называет ее своим талисманом. Да вы сами это знаете.

Рамфорд выпрямился в кресле, позеленел и жестом призвал Сало к молчанию.

— Прошу меня простить. Снова приступ.

Приступ, настигший Уинстона Найлза Рамфорда и его собаку Казака, на этот раз был еще страшней первого. Бедному старому Сало казалось, что они или сгорят дотла, или взорвутся.

Казак носился взад-вперед, объятый огнем Святого Эльма.

Рамфорд стоял, не шелохнувшись, широко раскрыв глаза, — огненная колонна.

И этот приступ миновал.

— Прошу меня простить, — уничтожающе вежливым тоном сказал Рамфорд. — Вы сказали...

— Что? — уныло отозвался Сало.

— Вы что-то сказали или собирались сказать, — напомнил Рамфорд. Лишь капли пота на висках говорили о том, что всего секунду назад он подвергся страшной муке. Он затолкал сигарету в длинный костяной мундштук, прикурил и выставил вперед челюсть.

— Нас не будут тревожить в течение трех минут, — объявил он. — Так что вы сказали?

Сало с усилием заставил себя вспомнить тему их разговора. Это его окончательно расстроило. Случилось самое худшее. По-видимому, Рамфорд не только узнал о влиянии Тралфамадора на ход земных событий, что, разумеется, здорово его оскорбило, но к тому же посчитал себя одной из основных жертв этого влияния.

Время от времени Сало пронзало тревожное подозрение, что Рамфорд и в самом деле находится под влиянием Тралфамадора, но он гнал это подозрение от себя, поскольку все равно ничего не мог изменить. Он не говорил на эту тему с Рамфордом — это значило разрушить одним махом прекрасное сооружение дружбы. Сало утешал себя тем, что Рамфорд знает не так уж и много.

— Шкипер... — начал было он.

— Я же просил!

— Мистер Рамфорд, — поправился Сало. — Так вы считаете, что я вас каким-то образом использовал?

— Не вы. А ваши друзья-машины с вашего прекрасного Тралфамадора.

— Гм... так вы... вы считаете, что вас использовали, да, Шкипер?

— Тралфамадор проник в Солнечную систему, выбрал меня и забавы ради сделал из меня картофелечистку, — зло выпалил Рамфорд.

— Если... если вы могли увидеть это в будущем, то почему не завели разговор раньше? — спросил Сало.

— А кому по душе признаваться в том, что тобой воспользовались? — сказал Рамфорд. — Человек не любит признаваться в этом даже самому себе. — Рамфорд усмехнулся. — Может, вы и удивитесь, но я горжусь тем, что принимаю решения на основании собственных выводов.

— Я не удивлюсь.

— Да? — ежидно произнес Рамфорд. — А я думал, все это слишком сложно для разума машины.

Разумеется, это было слабым местом их дружбы. Сало в действительности был машиной, поскольку был сконструирован и собран из деталей. Он не скрывал этого факта. Но Рамфорд еще ни разу им не

воспользовался, чтобы оскорбить Сало. Теперь же ему явно хотелось его оскорбить. В своей тонкой аристократической манере Рамфорд дал понять, что быть машиной – значит, быть бесчувственным, прозаичным, вульгарным, бессовестно наглым...

Сало оказался трогательно беспомощным перед этими обвинениями. Благодаря той духовной близости, которая когда-то существовала между ними, Рамфорд прекрасно знал все его больные места.

Сало снова закрыл два из своих трех глаз и стал наблюдать за парящими синептицами. Они были величиной с земных орлов.

Сало захотелось превратиться в титаническую синептицу.

Космический корабль, несущий Малачи Константа, Беатрис Рамфорд и их сына Хроно, проплыл над самым дворцом и приземлился на берегу моря Уинстона.

– Даю вам честное слово, – поклялся Сало, – я не знал, что вас использовали и не имел ни малейшего представления, что вы...

– Машина, – со злобой процедил Рамфорд.

– Скажите мне, пожалуйста, а для чего вас использовали? Даю слово, я даже отдаленно не...

– Машина! – повторил Рамфорд.

– Если вы, Шкипер... Уинстон... мистер Рамфорд, такого плохого мнения обо мне после всего, что я пытался сделать для вас, руководствуясь лишь дружескими побуждениями, мне нечего сказать или сделать в свое оправдание.

– Именно так и должна говорить машина, – сказал Рамфорд.

– Так машина и сказала, – покорно согласился Сало. Он принялся накачивать ноги до размеров бэтбольного мяча, намереваясь уйти из дворца Рамфорда по поверхности моря Уинстона и никогда сюда не возвращаться. И только когда ноги надулись, до него дошел вызов, скрытый в словах Рамфорда. В нем явно чувствовался намек на то, что старый Сало еще может кое-что поправить.

Хоть Сало и был машиной, у него хватило чутья понять, что задавать вопросы в данной ситуации унижительно. Но он пересилил себя. Во имя дружбы он был согласен даже на унижение.

– Шкипер... скажи мне, что я должен сделать. Все... все, что угодно сделаю.

– В самое ближайшее время взрывом сметет с Солнца начало моей спирали и вышвырнет ее за пределы Солнечной системы.

– Нет! – воскликнул Сало. – Шкипер! Шкипер!

– Только, пожалуйста, без соболезнований, – сказал Рамфорд, делая шаг назад из боязни, что к нему прикоснутся. – Ведь это очень здорово. Я узнаю массу нового, увижу множество новых существ. – Он попытался улыбнуться. – Ты знаешь, как утомительно сидеть взаперти в этом однообразном часовом механизме Солнечной системы. – Он цинично расхохотался. – Да ведь я не в могилу ложусь. То, что когда-то было, будет всегда, а то, что когда-то будет, всегда было. – Он качнул головой, стряхивая с ресниц слезинку, о которой даже не подозревал. – Но как бы ни успокаивала эта хроносинкластически инфанди-булированная логика, мне все-таки хотелось бы узнать, каков истинный смысл этого эпизода из жизни Солнечной системы.

— Ты... ты изложил его лучше некуда в... твоей «Карманной истории Марса»,— сказал Сало.

— В «Карманной истории Марса» не упоминается о том факте, что на меня оказывали воздействие мощные силы, излучаемые с планеты Тралфамадор,— возразил Рамфорд и скрипнул зубами.— До того, как я и моя собака пронесемся, объятые пламенем, по космическому пространству, точно бенгальские огни в руках лунатика, мне бы очень хотелось

узнать, что это за послание, которые ты везешь,— добавил Рамфорд.

— Мне... мне об этом ничего не сказали,— проблеял Сало.— Оно запечатано. Мне приказано...

— Вопреки всем тралфамадорским приказам, вопреки всем твоим машинным инстинктам, Сало, заклиная тебя именем нашей дружбы распечатать послание и прочитать его мне,— сказал Уинстон Найлз Рамфорд.

Малачи Констант, Беатрис Рамфорд и их диковатый отпрыск Хроно угрюмо закусывали в тени титанической маргаритки на берегу моря Уинстона. Каждый член семейства сидел, облокотившись о статую.

На бородатом Малачи Канстанте, этом плейбое Солнечной системы, был все тот же ярко-желтый костюм с вопросительными знаками. Другой одежды у него попросту не было.

Констант облакачивался о статую святого Франциска Ассизского. Святой Франциск старался помирить двух огромных расклевывших птиц, должно быть, лысых орлов. Констант не мог знать, что на самом деле это не орлы, а титанические синептицы — он их еще не видел. Он прилетел на Титан всего час назад.

Беатрис, похожая, в своем карнавальном костюме на цыганскую баронессу, молча сидела у подножия статуи молодого студента-физика. На первый взгляд казалось, что этот облаченный в халат молодой человек — верный слуга истины. Что этот ученый, безмятежно улыбающийся над своей пробиркой, занят поисками истины. И он так же далек от корыстных интересов, обуявших человечество, как далеки от них фисгармонии в пещерах Меркурия. На первый взгляд казалось, будто перед вами молодой человек, начисто лишенный тщеславия и грязной похоти, но тем не менее никому бы и в голову не пришло оспаривать надпись, выгравированную Сало на пьедестале: «Открытие атомной энергии».

Но вам тут же приходила в голову мысль, что этот молодой человек должен распрямить плечи и в ужасе отшатнуться.

В голову Беатрис эта мысль еще не пришла.

Юный Хроно, темный и зловещий, как и его мамаша, уже совершил первый акт вандализма на Титане, вернее сказать, пытался его совершить. Хроно хотел нацарапать на основании статуи, о которую облакачивался, непристойное

земное словечко. Он пытался сделать это острым уголком своего талисмана.

Но закаленный титанический торф, прочный, как алмаз, лишь затупил уголок талисмана.

Скульптура, на которой Хроно пытался нацарапать ругательство, представляла собой семейную группу – неандерталец, его спутница жизни и их малыш. Это было глубоко волнующее произведение искусства. Сидящие на корточках косматые существа, подающие надежды на будущее, были прекрасны в своем уродстве.

Их вселенскую значимость не умоляла даже сатирическая надпись. Всем своим скульптурам Сало давал неподходящие названия, подчеркивая тем самым, что не считает себя профессиональным скульптором. В названии этой неандертальской группы обыгрывался вот какой момент: родители показывали ребенку человеческую ногу, поджаривавшуюся на примитивном вертеле.

Название было следующее: «Этот маленький поросенок».

– Отныне что бы ни случилось – грустное, радостное, печальное или мерзкое – будь я проклят, если прореагирую на это, – говорил своему семейству Малачи Констант. – Как только мне почудится, будто кто-то или что-то хочет воспользоваться мною – я тут же превращусь в глыбу льда.[™] Он посмотрел на кольца Сатурна и скривил губы. – Не слишком ли все это красиво описывается словами? – Он сплюнул на землю. – Если кто-то рассчитывает снова втянуть меня в свою грандиозную затею, его ждет огромное разочарование, – продолжал Констант. – Советую ему лучше поупражняться с одной из этих статуй.

Он снова сплюнул.

– По-моему, Вселенная – это барахолка, где слишком завышены цены. Мне надоело рыться в кучах хлама, пытаюсь заключить сделку. К тому же каждая из этих так называемых сделок соединена тонкой проволочкой с пачкой динамита. – Констант опять сплюнул.

– Я уйду в отставку, – заявил он. – Устраняюсь. Умываю руки.

Храбрая речь главы семейства была обычным перебира-нием изношенного тряпья. Сколько раз он обращался к этой теме за время их семнадцатимесячного путешествия сквозь космический мрак. Замусоленная философия марсианского ветерана.

Но в данный момент Констант обращал свою речь не к членам семейства. Он говорил громко, его голос разносился среди леса статуй, над морем Уинстона. Это было политическое заявление, предназначавшееся для ушей Рамфорда или кого-либо еще, притаившегося поблизости.

– Считайте это нашим последним выступлением в опытах, драках и торжествах, которые мы не любим и не понимаем, – заявил Констант.

«Понимаем», – эхом откатилось от стены дворца, возвышающегося на острове ярдах в двухстах от берега. Конечно же, это был «Приют бесприютного», рамфордовский Тадж-Махал. Констант не удивился, увидев здесь дворец, – это было первое, что он увидел, выбравшись из космического корабля, – сияющий в лучах солнца божественный Святой Августин.

– Итак, какая теперь намечена программа? – спрашивал Констант у эха. – Может, все эти статуи оживут?

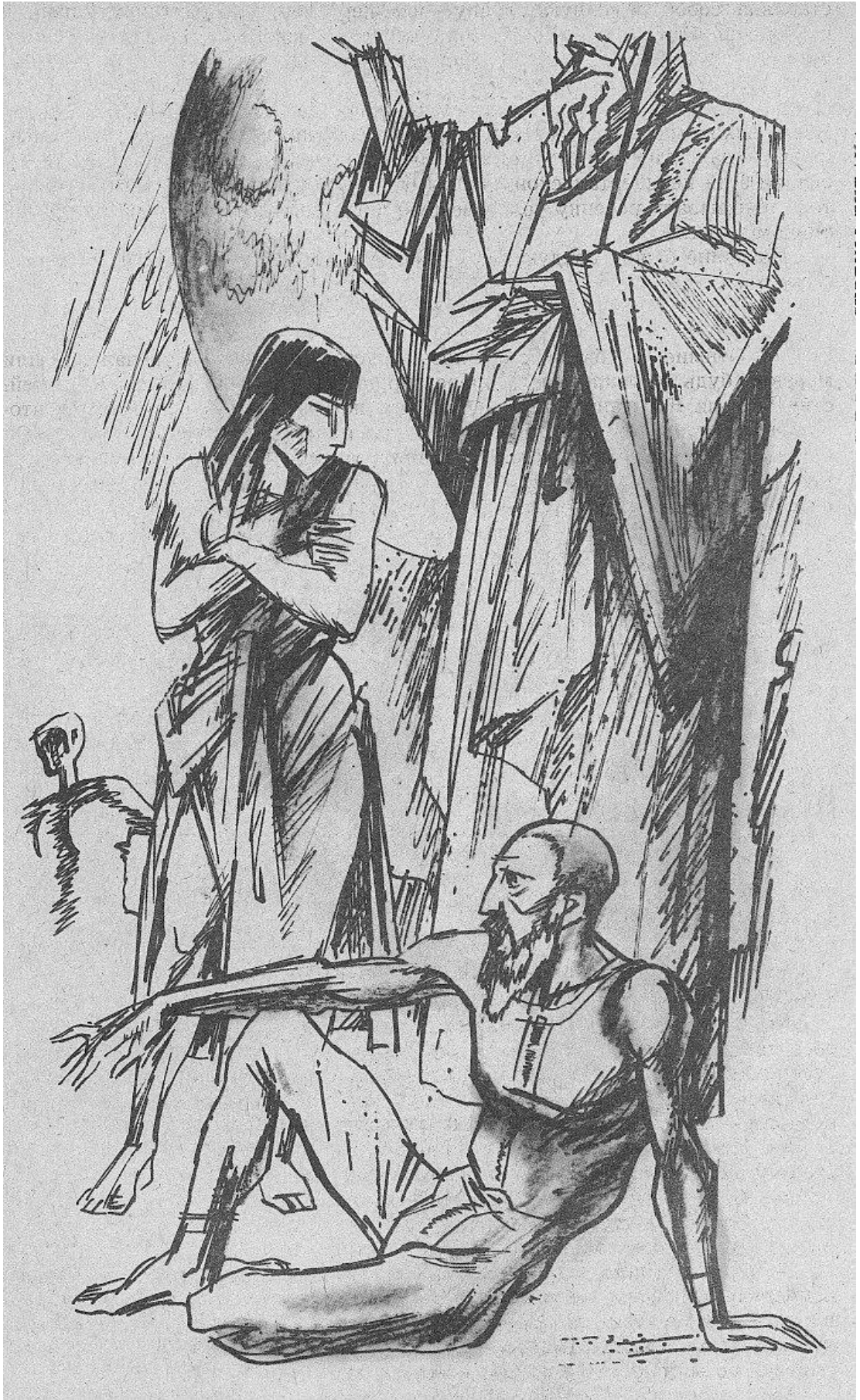
– Оживут... – отозвалось эхо.

– Это эхо, – сказала Беатрис.

– Я знаю, что эхо.

— А я не знала, что ты знаешь, что это эхо,— Беатрис была холодна и предупредительна. По отношению к Константу она вела себя безупречно, ни в чем не упрекала, ничего не требовала. Женщина, не обладающая столь аристократическими манерами, как Беатрис, могла бы превратить его жизнь в сущий ад, упрекая во всех грехах и требуя невозможного.

Ни о какой физической близости во время путешествия не могло быть и речи. Ни у Беатрис, ни у Константа такого желания не возникало. Как, впрочем, и у всех ветеранов с Марса.

Но так или иначе это долгое путешествие сблизило Константа с подружкой его жизни и сыном, сблизило куда теснее, чем та зыбкая система помостов, сходней, лестниц и платформ в Ньюпорте. В этом семействе любовь связывала лишь юного Хроно и Беатрис. Кроме этой любви между матерью и сыном существовала вежливость, мрачное сострадание и скрытое негодование по поводу того, что их согнали в одну семью.

— Господи, да ведь наша жизнь — сплошная забава, если над ней меньше задумываться, — изрек Малачи Констант.

Юный Хроно встретил это замечание родителя без тени улыбки.

Из всего семейства юный Хроно был меньше всех склонен смотреть на жизнь как на сплошную забаву. В конце концов, Беатрис с Константином могли уничтожить смехом те нелепые случайности, которые произошли с ними в жизни. Но юный Хроно не мог смеяться вместе с ними, поскольку сам появился на свет благодаря нелепой случайности.

Основным богатством юного Хроно были его талисман да складной нож.

Вдруг юный Хроно достал складной нож и хладнокровно щелкнул лезвием. Его глаза сощурились. Он приготовился совершить убийство, если появится такая необходимость. Он не сводил глаз с позолоченной шляпки, которая отделилась от острова.

На веслах сидело какое-то существо цвета зеленого мандарина. Конечно же, это был Сало. Он подавал лодку, чтобы перевезти во дворец все семейство. Сало был плохим гребцом — он сел за весла впервые в жизни. Он держал их своими присоскообразными ногами.

Но у него было преимущество перед человекообразным гребцом — у Сало был глаз на затылке.

Юный Хроно пустил солнечного зайчика прямо в этот глаз старого Сало, пустил с помощью блестящего лезвия своего ножа.

Глаз на затылке старого Сало моргнул.

Этот поступок Хроно нельзя было расценивать как обычную шалость. Это была одна из многочисленных хитростей обитателей джунглей — поставить любое попавшее в поле зрения существо в невыгодные условия. Всего одна из тысячи хитростей, усвоенных юным Хроно и его мамашей за год, проведенный в сельве Амазонки.

Смуглая рука Беатрис потянулась за камнем.

— Еще разок его щекотни, — тихо сказала она Хроно. Юный Хроно направил еще одного зайчика в глаз старого Сало.

— Похоже, у него уязвимо только туловище, — сказала Беатрис, не двигая губами. — Если тебе удастся попасть в туловище, займись его глазом.

Хроно кивнул.

Констант похолодел, поняв, какой сложный механизм самозащиты составляют его подружка и сын. Константа они не посвящали в свои замыслы. Он им был не нужен.

— А что делать мне? — шепотом спросил он.

— Тсс! — цыкнула Беатрис.

Сало пристал к берегу и привязал неуклюжим узлом свою золоченую посудину к запястью статуи. Это была статуя обнаженной женщины, играющей на тромбоне. Под ней сто-

яла загадочная надпись: «Эвелин и ее волшебная скрипка».

Сало был слишком убит горем, чтобы думать о собственной безопасности или о том, что его могут испугаться. Он постоял немножко на затвердевшей глыбе титанического торфа возле мостков, к которым причалил. Его несчастные ноги присосались к сырому камню. Сало пришлось приложить усилие, чтобы оторвать их.

Он приблизился к людям, от которых исходил этот слепящий свет.

— Прошу вас... — начал было он.

В луче зайчика мелькнул темный камень.

Сало увернулся.

Человеческая рука сдавила его тощую шею. Он упал.

Юный Хроно сидел верхом на старом Сало и тыкал ножом ему в грудь. Беатрис стояла на коленях в изголовье, нацелясь камнем прямо в лицо.

— Ну же, убейте меня, — проскрежетал Сало. — Вы только окажете мне услугу. Я бы так хотел умереть. Ей-богу, как было бы хорошо, если б меня не собрали и не завели. Убейте меня, избавьте от страданий, а потом идите к нему. Он просит вас...

— Кто? — спросила Беатрис.

— Ваш несчастный муж, мой лучший друг, Уинстон Найлз Рамфорд.

— Где он? — потребовала Беатрис.

— Вон в том дворце, на острове. Он умирает... в полном одиночестве, если не считать преданную ему собаку. Он просит к себе вас... всех вас. И говорит, что больше никогда не желает видеть меня.

Малачи Констант заметил, как свинцово-серые губы беззвучно поцеловали воздух. Едва-едва различимый щелчок языка. Вдруг эти губы растянулись в ухмылке, обнажая безупречные зубы Уинстона Найлза Рамфорда.

Констант тоже оскалил зубы, рассчитывая скрипнуть ими как можно сильней при виде этого человека, который причинил ему так много зла. Но он ими не скрипнул. Во-первых, потому, что на него никто не смотрел, а следовательно, осталось бы неясным, кому предназначался зубной скрежет. Во-вторых, Констант вдруг осознал, что чувство ненависти куда-то улетучилось.

Получился плебейский зевок — зевок раба в лицо аристократу, находящемуся в агонии.

Уинстон Найлз Рамфорд, полностью материализовавшийся, возлежал в своем складном лиловом кресле возле бассейна. Его взор, немигающий и невидящий, был устремлен в небо, изящная рука свешивалась, пальцы вяло перебирали звенья металлического ошейника Казака космического пса.

Ошейник был пуст.

Взрыв, происшедший на Солнце, разлучил человека с собакой. Вселенная, созданная во имя милосердия, не стала бы разлучать человека с его собакой.

Вселенная, в которой обитали Уинстон Найлз Рамфорд и его собака, не была создана во имя милосердия. Казак был послан вперед своего хозяина с важнейшим поручением в никуда и в ничто.

Казак исчез с воем, в клубах озона и бледного света, будто объятый жужжащим роем пчел.

Рамфорд выронил пустой ошейник — крик о смерти — он звякнул и сложился в бесформенный комок, бездушный раб гравитации, рожденный с перебитым позвоночником.

Рамфорд шевельнул своими свинцовыми губами.

— Привет тебе, Беатрис, женушка! — раздался его замогильный голос.— Привет и тебе, Космический Скиталец!..— Его голос чуточку потеплел.— Как любезно с твоей стороны, что ты не побоялся меня навестить.

— Привет тебе, необыкновенный молодой обладатель необыкновенного имени Хроно!.. Хайль звезде немецкого бэтбола, хайль обладателю талисмана!..

Троица, к которой он обращался, стояла по ту сторону бассейна.

Старый Сало, чье желание умереть так и не осуществилось, горевал, стоя на корме позолоченной лодки.

— Я не умираю, я просто отбываю из Солнечной Системы,— сказал Рамфорд.— И даже это неверно. С вневременной, всеобъемлющей, хроно-синкластически инфандибу-лированной точки зрения я буду здесь всегда. Я всегда буду там, где я уже был... Я все еще провожу с тобой, Беатрис, наш медовый месяц, разговариваю с вами, мистер Констант, в маленькой комнатке под лестницей в Ньюпорте. Да. И играю в прятки в пещерах Меркурия с Боузом и вами. Хроно... я все еще смотрю, как ты великолепно играешь в бэтбол на железной марсианской площадке.

Он простонал. Стон был тихий и очень скорбный. Стон растаял в теплом благоухающем воздухе Титана.

— Что бы мы с вами, друзья, ни говорили, мы без конца будем повторять — так было, так есть, так будет.

Он опять издал тихий стон.

Рамфорд проследил за тем, как стон расплывается в воздухе — подобно кольцам табачного дыма.

— Вы должны кое-что знать о жизни в Солнечной системе,— сказал он.— Будучи хроно-синкластически инфан-дибулированным, я узнал о ней все досконально. И это оказалась такая отвратительная штукавина, что я старался как можно меньше над ней задумываться.

Вот почему она такая отвратительная.

Все, что делали земляне, было predetermined обитателями планеты, отстоящей на сто пятьдесят тысяч световых лет отсюда. Эта планета называется Тралфамадор.

Каким образом тралфамадорцы осуществляли над нами свой контроль, мне неизвестно. Но я знаю, для чего они это делали. Они осуществляли над нами свой контроль для того, чтобы мы послали запасную деталь тралфамадорскому посланнику, который сделал вынужденную посадку на Титане.— Рамфорд указал пальцем на Хроно.— Она у тебя, молодой человек. Она у тебя в кармане. В твоём кармане

находится кульминационный момент всей земной истории. В твоём кармане находится загадочное нечто, и для того, чтобы это нечто создать и доставить по месту назначения, каждый землянин лез из кожи, ощупью прокладывая дорогу через тысячелетия.

Из ногтя обвиняющего перста Рамфорда вырос шипящий электрический прут.

— Та штукавина, которую ты называешь своим талисманом, на самом деле запасная деталь. Ее так долго ждал тралфамадорский посланник! — сказал Рамфорд. — Этот посланник — то самое существо мандаринового цвета, которое сидит, сжавшись в комок, за стенами дворца. Его зовут Сало. Я надеялся, что посланник позволит по крайней мере взглянуть человечеству на послание, которое везет — ведь человечество оказало ему столь ощутимую поддержку. К несчастью, он соблюдает приказ никому не показывать послание. Он машина, а у машин нет иного выбора, кроме как соблюдать приказы. Я вежливо попросил его показать мне это послание, но он наотрез отказался.

Шипящий электрический прут, проросший из ногтя Рамфорда, стал раскручиваться, образуя вокруг пальца спираль. Рамфорд окинул эту спираль взором, полным грустного презрения.

— По-моему, это она, — сказал он о спирали.

Так оно и было. Спираль слегка сжалась, как бы приседая, потом начала бешено вращаться вокруг Рамфорда, скручиваясь в сплошной зеленый кокон.

Все происходило почти бесшумно.

— Могу только сказать, что я изо всех сил старался принести пользу родной Земле, — раздался из кокона голос Рамфорда, — хоть мне и приходилось подчиняться непреодолимой воле Тралфамадора. Быть может, теперь, когда эта деталь наконец доставлена тралфамадорскому посланнику, Тралфамадор оставит в покое Солнечную систему. Может, теперь у землян наконец появится возможность развиваться свободно, следуя собственным наклонностям, какой у них не было целые тысячелетия. — Он чихнул. — Поражаюсь, как еще землянам удалось извлечь из всего этого какой-то смысл.

Зеленый кокон оторвался от земли и воспарил над куполом.

— Вспоминайте меня, джентльмена из Ньюпорта, Земля, Солнечная система!.. — крикнул Рамфорд. В его голосе по-прежнему звучали безмятежность, довольство и уверенность в том, что он одно из наивысших созданий природы.

— Выражаясь пунктуально, — до свиданья, — донесся из кокона горловой тенор Рамфорда.

Кокон, а вместе с ним и Рамфорд, чиркнув по небосводу, исчезли.

Рамфорда и его собаку больше никто не видел.

Как только исчез кокон с Рамфордом, во двор, подпрыгивая, вошел старый Сало.

Маленький тралфамадорец был вне себя от горя. С помощью присоски он сорвал со своей шеи сумочку с посланием.

Он глядел ввысь, в том направлении, где исчез кокон.

— Шкипер!.. — кричал он, обращаясь к небу. — Шкипер, послание!.. Я прочитаю тебе это послание!.. Послание, Шкипппер!..

Его голова дергалась на шарнирах.

— Исчез,— обреченно вымолвил он. И повторил шепотом: — Исчез...

— Машина? — Сало с трудом произносил слова. Он разговаривал с самим собой.— Да, я машина, и мой народ тоже. Меня спроектировали и собрали, не жалея ни расходов, ни усилий на то, чтобы я заслуживал доверие, был

подозрительным, дальновидным и долговечным. Я был лучшей машиной, которую смог создать мой народ. И как же я оправдал свои машинные качества?

Заслужил доверие?.. Мне доверили послание, которое я не должен открывать до места назначения, а я открыл.

Был производительным?.. Теперь, когда мой лучший друг исчез во Вселенной, я затрачиваю куда больше энергии на то, чтобы переступить через упавший лист, чем когда-то тратил на прыжок через гору Рамфорда.

Был дальновидным?.. Пронаблюдав за человеческими существами в течение двухсот тысяч земных лет, я стал таким же кокетливым и сентиментальным, как самая наивная из земных школьниц.

Был долговечным?.. Это мы еще увидим,— мрачно сказал он.

Он положил послание, с которым так долго не расставался, на опустевшее, лилового цвета складное кресло Рамфорда.

— Вот оно... друг,— сказал он, мысленно обращаясь к Рамфорду.— И пусть оно принесет тебе утешение, Шкипер. Это стоило огромных страданий твоему старому другу Сало. Для того чтобы вручить его тебе, хоть и слишком поздно, старому Сало пришлось вступить в бой с самим собой, с самой сутью своего машинного существа.

Ты просил от машины невозможного, и машина это сделала.

Машина теперь больше не машина. Ее контакты поразила коррозия, подшипники заело, произошло короткое замыкание. Ее разум гудит и ошибается, точно разум земного существа, шипит и перегревается от мыслей о любви, чести, достоинстве, правах, долге, цельности, совершенстве...

Старый Сало взял со складного кресла послание. Оно было написано на тонком алюминиевом квадратике. И состояло из одной единственной точки.

— Хотите знать, как меня использовали, на что потратили мою жизнь? Хотите знать,— вопрошал он,— что содержится в этом послании, которое я несу уже почти полмиллиона земных лет и которое мне предстоит нести еще восемнадцать миллионов лет?

Он зажал алюминиевый квадратик в ноге-присоске.

— Точка,— сказал он.— Одна-единственная точка.— Точка на Тралфмадоре означает: «П р и в е т с т в и я».

Доставив это пролетевшее сто пятьдесят тысяч световых лет послание себе, Константу, Беатрис и Хроно, маленькая машина с Тралфмадора быстро выпрыгнула из двора и устремилась на берег.

Там она совершила самоубийство. Она разобрала себя на части и расшвыряла их в разные стороны.

Хроно молча направился на берег и там задумчиво бродил среди останков Сало. Хроно и раньше знал, что его талисман наделен удивительной силой и особым смыслом.

Он всегда предполагал, что в один прекрасный момент обязательно появится какое-нибудь высшее существо и заявит, что талисман принадлежит ему. Ведь все наделенные настоящей силой талисманы не принадлежали человеку.

Просто люди их хранили, пользовались ими, пока не появлялись их настоящие владельцы – высшие существа.

Хроно не чувствовал ни смятения, ни пустоты.

Ему казалось, что все в порядке.

И самому мальчику в этом порядке отведено соответствующее место.

Он достал из кармана свой талисман и без всякого сожаления кинул его на песок меж разбросанных деталей Сало.

Хроно верил, что рано или поздно таинственные силы Вселенной снова наведут всеобщий порядок.

Они до сей поры всегда так делали.

ЭПИЛОГ

ВОССОЕДИНЕНИЕ С КРЕМНЕМ

Ты устал так сильно, ты так сильно устал. Космический Скиталец, Малачи, Дутик. Взгляни на ту тусклую звездочку, землянин, и задумайся о том, какой тяжестью наливаются твои члены.

Сало

Вот, в общем-то и все.

Малачи Константин и Беатрис Рамфорд дожили на Титане до глубокой старости.

Они отошли с миром, один за другим, в течение двадцати четырех часов. Оба умерли в возрасте семидесяти четырех лет.

И лишь титанические синептицы точно знают, что произошло в конце концов с Хроно, их сыном.

Семидесятичетырехлетний Малачи Константин был кривоногим, добрым и ворчливым старикашкой. Он совсем облы-

сел и почти все время ходил голым, если не считать белой, аккуратно подстриженной вандейковской бородки.

Он жил в космическом корабле Сало – прожил там все тридцать лет.

Констант не пытался заставить корабль взлететь. Он не осмелился прикоснуться ни к одному из приборов. На корабле Сало они были куда сложнее, чем на марсианских. На пульте управления взору Константа предстали двести семьдесят три ручки, переключатели и кнопки, каждые были помечены тралфамадорскими цифрами и буквами. Лучше быть подальше от этой игрушки, а то и глазом моргнуть не успеешь, как снова очутишься во Вселенной, состоящей из одной квинтильонной части материи на 1033 частей чер-нобархатной пустоты.

Констант осторожно осматривал корабль, пытаясь убедиться в том, что талисман Хроно на самом деле является деталью силовой установки.

Похоже, так оно и было. К силовой установке корабля вела дверца, из-под которой один раз шел дымок. Константин открыл ее, и взору предстало настоящее машинное отделение. Под слоем сажи он обнаружил грязные подшипники и кулачки, ни с чем не соединенные.

Констант сумел надеть железку Хроно отверстиями на эти подшипники и зажать ее между кулачками. У него это получилось не хуже, чем у самого умелого механика.

У Константа было много занятий, которые помогли ему коротать время в здоровом и благоуханном климате Титана.

Его самым любимым занятием была возня с Сало, с разобранным на детали тралфамадорским посланником. Константин потратил тысячи часов на то, чтобы собрать Сало и оживить.

До сих пор ему это не удавалось.

Констант занялся починкой маленького тралфамадорца, втайне рассчитывая, что тот согласится доставить на родную Землю юного Хроно.

Сам Константин, как и его подруга Беатрис, не испытывал никакого желания возвращаться на Землю. Однако и Константин и Беатрис считали,

что их сын, у которого вся жизнь впереди, должен провести ее среди своих деятельных и общительных сверстников.

Но к тому времени, когда Константу исполнилось семьдесят четыре года, проблема возвращения на Землю юного Хроно отпала. Юный Хроно уже был не особенно юн. Ему шел сорок третий год. И он пустил такие корни в почву

Титана, что было бы в высшей степени бесчеловечным обрывать их.

В возрасте семнадцати лет юный Хроно сбежал из роскошного дворца и присоединился к титаническим синепти-цам, самым замечательным существам на Титане. Хроно поселился в их гнездовье на берегу Заводей Казака. Он одевался в одежду из их перьев, высиживал их яйца, ел их пищу и говорил на их языке.

Констант никогда не виделся с Хроно. Иной раз поздно ночью он слышал крики Хроно. Констант на них не отвечал. Они ничего не выражали и были обращены не к живому существу.

Они были обращены к Фебу, скользящей по небу луне.

Порою, собирая титаническую землянику или крапчатые двухфунтовые яйца титанической береговушки, Констант наткался на маленькие алтари из камней и деревяшек, построенные на открытом месте. Хроно воздвигал такие алтари сотнями.

В них присутствовали все одни и те же элементы. Большой камень в центре символизировал Сатурн. Вокруг него обруч-прутик — кольца Сатурна. А за этими кольцами маленькие камешки — девять лун Сатурна. Самый большой из этих камней символизировал Титан. Под ним обычно лежало перо титанической синептицы.

Следы на земле говорили о том, что юный Хроно — не такой уж и юный, — подолгу крутил элементы своей системы.

Когда старый Малачи Констант наткался на такой вот заброшенный алтарь, воздвигнутый своим странным отпрыском, он, как умел, приводил его в порядок. Вытапывал траву и разравнивал землю, делал новое кольцо вокруг камня, который изображал Сатурн. И клал свежее перо синептицы под камень, символизирующий Титан. Это был единственный способ духовного общения, существовавший между Константом и его сыном.

Констант уважал религиозный пыл сына.

Иной раз, глядя на приведенный в порядок алтарь, Констант перебирал в памяти эпизоды собственной жизни. В такие минуты он пускался в меланхолические размышления; особенно его волновали две проблемы: убийство Кремня Стивенсона, лучшего и единственного друга, совершенное им собственноручно, и завоеванная на самом закате жизни любовь Беатрис Рамфорд.

Констант так и не узнал, догадывался ли Хроно о том, кто приводил в порядок его алтари. Возможно, он считал, что это делал бог или боги.

Все это было так печально. И вместе с тем так прекрасно.

Беатрис Рамфорд обитала в Тадж-Махале своего мужа. Ее отношения с Хроно были куда менее безоблачными. Хроно время от времени впласть добирался до дворца, обрушиваясь на родителей как снег на голову,

облачался в одежды из гардероба Рамфорда, заявлял, что сегодня день рождения Беатрис, и заводил дурацкие и мрачные беседы.

Потом Хроно рвал в клочья одежду, проклинал свою мать и цивилизацию и с пронзительным птичьим криком нырял в море Уинстона.

После такого «дня рождения» Беатрис втыкала в прибрежный песок весло с прикрепленной к нему белой простыней.

Это был сигнал для Малачи Константа, мольба немедленно приехать к ней и привести в порядок ее чувства.

И когда Константин в ответ на сигнал бедствия являлся во дворец, Беатрис успокаивала себя словами:

— По крайней мере, он не маменькин сынок. К тому же у него хватило величия примкнуть к самым знатным и самым красивым из местных созданий.

Вот и теперь на ветру билась белая простыня, сигнал бедствия.

Малачи Константин отчалил от берега в выдолбленном из древесного ствола каноэ. Позолоченная дворцовая лодка давным-давно сгнила и рассыпалась.

На Константе был старый шерстяной купальный халат синего цвета, принадлежавший некогда Рамфорду. Он обнаружил его во дворце и, когда костюм Космического Скитальца изнашивался, взял себе. Это было его единственное одеяние, которое он надевал, лишь отправляясь к Беатрис.

В каноэ у Константа лежало шесть яиц береговушки, две кварты дикой титанической земляники, трехгаллоновый торфяной горшок кислого маргариточного молока, бушель семян маргариток, восемь книг, позаимствованных им из дворцовой библиотеки в сорок тысяч томов, самодельная метла и совок.

Констант был человеком самостоятельным. Все, что ему требовалось, он либо выращивал, либо собирал, либо делал сам. Это безмерно тешило его душу.

Беатрис ни в чем не зависела от Константа. Рамфорд доверху набил Тадж-Махал запасами земной пищи и питья. У Беатрис всего было вдоволь и на всю жизнь.

Констант возил Беатрис туземную пищу — он очень гордился своими талантами лесника и землепашца. Он любил изображать из себя кормильца.

Это была жажда деятельности, любой, хоть бесполезной.

Констант прихватил с собой метлу и совок, чтобы разгрести мусор, в котором обычно утопал дворец. Беатрис никогда не занималась наведением порядка, и Константин, нанося ей визит, каждый раз производил хотя бы поверхностную уборку.

Беатрис Рамфорд была подвижная старая дама, одноглазая, смуглокожая, золотозубая и плоская, как спинка стула. Однако ни физическое узечье, ни духовные невзгоды не могли скрыть ее аристократическое происхождение.

Существо чувствительному к поэзии, не утратившему способности изумляться и любящему род человеческий, гордая широкоскулая подруга Малачи Константа показалась бы настоящей красавицей.

Правда, она, кажется, была слегка не в своем уме. На планете, где кроме нее жили всего два человека, она писала книгу под названием «Истинный смысл жизни в Солнечной системе». Целью этой книги было опровергнуть точку зрения Рамфорда, согласно которой весь смысл человеческой жизни в Солнечной системе сводился к тому, чтобы снова снарядить в путь посланника с Тралфамадора, сделавшего вынужденную посадку на Титане.

Беатрис засела за эту книгу после того, как от нее ушел к синептицам сын. Рукопись уже достигла объема в тридцать восемь кубических футов.

Каждый раз, когда Констант посещал Тадж-Махал, Беатрис читала вслух только что написанное.

Вот и сейчас она читала вслух, расположившись в старом складном кресле Рамфорда, а Констант слонялся по двору. Она была укутана в бело-розовое одеяло из дворцового реквизита. На одеяле было вышито: «БОГУ ВСЕ РАВНО».

Это было одеяло самого Рамфорда.

Беатрис так и сыпала аргументами, опровергавшими значимость влияния тралфамадорских сил.

Констант слушал рассеянно. Он просто наслаждался голосом Беатрис, звучным и торжествующим. Он сидел в колодце возле бассейна и откручивал вентиль, намереваясь впустить воду. Из-за титанических водорослей вода в бассейне стала напоминать пену на гороховом супе. Навещая

Беатрис, Констант каждый раз вел безуспешную борьбу со стремительно размножающейся зеленой напастью.

«Я бы ни за что не взялась опровергать тот факт,— читала Беатрис,— что силы с Тралфамадора в той или иной степени повлияли на земные дела. Однако личности, служившие интересам Тралфамадора, делали это столь индивидуально, что Тралфамадор практически не имел никакого отношения к этим делам».

Констант приложил ухо к вентилю. Судя по звуку, вода выходила медленно. Констант выругался. Одним из жизненно важных секретов, исчезнувших вместе с Рамфордом и умерших с Сало, был способ поддержания бассейна в чистоте. С тех пор, как уход за бассейном был возложен на Константа, водорослибуйно разрослись. Дно и края бассейна покрылись густой слизью, и статуи, изображающие трех сирен Титана, оказались погребенными под ее липким слоем.

Констант знал, какую роль в его жизни сыграли эти сирены. Он прочитал об этом в «Карманной истории Марса» и в «Авторизованном изложении Библии Уинстона Найлза Рамфорда». Теперь эти три роскошные красавицы значили для него совсем немного — разве только напоминали о том, что когда-то его волновали проблемы секса.

Констант вылез из люка.

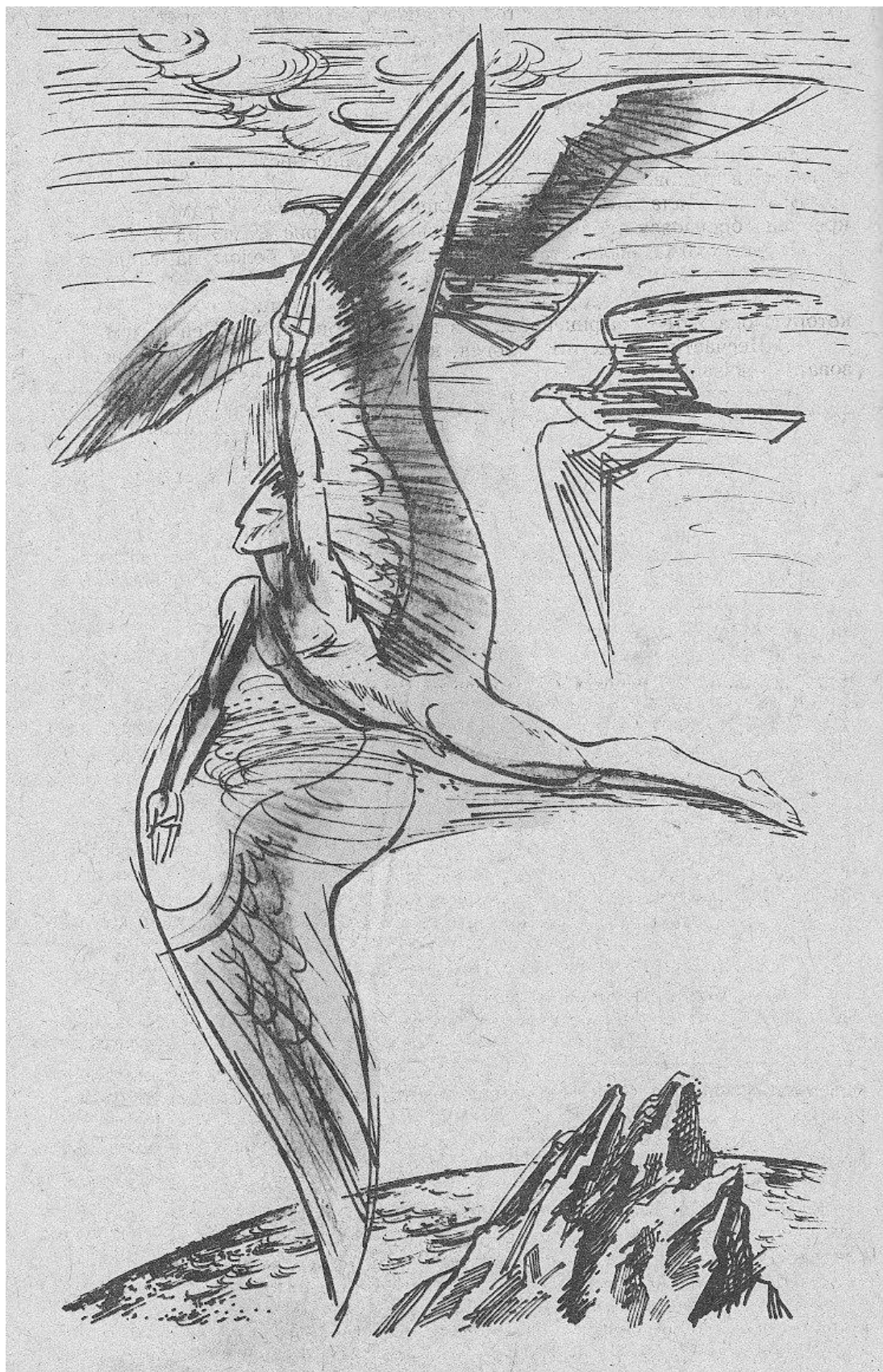
— С каждым разом вытекает все медленней,— сказал он Беатрис.— По-моему, надо раскопать трубы.

— Вот как? — Беатрис оторвала глаза от рукописи.

— Вот так.

— Ты всегда делаешь то, что надо,— заметила Беатрис.

— Это основной мотив моей жизни.

— Мне пришла в голову мысль, которую следует включить в книгу,— сказала Беатрис.— Если только она от меня не ускользнет.

— Я стукну ее совком, если она побежит в мою сторону.

— Помолчи-ка минутку. Дай мне ее уловить.— Она встала, вошла в переднюю залу дворца, чтобы ее не отвлекали Константин и кольца Сатурна.

Здесь она долго стояла у большой, написанной маслом картины, единственной во всем дворце.

На картине была изображена безукоризненно чистая девочка в белом, державшая на поводу белого пони.

Беатрис знала, кто эта маленькая девочка. К раме была прикреплена бронзовая табличка с надписью: «Беатрис Рамфорд в детстве».

Как непохожа была эта маленькая девочка в белом на глядевшую на нее старую даму!

Беатрис вдруг повернулась к картине спиной и вышла во двор. Мысль, которую она хотела зафиксировать в книге, снова пришла ей на ум.

— Несчастней всех тот человек, которого никто и ни для чего не использовал,— сказала она.

Эта мысль принесла ей облегчение. Она легла на старое складное кресло Рамфорда и взглянула вверх на прекрасные до дрожи кольца Сатурна — радуго Рамфорда.

— Спасибо, что ты использовал меня,— сказала она Константу,— хоть я этому и противилась.

— Пожалуйста,— ответил Константин.

Он принялся подметать двор. Мусор, который он выметал, представлял собой смесь занесенного с берега песка со стручками маргариток, скорлупой земного арахиса, жестянками из-под консервов и смятыми листами писчей бумаги. Беатрис питалась в основном семенами маргариток, арахисом и консервированными цыплятами, поскольку на приготовление этой пищи не нужно было тратить время, да и поесть можно было, не прерывая работы. Она могла одной рукой есть, а другой писать — самым большим желанием ее было успеть зафиксировать на бумаге все до единой мысли.

Бросив метлу, Константин пошел взглянуть, как выходит из бассейна вода.

Она выходила медленно. Липкая масса, под которой были погребены три сирены Титана, только-только начала выступать из воды.

Констант прислушался к журчанию воды.

Он услышал песню труб. И кое-что еще.

Он услышал, что умолк милый его сердцу звук.

Беатрис, спутница его жизни, перестала дышать.

Малачи Константин закопал свою спутницу жизни в титаническом торфе на берегу моря Уинстона. В том месте, где не было ни одной скульптуры.

Малачи Константин прощался с ней под небом, кишущим титаническими синептицами. Их было не меньше десяти тысяч, этих огромных благородных птиц.

Они превратили день в ночь, и воздух содрогался от хлопанья крыльев.

Ни одна из них не крикнула.

И вот в этой наступившей среди бела дня ночи, на холмике, венчавшем свежую могилу, появился Хроно, сын Беатрис и Малачи. На нем был плащ из перьев, и он махал полами плаща, как крыльями.

Он был прекрасен и могуч.

— Спасибо вам, отец и мать, за то, что вы подарили мне жизнь! — крикнул он.— Прощайте!

Он исчез, а вместе с ним исчезли и птицы.

Старый Малачи Констант с сердцем, тяжелым, как пушечное ядро, ползлелся во дворец. В эту печальную обитель его влекло желание навести там образцовый порядок.

Рано или поздно там появится кто-нибудь еще.

Во дворце должно быть чисто, аккуратно и все на своих местах. Пусть прежнего обитателя вспоминают добром.

Вокруг обветшавшего складного кресла Рамфорда были раскиданы яйца береговушки, дикая титаническая земляника, стоял горшок с кислым маргариточным молоком и корзина с семенами маргариток — дары Константа Беатрис. Это были скоропортящиеся продукты. Они бы не дотянули до появления нового обитателя.

Констант отнес их в свое каноэ.

Все это ему не нужно. Никому больше не нужно.

Распрямив свою старую спину, Констант увидел Сало, маленького тралфамадорского посланника, который шел к нему по воде.

— Здравствуй,— сказал Констант.

— Здравствуй,— сказал Сало.— Спасибо, что ты меня собрал.

— Я не знал, что у меня получилось. Ты ведь не подавал никаких признаков жизни.

— У тебя все получилось. Просто я лежал и думал, подавать признаки жизни или нет.— Он с шипеньем выпустил из ног воздух.— Наверно, я смоюсь отсюда.

— Все-таки собираешься доставить послание по назначению? — спросил Констант.

— У того, кто проделал из-за дурацкого поручения такой долгий путь, нет иного выбора, кроме как поддержать марку дураков и выполнить его,— сказал Сало.

— Сегодня умерла моя подруга жизни.

— Очень жаль. Я бы сказал: «Может, я могу быть чем-нибудь полезен?», но Шкипер как-то объяснил мне, что это самое омерзительное и глупое изречение на всех земных языках.

Констант уныло потер ладони. Теперь он был один как перст.

— Я тоскую по ней.— сказал он.

— Вижу, ты влюбился в нее,— заметил Сало.

— Всего лишь год назад по земному календарю. У нас ушло так много времени на то, чтобы понять, что смысл

человеческой жизни, кто бы ее ни контролировал, состоит в любви к окружающим, жаждущим этой любви.

— Если ты или твой сын захотите вернуться на Землю, я подброшу вас туда,— сказал Сало.

— Мой сын ушел к синептицам.

— Хорошо сделал! — воскликнул Сало.— Сам бы к ним ушел, если бы они меня приняли.

— Земля...— мечтательно произнес Констант.

— Теперь, когда корабль в исправности, мы долетим до нее всего за несколько часов,— сказал Сало.

— Здесь стало одиноко. Теперь, когда...— Констант покачал головой.

По дороге на Землю Сало понял, что совершил трагическую ошибку, предложив Константу вернуться на родную планету. Он понял это после того, как Констант потребовал, чтобы его доставили в Индианаполис, Индиана, США.

В этом требовании Константа было что-то тревожащее, поскольку Индианаполис был вовсе не идеальным местом для бездомного старика.

Сало хотел сдать его Совету престарелых в Санкт-Петербурге, Флорида, США, но Констант со стариковским упрямством настоял на своем. Он хочет в Индианаполис, и все тут.

Сало предположил, что у Константа в Индианаполисе есть родственники или старые деловые связи, но оказалось, что это не так.

— Я никого не знаю в Индианаполисе и ничего не знаю об Индианаполисе, кроме одного, о чем как-то прочитал в книжке,— сказал Констант.

— И что же ты там прочитал? — с тревогой спросил Сало.

— Индианаполис, штат Индиана,— место в Соединенных Штатах Америки, где впервые повесили белого за убийство индейца,— сказал Констант.— Люди, которые вешают белого за убийство индейца, мне подходят.

Голова Сало кувыркнулась на шарнирах, ноги горестно зачмокали по железному полу. Его пассажир почти ничего не знает о планете, к которой несется со скоростью, близкой к скорости света.

Хорошо хоть, у Константа были деньги. Это вселяло надежду. У него было примерно три тысячи долларов в различной земной валюте, которые он позаимствовал из карманов рамфордовских костюмов в Тадж-Махале. И по крайней мере, он одет.

На Константе был мешковатый, но добротный твидовый костюм Рамфорда, дополненный значком Фи Бета Каппа, висевшем на цепочке от часов, которая соединяла края жилета.

Сало заставил Константа надеть вместе с костюмом и этот значок.

К тому же на Константе было добротное пальто, шляпа и боты.

Когда до Земли оставалось всего час лету, Сало задумался, что еще можно сделать для того, чтобы остаток своей жизни Констант провел сносно, даже в Индианаполисе.

И он решил загипнотизировать Константа, чтобы хоть в последние минуты жизни он почувствовал себя необычайно хорошо. Жизнь для Константа должна завершиться приятно.

Уже сейчас, глядя в иллюминатор, Константин пребывал, можно сказать, в гипнотическом состоянии.

Сало подошел к нему сзади и заговорил баюкающим тоном:

— Ты устал, ты так сильно устал, Космический Скиталец, Малачи, Дутик. Взгляни на ту тусклую звездочку, землянин, и задумайся о том, какой тяжестью наливаются твои члены.

— Тяжестью...— повторил Константин.

— В один прекрасный день ты умрешь, Дутик. Мне очень жаль, но никуда не денешься.

— Никуда не денешься...— вторил Константин.— Не надо меня жалеть.

— Когда ты почувствуешь, что умираешь, Космический Скиталец, с тобой случится замечательное,— продолжал гипнотизировать Сало. И описал Константу, что ему почудится перед тем, как отойти в мир иной.

Это будет послегипнотическая иллюзия.

— Проснись! — воскликнул Сало.

Констант вздрогнул, отвернулся от иллюминатора.

— Где я? — спросил он.

— На тралфамадорском космическом корабле, летящем с Титана на Землю,— сказал Сало.

— А, ну конечно же. Я, наверное, заснул.

— Вздремни еще,— предложил Сало.

— Да... Наверно, я так и сделаю.— Константин лег на койку и забылся.

Сало пристегнул спящего Космического Скитальца к койке. Сам пристегнулся к креслу возле пульта управления.

И в который раз проверил показания приборов. Потом нажал ярко-красную кнопку.

Сало откинулся в кресле. Больше ему нечего делать. Теперь за него работали автоматы. Через тридцать шесть минут корабль приземлится в конце автобусного маршрута в пригороде Индианаполиса, Индиана, США, Земля, Солнечная система, Млечный Путь.

Это произойдет в три часа утра.

И там будет зима.

Космический корабль приземлился на только что выпавший снежный покров толщиной в четыре дюйма на окраине Индианаполиса. Все спали и никто не видел, как он приземлился.

Малачи Константин вышел наружу.

— Вон там останавливается твой автобус, старый солдат,— прошептал Сало. Приходилось разговаривать шепотом, потому что в тридцати футах от них стоял двухэтажный каркасный дом и окно спальни было открыто. Сало кивнул на засыпанную снегом скамейку на углу.— Тебе придется минут, десять подождать.— прошептал он.— Автобус довезет тебя прямо до центра города. Попроси, чтобы водитель высадил тебя возле хорошего отеля.

Констант кивнул.

— Все будет в порядке,— прошептал он.

— Как ты себя чувствуешь?— шепотом осведомился Сало.

— Тепло, как в печке,— прошептал Константин.

Из открытого окна спальни послышалось сонное ворчание:

— Эй, вы, убирайтесь... а... ммм...

— Ты на самом деле хорошо себя чувствуешь? — прошептал Сало.

— Да, просто прекрасно, — шепотом ответил Константин. — И тепло, как в печке.

— Удачи тебе, — прошептал Сало.

— Мы здесь так не говорим, — шепотом сказал Константин.

Сало подмигнул.

— Но я ведь не отсюда, — прошептал он и окинул взором этот безукоризненный белый мир, ощутил на себе мокрые поцелуи снежных хлопьев и задумался над тайным смыслом бледно-желтых уличных фонарей, которые освещали уснувший белый мир. — Прекрасно, — прошептал он.

— Правда ведь? — шепотом сказал Константин.

— Вы у меня схлопочете! — пообещал спящий за открытым окном тем, кто мешал ему спать. — Я вам! В чем дело?! Хррррр.

— Тебе пора, — прошептал Константин.

— Да.

— Прощай. Спасибо тебе.

— Для меня это одно удовольствие, — прошептал в ответ Сало. Он вернулся в корабль, закрыл люк. Корабль поднялся с гулом, который получится, если подуть в горлышко пустой бутылки. Он навсегда исчез в мареве. «Уу...» — сказал он на прощанье.

Под ногами Малачи Константа поскрипывал снег. Он смахнул со скамейки пушистый покров и сел.

— Умчались! — вдруг крикнул спящий, как будто до него, наконец, дошел смысл происходящего.

— Туда! — буркнул он, недовольный тем, что узнал.

— Вашу!.. — крикнул он, выражаясь недвусмысленно по поводу того, что собирается сделать.

— Бах!.. — крикнул он.

Вероятно, преступники все-таки успели скрыться.

Снег все падал и падал.

Автобус, которого дожидался Малачи Константин, из-за заносов пришел на два часа позже. Он пришел слишком поздно. Малачи Константин был уже мертв.

Сало так загипнотизировал его, что перед смертью ему представилось, будто он видит своего лучшего и единственного друга Кремня Стивенсона.

Константа засыпало снегом, а ему казалось, будто тучи рассеялись, пропуская солнечный луч, направленный специально на него. Вниз по этому лучу скользнул золотой космический корабль, инкрустированный бриллиантами, и приземлился прямо в девственный снег улицы.

Из него вышел коренастый рыжеволосый мужчина с сигарой в зубах. На нем была форма марсианского десантника.

— Привет, Дутик, — сказал он. — Залезай!

— Залезать? А кто ты такой?

— Кремень Стивенсон, Дутик. Ты меня не признал?

— Кремень! — воскликнул Константин. — Так это ты, Кремень?!

— А кто, кроме меня, выдержит эту проклятую скорость? — сказал Кремень и засмеялся.— Залезай!

— И куда мы полетим? — спросил Константин.

— В рай.

— А что такое рай?

— Место, где все счастливы всегда или, по крайней мере, теперь, пока не распадется наша проклятая Вселенная. Залезай, Дутик, Беатрис уже там, ждет тебя.

— Беатрис? — спросил Дутик, залезая в космический корабль.

Кремень закрыл люк и нажал кнопку пуска.

— Так мы... мы летим в рай? — спрашивал Константин.— Я... я значит попаду в рай?

— Не знаю почему, старина, но кто-то там, наверху, тебя любит.

